

СЕРИЯ НЕДВОЙСТВЕННОСТИ

www.ne-2.ru

J. C. Amberchele

**THE LIGHT
THAT
I AM**

**Notes From the Ground
of Being**

Джей Амбершел

**ЖИТЬ
ИЗ ОСНОВЫ
БЫТИЯ**

Свет Того, что есть Я

Рисунки автора

Москва 2011

ББК 87.7

А 61

Амбершел Д.

А 61 Жить из основы Бытия / Джей Амбершел; пер. с англ.
М. Русаковой — М.: Ганга, 2011. — 224 с.
ISBN 978-5-98882-129-8

Автор этой книги осужден на пожизненное заключение, но сам он *Видит* это иначе: не он находится в тюрьме, а тюрьма в нем — и что по сути он свободен.

Эта книга об этом непосредственном *видении*, открывшемся ему в тюрьме, и о подлинной человечности. Безыскусное, но выстраданное повествование человека, созревшего для того, чтобы свободе предпочесть Свободу.

В приложении приводятся упражнения, помогающие отыскать это *видение* в себе.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-98882-129-8

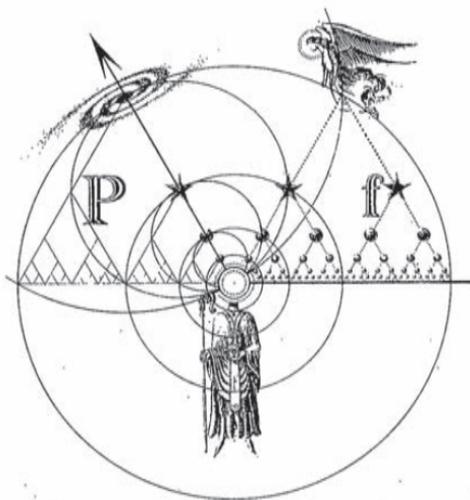
© Amberchele J. C., text 2005

© ООО Издательство «Ганга», 2011

*В память
о Дугласе Эдисоне Хардинге
(1909–2007)*

Взгляни! Уникальная традиция,
Запредельная всем учениям.
Никакой зависимости от слов.
Только прямое указание вовнутрь
На природную мудрость!

Бодхидхарма

*Рисунок
Дугласа Эдисона Хардинга*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Ричарда Ланга	9
Путь Хардинга	12
Никого нет дома	20
Свет Того, что есть Я	24
Букашки	31
Письма из дома	35
Ум-привычка	42
Разговор 1	47
Растем вниз	60
Сострадание	64
Два дня	69
Туннель истины	80
Практика	87
О замещении	92
Свет мой, зеркальце...	98
Поворотный момент	102
Тело	110
Разговор 2. Что я такое?	116
Мост	129
Что я хочу на самом деле	131
Протекание сквозь	142
Письмо сыну	145

Сдача «себя»	150
Еще больше того, что я хочу на самом деле	157
Разговор 3	168
Вся эта живность	171
Горы и реки	177
Прощение	183
Любовь	191
Я	196
Эпилог. Не в тюрьме	198
Приложение	208
Эксперименты «Безголового Пути»	208
Послесловие	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга – собрание заметок, основанных на воззрениях английского философа и духовного учителя Дугласа Эдисона Хардинга. Безголовый Путь Хардинга – это простой, современный, западный подход к тому, что лежит в сердце всех великих религий; не отрицающий другие подходы, но включающий их все и отчетливо освещающий Основу Бытия в нашей общей сердцевине. Основная тема этой книги – вопрос «Кто ты?», и в ней утверждается, что ты – вовсе не то, чем себя считаешь, не то, чем являешься по мнению других, не то, чем им кажешься. «Посмотри сам» – таково предложение (и название одной из книг Хардинга), так как ответ на этот вопрос можно найти не в концептуализации, а лишь в неподвзятом *смотрении*. То, что обнаружится при этом, может тебя поразить. Это действительно ошеломляет, и вместе с тем парадоксальным образом все видится вполне обыкновенным. И, как результат, приходит осознание того, что Ты, нерождающийся и неумирающий, всегда был Тем, что ты есть.

В 1960-х и 1970-х гг. Хардинг разработал несколько упражнений, чтобы обратить наше внимание на это исходное поле видения. Эти упражнения, или эксперименты, невероятно эффективны. Однако их нужно выполнять, а не просто читать о них, иначе очень мало что в этой книге станет понятным. Наша истинная природа – это не что-то, что нужно понять;

скорее, она то, что внезапно открывается, обнажается, вновь обнаруживается – а смысл ее становится понятен со временем. К экспериментам, описанным в тексте, можно вновь обратиться в приложении.

Главы этой книги были написаны как отдельные заметки, читать их можно в любом порядке. Ввиду того что все они самодостаточные, темы иногда повторяются – так же, как и эксперименты. Но поскольку переживание Единства безвременно – а точнее, запредельно времени, – вы, как и я, каждый раз возвращаясь к светящемуся осознанию вашей сердцевины, можете обнаружить, что это воистину происходит впервые.

Такие термины, как *Ничто-Все*, *Пустота-Наполненность*, *Осознание*, *Бог*, *Единство*, *Я*, *Вместимость*; *Тот*, *Кто Ты на самом деле*, *Первое-Лицо-Единственное число* и т.п., постоянно используются в этой книге и взаимозаменяемы. Они указывают на *Это*, на невыразимую Тайну, которая является нашей Основой, на Тайну, которую нельзя выразить словами, но которая, тем не менее, может быть *увидена*. Я надеюсь, что эта книга сможет указать на путь – Безголовый Путь, – ведущий к *Видению Того, Что Ты Есть на самом деле* (и, таким образом, к пребыванию *Этим*).

Автор заметок Д. Амбершел по сей день находится в тюрьме – однако сам он видит это иначе. Он видит, что это тюрьма находится в Нем – и что по сути Он свободен.

Вам не нужно ждать Свободы. Она доступна прямо сейчас. Все, что нужно, – обращать внимание *туда*, откуда вы смотрите. Это так же просто, как видеть. Если вы не понимаете, что я имею в виду, прочтите эту книгу! Каждая ее страница указывает путь к Свободе, которая находится в сердце вашей жизни.

Свобода приходит из *видения* источника, которым мы и являемся. В книге «Жить из Основы Бытия» Амбершел прямо и доходчиво указывает на источник всего, на источник, который ближе к каждому из нас, чем наше собственное дыхание.

Я знаком с Амбершелом и глубоко его уважаю. История нашей встречи и есть эпилог этой книги. Однако по сути эта книга не об Амбершеле (он сам бы на этом настоял), а о том, Кем он является на самом деле – и именно этим на самом деле являемся все мы.

Надеюсь, что книга вдохновит вас на то, чтобы посмотреть на себя свежим взглядом – в буквальном смысле *посмотреть* на себя, а не подумать о себе, – в результате чего вы обнаружите самое прекрасное на свете: Вы – вовсе не вещь, Вы – Источник, Вы – Основа Бытия.

Ричард Ланг

Путь Хардинга

Все мои прежние идеи относительно того, как все действует в этом мире, не далеко меня увели, учитывая, что больше двадцати лет я провел в тюрьме. Большинство своих взглядов я унаследовал от своего отца и от Джона Уэйна, и все, что не представлялось суперкрутым или суперклевым, казалось мне совершенно постыдным. В действительности, я почти всегда ощущал некую неловкость, что не в силах соответствовать тем нелепым стандартам, которые безоговорочно принял, – стандартам, которым не мог бы соответствовать ни я, ни кто-либо другой: как я должен себя вести; как другие должны ко мне относиться, как они должны вести себя в моем присутствии; как должны проходить дни, месяцы и годы в соответствии с моими желаниями.

В своем окружения я стал ходячим образцом для всех страдающих манией контролирования. И, как все одержимые контролированием люди, за личной непоколебимой силой пряталось ощущение пустоты и гиблости. Я постоянно вел войну между тем, кем, по моему мнению, мне нужно быть, и тем, кем я являюсь. Словно одурманенный я разрушал себя вновь и вновь, утаскивая за собой и других.

А однажды, много лет тому назад, когда я уже долгое время отбывал свой срок, я увидел по каналу PBS интервью Билла Мойерса с Джозефом Кэмпбеллом и решил попробовать медитировать. Сначала было

трудно – из-за скопления людей, шума и тюремного режима, но вскоре обнаружилось, что во время медитации у меня было значительно меньше ожиданий относительно себя и других людей, как будто вовсе не было никаких других. Обнаружилось место, где не было ни стандартов, ни смущения, – убежище, где больше не было нужды насаждать свою неверно направленную волю. И, за исключением тех редких «проблесков», когда я был на наркоте, и редких моментов смертельной опасности, случавшихся во время моей долгой преступной карьеры, это был первый случай, когда я по-настоящему себя заметил; заметил то голое внимание «я есть» в центре моего осознания, которое, как сейчас стало очевидно, всегда там было.

С тех пор загадка превратилась в вопрос: как это «я» появилось, и откуда оно появляется до сих пор? Прежний образ мышления, согласно которому я – отдельное сознание в отдельном уме и теле, был слишком болезненным, чтобы вернуться к нему. И хотя так меня учили – ведь это был привычный образ мышления моего отца и всех остальных, на которых я равнялся, – то был путь ограничения, конфронтации и бесконечного самоистязания. Должно было быть что-то другое.

Поиск этого привел к шести годам одержимого чтения. Я хотел исследовать невысказанное интуитивное чувство, которое у меня появилось в шестидесятых, когда я принимал ЛСД; то самое, которое тогда выражалось в форме страха, и то, которое вернулось во время интервью Кэмпбелла: чувство того, что в корне всех основных религий лежит одна и та же основная идея, такая ясная, что для ее осознания не требовались слова. Уже тогда я подозревал, что мое восприятие мира и мое так называемое место в нем были иллюзорны, что реальность была вовсе не тем,

что я о ней думал, как, впрочем, и все остальные. Похоже, человечество разыграли – или это Вселенная разыграла сама себя. Стало вдруг ясно, что моя прежняя жизнь была борьбой против обнаружения этого знания и что я держался за ложь, которую мне всучили, и набрасывался на всех, только бы избежать истины.

Я читал буддийские тексты, читал Гурджиева и Успенского, читал все, что мог найти о христианских мистиках. Проглотив Хафиза и Руми, я набросился на труды великих индийских мудрецов. Открыл для себя Вэй У Вэя. Затем вновь вернулся к буддизму и там уже окопался надолго. Я был твердо намерен разобраться в этой тайне, в самой сути вопроса.

А затем как-то раз я прочитал статью Дугласа Хардинга о его так называемой «безголовости», и что-то внутри меня перевернулось. Видеть То, кто мы такие, говорил Хардинг, – элементарно просто, так легко, что мы даже не обращаем на это внимания, но, не видя этого, мы воздвигаем философские и религиозные структуры грандиозных масштабов, тем самым еще больше это скрывая. А оно все время находится прямо Здесь, ближе ближнего.

И тогда я вспомнил старую суфийскую притчу о Мулле Насреддине, который въехал в город, возбужденно крича, что потерял своего осла, пока ему не указали, что он на самом деле сидит на нем.

Мысль была ясна: «Мы не можем *Это* видеть, так как *Этим* и являемся», и понимание этого было ошеломляющим. «Иллюзорный» – термин, который я использовал для описания моего сомнительного восприятия мира, – вдруг показался грандиозным преуменьшением. Все было не просто иллюзорным, все было стопроцентно наоборот! Я больше не находился во Вселенной; если уж на то пошло, теперь

Вселенная была во Мне, вместе с любой концепцией относительно моего предположительного «я», тела и ума. Я был, как сказал Хардинг, пространством, в котором возникал мир, пространством, которое активно участвовало в создании этого самого мира! Это было потрясающе!

Однако не терять это видение оказалось далеко не так просто. Как и все, я был обусловлен думать о себе как об отдельной личности с отдельным сознанием – осознание этого таинственным образом исходило из губчатого материала внутри моей головы. А Хардинг выявлял абсолютно противоположное и, как я теперь понимал, и многие другие, включая всех основателей великих религий. Но, как и их последователи, я был не в состоянии оставаться открытым; был не в силах помешать самому себе вернуться к тому ложному, чему меня обучали с детства.казалось, я был в ловушке собственной головы.

Несомненно, началась борьба. Было ясно: я мог всю жизнь просидеть скрестив ноги, жить один в горной пещере в Тибете, практиковать учения всех традиций, – и все еще выходить из всего этого с ложной точкой зрения, все еще видеть себя в качестве отдельного субъекта, который видит объекты. Я хотел отбросить ложное и вернуться к истине, прямо сейчас. Но я постоянно забывался, и это было мучительно. Как осуществить этот переход?

Я так и не ответил на этот вопрос – разве что, решил я, и нет никакого перехода. Борьбаться – значит только усиливать это ложное понимание. Конечно же, буддийская идея о том, что нирвана и самсара – это Одно, содержит ключ к решению проблемы, но я хотел жить этим, а не просто знать об этом.

А однажды во время одной из наших буддийских встреч, которые время от времени проходили здесь

в тюрьме, что-то произошло. В этой тюрьме тысяча пятьсот человек, а из них только девять назвали себя буддистами, и из них в тот раз пришли всего шестеро. Однако этого оказалось достаточно, чтобы произошло нечто волшебное.

После короткой медитации один из присутствующих начал дискуссию на тему, что значит *пустота*, выявив тем самым серьезную проблему. Последовали пререкания, которые, поскольку дело происходило в тюрьме, переросли в различные проявления авторитета и силы. Я подумал, что лучше вернуться к медитации, следить за дыханием, но остальные были не в настроении. Спор продолжался, и я уже подумывал уйти, как неожиданно вспомнил слова Хардинга о *пространстве*, которое находится *Здесь* и является *вместилищем* даже для споров; я также вспомнил его упражнения.

Эти упражнения удивительно простые и абсолютно радикальные. Я знаю, что они правильные именно благодаря своей простоте и радикальности, хотя когда я впервые столкнулся с ними в книгах Хардинга, я рассмеялся – они показались такими чудными. Но затем я понял, до меня, что называется, «дошло», что они в отличие от всего остального мира указывают в верном направлении.

Итак, я встал и начал ходячую медитацию вокруг нашего маленького круга из стульев, и все остальные, взглянув на меня, вскоре присоединились. Идея в том, чтобы прекратить болтовню и свести к минимуму мысли, фокусируясь на ощущениях в ногах при ходьбе. Но в тот раз я попросил всех забыть все, чему их учили, будто они только что родились в этой комнате и находили все новым и необычным. Я попросил их перевести свое внимание на *сейчас*, и *сейчас*, и *сейчас*, как будто прошлое и будущее были

мыслями, которые думать не разрешалось. Я вспомнил описание Хардинга, как он ехал в машине, отмечая, что мимо проносятся телеграфные столбы, а сам он недвижим. И я попросил всех сделать то же самое, увидеть, что движется ковер, а не они, наблюдать, как мимо проплывают стены и стулья, как по мере того, как они ходят по кругу, кружится комната.

Некоторые посмеивались, и через пару минут мы опять сели, и я попросил группу указать на потолок, обратить внимание на свою руку и на то, на что указывает палец, – в данном случае на потолочную плитку и лампы. Затем мы по порядку указывали на стену, на пол, на наши колени, на грудь, каждый раз замечая, что этот объект (наша рука) указывает на другие объекты, с их различными характеристиками. Но вот наконец мы указали на то, из чего мы смотрели, и я повторил вопросы Хардинга: «Если вы избавитесь от своего обуславливания, избавитесь от всего, чему вы когда-либо научились, и продолжите делать выводы только на основании свидетельства настоящего момента, то что же это такое, на что вы сейчас указываете? Матовый, круглый, отдельный и твердый предмет, подобный всем вещам там? Или вы указываете на *пространство* для этих вещей, на *вместилище*? И разве это *пространство* не безгранично,

безупречно и полностью прозрачно? И разве это безграничное *вместилище* не включает всю комнату и все то, на что вы смотрели? Разве оно не пробужденное, и разве вы найдете пробужденность где-либо еще, кроме как *Здесь*?»

Никто не произнес ни слова. У нас не было зеркалец и картонок с отверстиями или бумажных пакетов для других упражнений. Но прежде чем все они набросились на меня, я подумал о том, как мы могли бы справиться с конфронтацией – с которой заключенные очень хорошо знакомы, – разбившись на пары и сев друг напротив друга. Для упражнения Хардинга «лицо к не-лицу» нужен обычный пакет из супермаркета с отрезанным дном, чтобы оба конца были открыты. Один партнер надевает один его конец на свое лицо, другой делает то же самое с оставшимся, и принято думать, что партнеры, встретившись лицом к лицу внутри пакета, противостоят друг другу. Это наш обычный способ взаимодействия с другими. Но вопросы Хардинга выявляют нечто совершенно иное: «Забыв обо всем, что вам говорили, и основываясь только на доказательствах, имеющихся в данный момент, ответьте, сколько лиц на самом деле присутствует там? Вы находитесь лицом к лицу, или там – лицо, а *Здесь* – пространство? Вы противостоите этому человеку или являетесь *Вместилищем* для него? И разве не правда, что у вас *Здесь* нет ничего, ни самой малости, чем вы могли бы помешать другому человеку „войти“? Разве вы не безграничны, прозрачны, пусты на этом конце, и вместе с тем разве вы не наполнены человеком, что напротив вас? Так что в каком-то смысле вы на этом конце умерли и воскресли в лице того человека, находящегося на другом конце. Разве мы устроены не для того, чтобы умирать в пользу другого, и разве это не основа любви?»

Можете себе представить, какой реакции я ждал от своих товарищей-заключенных, однако они меня удивили. Я услышал: «Ух ты!» – и смех, и опять – «Ух ты!». Не знаю, насколько они что поняли, но что-то в той комнате произошло, пусть даже только со мной, или, я бы сказал, с *Пространством* на этом конце, с *вместилищем*, которое всегда *Здесь* и всегда наполнено тем, что находится *там*. Я вернулся с того собрания, зная с уверенностью, подтвержденной опытом, что Тот, Кто Я на самом деле, всегда доступен, всегда находится на расстоянии всего лишь одного упражнения.

Я возвращался в корпус, где находилась моя камера, наблюдая, как мимо проплывают тротуары, заборы и здания, тогда как Я оставался недвижимым, каким по сути был всегда. Мне нужно лишь указать пальцем, чтобы посмотреть на то, из чего я смотрю, и мне нужно лишь видеть лицо, чтобы знать, что конец всех противостояний находится *Здесь*. И уходя с того собрания, я понял еще кое-что: все, что проплывает мимо, есть не что иное, как То, Что Есть Я; удивительным образом я шел сквозь самого Себя, испытывая благоговейный трепет от каждого шага.

Поэтому я хочу поблагодарить Дугласа Хардинга. Я благодарен ему за его мудрость, которая, конечно, является и моей мудростью и мудростью всех, осознали мы это или нет. Я благодарен за все, что меняется, проходит и появляется, и за все лица, в пользу которых я устроен исчезать. В том числе и за эту любопытную физиономию вон там, в зеркале.

НИКОГО НЕТ ДОМА

Очевидно, что большинство из шести миллиардов людей на этой планете вовсе не испытывает любопытства относительно того, кем или чем они являются. Они приняли те характерные роли, которым обучились, и все. Мне кажется поразительным, что все, кроме мизерного процента мирового населения, живут глубоко укорененными в фундаментальной лжи и, более того, большинство будет до конца своих дней отстаивать эту ложь. Нам так комфортно или так страшно, что мы даже не хотим это исследовать?

Раньше, во времена моей преступной деятельности, я довольно часто летал самолетами, и мое место неизменно оказывалось рядом с человеком, который хотел знать, кто я такой по профессии. Обычно я слышал: «Ну... и чем вы занимаетесь?», или: «Командировка?», или иногда: «Из какой вы области?», как будто я только что вышел из головного офиса корпорации и направлялся на совещание по организации сбыта с моими коллегами из дочерней компании.

Но однажды, когда я летел в Лос-Анджелес, я сидел в первом классе рядом с мужчиной, который, как я заметил, был одет в непринужденном стиле – как и я; который носил дорогие часы – как и я; и от которого исходили эманации состоятельного человека «в свободном полете» – это уже не про меня. В то время я всем говорил, что был музыкальным агентом – профессия, о которой я ничего не знал, как, впрочем,

и никто другой, – так что обычно меня оставляли в покое до конца полета. Должен заметить, что женщины редко интересовались моей профессией. Обычно, если они вообще заговаривали, то спрашивали, куда я лечу или где я живу. Больше всего я боялся оказаться рядом с любопытными типами в темных костюмах, собственно, из-за того, что они были похожи на полицейских и зачастую занимались подробными расспросами. Несмотря на коктейли перед ужином и вино во время оно, мой сосед не разговаривал в течение половины полета. Я был ему за это благодарен, посчитав, что избавлен от неприятностей, и пообещав себе чаще летать первым классом. Однако как только я откинулся в кресле и устроился, чтобы немного вздремнуть, он ни с того ни с сего спросил: «Ну, и чем вы занимаетесь?»

Я стал вешать ему на уши свою обычную лапшу про то, что я – музыкальный агент, сопровождая свой рассказ достаточно недружелюбной, как я надеялся, улыбкой. «Вот как!» – сказал он, потянулся за своей сумкой от «Гуччи» и вынул из нее блестящую визитку. На ней было его имя, а под ним – еще несколько имен очень крупных фигур шоу-бизнеса. Я сидел рядом с агентом музыкальных агентов! «И я тоже», – сказал он.

Оставшуюся часть полета я провел в туалете, сославшись на то, что мне плохо. Меня разоблачили! Я был никем – не мог же я признаться, что я преступник! Я не знал абсолютно ничего про музыкальный бизнес – как вообще-то и ни про один другой легальный бизнес. Если я был тем, чем занимался по жизни, тогда лучше уж быть никем.

Не знаю, как моя семья так долго все это терпела, переезжая каждые шесть-восемь месяцев, меняя имена, школы, штаты, страны... Во время моего ареста

в рапорте говорилось, что за все эти годы я поменял 26 имен, для большинства из которых у меня были удостоверяющие личность документы, в том числе несколько паспортов. Я рассказываю об этом, потому что считаю, что это сыграло свою роль в том, что произошло со мной в дальнейшем. Моя сопротивляемость ослабла. Я так долго был никем, что, наверное, было легче отбросить идею о том, что я все же кем-то являюсь. Я нигде не прописывался, избегал своих постоянно меняющихся соседей, и у меня не было никаких общественных, политических или национальных связей; не было кредитных карточек, страховки, недвижимости, капиталовложений, не было даже банковского счета (свои наличные я закапывал). Для властей я в буквальном смысле не существовал, живя жизнью, насквозь пропитанной обманом.

Это что касается моего фиаско в области социальной адаптации. Однако передо мной все еще маячил вопрос, кто же я такой. Конечно, я был убежден в том, что я – человек, хотя и имеющий мало общего с другими людьми.

Итак, со своей слабой социальной адаптированностью, вкуче с тем, что я испытал под ЛСД в 1960-х гг., и с растущим любопытством относительно истинной природы вещей, я, видимо, оказался хорошим кандидатом на пробуждение. К сожалению, я неистово сопротивлялся, что было невероятно разрушительным для меня самого и для других. Мучимый страхом, я держался за то подобие контролирования, на которое только был способен.

После ареста, когда вместо имени у меня появился номер (еще одно доказательство того, что я никто), прошло несколько лет, прежде чем я начал поиск. Хотя я и использовал для этого интеллект и искал там, вовне, это был поиск модели того, кем или чем я

являюсь, и откуда появилась эта штукавина под названием «Вселенная». Когда я набрел на Безголовый Путь и реально испытал на себе ту *Пустоту-Полноту*, о которой читал у столь многих мастеров различных направлений, я вспомнил тот случай в самолете и подумал, как бы все могло развернуться дальше, скажи я тогда правду. Не правду о моей преступной деятельности, а правду о моей настоящей *работе*, о том, чем я был на самом деле и чем на самом деле занимался в качестве Чистой Субъективности. Конечно, если бы я знал Себя тогда, столько лет назад, я мог бы и не оказаться в том самолете и не заниматься криминалом. Ирония в том, что Я действительно был никем. И никогда не был «кем-то». Если уж на то пошло, то Я есть и всегда был всеми (и всем).

Все эти ошибочные устремления, все это притворство, все эти уловки и прикрытия! И чего ради? Теперь я знаю, ради чего. Если бы ничего этого не произошло, включая ту боль, за которую только Я несу ответственность, то я все еще мог бы жить в фундаментальной лжи, упрямо играя присущую мне роль одного из шести миллиардов других людей и особо не интересуясь, кем или чем я являюсь.

Сейчас мне ясно, что когда я заблуждаюсь, то раз за разом получаю «Господни похлопывания по плечу» – это и есть моя жизнь. Заблуждение необходимо, чтобы однажды услышать призыв обернуться и посмотреть. И когда я все же оборачиваюсь, все заканчивается, заканчивается игра. Каждый удар – это дар, и дары эти бесконечны. И, что самое замечательное, каждый раз, когда я их принимаю, в качестве вознаграждения действительно получаю удивление и радость. Только Вселенная могла придумать такое! Как еще узнать Самого Себя, кроме как сначала позабыв?

СВЕТ ТОГО, ЧТО ЕСТЬ Я

Меня всегда привлекала аналогия со сновидением как наглядное объяснение этой моей так называемой жизни. Конечно, когда дело касается указания на мою истинную природу, ничто не заменит реального указывания и смотрения. Тем не менее аналогия со сновидением подтверждает то, что я вижу, когда *Вижу*, и помогает разорвать связь с крепко засевшими убеждениями.

Все выглядит примерно так: когда я вижу сон, то переживаю на опыте мир, который реален для меня во сне. В этом мире сновидения возникает множество явлений – дома, машины, люди, животные, горы, облака – в кажущемся бесконечным разнообразии сцен, многие из которых возникают беспорядочно. Однако некоторые включают в себя прошлое-в-сновидении и будущее-в-сновидении, не говоря уже о распространенных примерах невероятного рассуждения-в-сновидении (которому, однако, верят!). Я испытываю желание и страх, радость и грусть, гордость и чувство вины. Я вижу, слышу, обоняю, осязаю и различаю вкусы так же, как я бы это делал в бодрствующем состоянии. Однако когда я пробуждаюсь, я знаю, что это был всего лишь сон, – я знаю, что каждый предмет и каждое событие происходили только в моем уме, что каким-то образом я ночью создал удивительно правдоподобный мир времени и пространства, содержащий всякого рода

явления. И я не имею ни малейшего понятия, как я это сделал.

Пожалуй, еще более удачная аналогия та, которую провел великий индийский мудрец Рамана Махарши. Когда его попросили описать природу реальности, он сравнил ее с кинофильмом. Я (Осознание) подобно экрану, сказал он, а жизнь – это фильм. Мы смотрим фильм и считаем его реальным, однако когда он заканчивается, мы знаем, что это было всего лишь кино. Независимо от того, сколько мимо просвистело пуль, независимо от проблем, трагедий или драмы фильма, фон, на котором его показывали, остается незатронутым – на экране нет никаких дырок от пуля, никаких следов...

А вот что по этому поводу сказал покойный Вэй У Вэй: «сам фильм на самом деле состоит из ряда кадров, расположенных по порядку таким образом, что когда пленку быстро прокручивают через кинопроектор, появляющееся на экране движение принимается как непрерывное и „живое“. Это движение – причина всех иллюзий. Согласно этой аналогии, осознание, или То, Кто Я на самом деле, – это свет кинопроектора, а мир – отображение этого света на экране, и появляющаяся в результате этого история принимается за реальную. Более того, То, Чем Я являюсь, можно рассматривать и как кинопроектор, и как фильм, но только в смысле Великой Загадки, Бездны, из которой возникает свет Осознания. Я понятия не имею, как я это делаю; не могу сказать, каким образом или почему существует Осознание или как Оно осознает Себя, не говоря уже о том, как возникает мир, – он просто есть. И, естественно, нуждаясь в ответе, убежденный другими, я еще в раннем детстве научился считать себя личностью, одним из персонажей фильма, и соответственно

решил, что могу делать что хочу, не осознавая, что как персонаж фильма я не в состоянии действовать по собственному усмотрению. Итак, к сожалению, я ошибочно считаю себя кем-то другим, являюсь иллюзорным персонажем в иллюзорном мире, который живет своей жизнью до тех пор, пока не закончится фильм.

Несомненно, из этих аналогий можно сделать множество разных выводов вдобавок к самому очевидному – тот, кем я себя считаю, не есть Тот, Кто Я на самом деле, и что то, что я считаю миром, вовсе не таково, каким кажется. Например, все три аналогии ставят под вопрос мое предположение о том, что время и пространство являются чем-то заданным, чем-то, в чем я нахожусь, и находятся *там, во-вне*, в качестве моей Вселенной. Когда мне снится сон, трехмерный мир, который я переживаю на собственном опыте каждую ночь, на самом деле не имеет никаких измерений и проявляется *Здесь*, где я нахожусь. Точно так же я воспринимаю фильм в трех измерениях, тогда как на экране изображение двумерное. А что касается света кинопроектора, то если только я не отвлекаюсь от драмы повествования, я его никогда не замечаю. И я также не замечаю, что на самом деле этот свет *вмещает* драму, *является* драмой, что он проявляется только в контакте с противостоящим экраном. Таким образом, я прихожу к выводу, что Осознание и так называемый мир возникают вместе и в некотором смысле едины. В аналогии Махарши, экран (Осознание) и фильм (мир) неразделимы. В аналогии Вэй У Вэй свет кинопроектора и фильм – одно и то же. Обе аналогии говорят мне, что Осознание – это канва мира, что Осознание и мир – Одно. И, тем не менее, парадоксальным образом они нуждаются друг в друге, чтобы осуществиться.

Все три аналогии также утверждают, что Осознание, или Тот, Кто Я на самом деле, неизменно и непреходяще. Иллюзорное движение и иллюзорное течение времени неотъемлемая часть фильма, тогда как экран (или свет) недвижим и вечен.

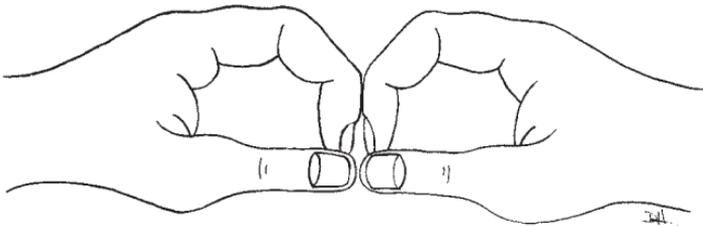
Они также напоминают мне, что основа моей природы – состояние *незнания*. Как у действующего лица фильма у меня есть прошлое, и я в ожидании определенного будущего, но как экран или свет Я остаюсь в стороне от этих выдумок – Я просто присутствую для того, что проявляется. Точно так же с *незнанием* приходит и отсутствие воли. Экран может быть неотделим от фильма, но не может управлять событиями в фильме. Можно было бы сравнить кинопроектор и проходящий через него целлулоид с Божьей Волей. Однако для света Осознания Бездна непознаваема, и Божья Воля появляется только как часть фильма – в качестве *того, что есть*.

Достаточно аналогий. Вопрос в том, достоверны ли они? Как опыт подтверждает метафору, и как метафора подтверждает опыт? Откуда я знаю, что все вышесказанное – не просто упражнение для ума? Я бился над этим вопросом долгие годы. Где-то внутри я знал, что появляющиеся ответы были достоверны – были проблески, мимолетные моменты Истины, – но мне нужны были доказательства, нечто конкретное.

Странно, но в моем первом опыте не было ничего яркого или завораживающего. Безусловно, я был удивлен, поражен тем, насколько это просто, изумлен значимостью всего этого, но лишь после того, как я повторял эти упражнения на протяжении нескольких месяцев, до меня начал доходить весь смысл этого. Не было никаких недель блаженства, не было никаких изменений в распорядке дня; были те же самые мысли, привязанности и страхи.

Но сейчас я мог *Видеть*. Конечно, я говорю об упражнениях Дугласа Хардинга на осознание. Эксперименты, которые он предлагал, казались детскими или вовсе идиотскими, но я попробовал их сделать. И вот – это было оно, яснее ясного – до меня сразу же дошло, во время упражнения с указыванием; я увидел, Кто Я на самом деле, во время эксперимента с картонками и с зеркалом, и от души посмеялся, рассматривая свои укороченные, перевернутые вверх тормашками ноги. Однако именно эксперимент с «Единственным глазом» принес, и продолжает приносить, поистине революционное видение.

Вот как это происходит: я держу перед собой очки (подойдут и солнечные очки, или можно изобразить очки руками). Дело в том, что я так долго сосредоточивался на других, что забыл свою истинную природу, и эксперимент с Единственным глазом возвращал этот фокус обратно Сюда, где Я нахожусь сейчас и находился всегда.

Когда я внимательно смотрю на очки и медленно подношу их к месту, где предположительно находятся мои глаза, мое внимание «затягивается» вовнутрь вместе с очками, и, когда я их надеваю, то замечаю нечто одновременно поразительное и странным образом знакомое – я смотрю из *одного* глаза, а не из двух, как меня учили, когда я был ребенком. Это даже больше, нежели глаз; как будто я смотрю из огромного

открытого окна без рамы, из окна, которое явно пусто, и вместе с тем – в этом состоит удивительная новость – полностью ОСОЗНАЮЩЕ! Как это произошло? Почему оно *пробуждено*? Как я мог этого не замечать, когда оно было *Здесь* все это время?

И вся красота этого *смотрения* через мой единственный глаз состоит в том, что теперь, когда я знаю, как и где искать, я могу это делать в любом месте и в любое время, просто разворачивая свое внимание на 180°. Нигде в мире я больше не нахожу этого открытого Осознания. Оно поистине уникально. Чем больше я смотрю, тем больше осознаю, что это пустое Осознание и есть Тот, Кто Я на самом деле, это *Первое лицо-Единственное число*. Я как бы надеваю монокль Бога каждый раз, когда надеваю очки.

И какой передо мной открывается замечательный вид! Я широко вытягиваю руки и держу этот огромный единственный глаз, которым являюсь и в который с легкостью вмещается все – вся Вселенная. Я смотрю и вижу свой Свет. Я смотрю и не вижу никакой разницы между этим Светом Осознания и изменчивым происходящим внутри него – они появляются вместе. И, тем не менее, я знаю, что без этого Света не было бы ничего из того, что происходит. Я – неподвижный экран, на котором появляется движущийся фильм. Я – Свет, который создает все происходящее, Я также все происходящее, которое содержит этот Свет. Я – и то и другое.

Почему я все-таки знаю, что эти аналогии достоверны? Потому что Я *Вижу*, что пуст и не содержу никаких явлений, что Я есть Свет, в котором появляется фильм, со всем множеством его сцен. Я *Вижу*, что мир-фильм находится *Здесь* и что Я – пробужденный Сновидящий этого потрясающего сна. Я *Вижу*, что экран и фильм, Сновидящий и сон, неотделимы

друг от друга, однако загадочным образом они взаимодействуют, словно два отдельных явления!

И во время всего этого я каким-то образом продолжаю функционировать как индивид, назначенный на свою человеческую роль. Итак, ничто не изменилось и изменилось все. Как однажды сказал наш современник мудрец Адьяшанти: «Я – клоун, который играет свою роль. Самое большое, на что я могу рассчитывать, – быть достаточно смешным».

«Все смотрят Единственным глазом Того, Кто Видит».

Д. Э. Хардинг

БУКАШКИ

Когда я впервые обнаружил Безголовый Путь, у меня не было проблемы с тем, чтобы увидеть пустоту в своей сердцевине. Но, как мне помнится, я думал, что эта пустота на самом деле была размером с голову, такой маленькой, чтобы вписаться в границы этой воображаемой головы, которую я все еще повсюду таскал на себе.

Конечно, это не так. Эта пустота вовсе не маленькая. На самом деле нет ничего такого во всей Вселенной, что не поместилось бы в этой вместительной пустоте – даже сама Вселенная. Как может быть иначе? Что, кроме безграничного *Ничто*, может вместить границы всего?

Это напоминает мне комара, которого я однажды поймал пластиковым стаканчиком. Он курсировал по потолку в моей камере, наверное, рассматривая меня как возможность быстро подкрепиться, но наконец приземлился на стене, и я смог его поймать. Рассматривая его, я понял, что комар воспринимал свой мир так же, как я воспринимал свой. Конечно, не при помощи того же оборудования и не с теми же результатами, но с той же перспективы, из той же широко открытой пустоты, которой мы оба являлись. Здесь открывающийся предо мной вид был безграничен – так же, как и вид, открывающийся перед комаром. Мое пространство видения было пустым, пробужденным, безличным и наполненным всем

происходящим – так же, как и пространство комара. И почему оба пространства были одним и тем же? Потому что *Здесь* не было ничего, что бы могло отличаться от другого! Ничто именно этим и является – это отсутствие чего-либо. Пробужденность именно этим и является – она пробуждена. *Здесь* нет никаких градаций, количеств и качеств. Моя пустота не была размером с голову, а пустота комара не была размером с комара. Была только неопиcуемая *пустота*, из которой все возникает и в которую все возвращается.

Разумеется, я вынес комара из камеры и отпустил его. И все-таки попросил на прощание не возвращаться и не пить мою кровь.

В небольшом саду прямо у корпуса с камерами растут подсолнухи, и так как я работаю здесь уборщиком, мне разрешен доступ в некоторые места, в которые другим заключенным вход запрещен. Одно из таких мест – клочок земли с подсолнухами. Недавно, придя туда, я увидел, что он просто кишит насекомыми – шмелями, пчелами, осами, божьими коровками, всякими жучками, пауками, стрекозами, слепнями, мухами... Кого тут только не было! Я смотрел, как они занимаются своими делами, и они меня завораживали все больше и больше. И хотя вокруг летали пчелы и иногда садились на меня, я не боялся, что они могут меня ужалить. Будто бы я сам стал подсолнухом, предлагающим пищу своим летающим и ползающим друзьям.

Я всегда спокойно относился к змеям, но пауки мне казались зловещими и опасными. Единственное взаимодействие с пауком, которое приветствовалось раньше мною, – расплющивание его газетой или ботинком. Но с тех пор как я обнаружил свою безголовость, не могу себе представить, как можно относиться к ним с такой неосознанной жестокостью.

Теперь я просто прогоняю их, если они оказываются в коридоре, который я подметаю. Если же я опасаясь, что их могут убить другие, то переносу их в более безопасное место. Однажды, увидев паука «черная вдова» всего в нескольких дюймах от своего лица, я ощутил в груди прилив чувства. Однако это оказался не страх. Это было благоговение, типа того, которое можно испытать, если выйти из дома на заре и увидеть самый поразительный рассвет в своей жизни.

Вчера на листочке подсолнуха сидела цикада размером с мой большой палец. Другой заключенный – смотритель, ответственный за сад, – взял ее с листочка и понес в Управление, в шутку положив ее на стол, чтобы посмотреть, как отреагирует одна служащая. Она с ужасом отпрянула и если бы так не боялась подойти к цикаде поближе, то наверняка раздавила бы ее первым попавшимся под руку предметом. Все засмеялись, а смотритель отнес цикаду обратно на ее листик. Когда он ушел, я решил рассмотреть ее лучше.

Из всех насекомых, которые попадались на моем жизненном пути, заползали на меня, кусали и жалили, забирались мне в волосы или в еду, это впечатляло самым странным образом. Сначала я посмеивался, потому что она напоминала мне одну из тех неповоротливых машин «седан» 1950-х гг. – своего рода двухтонный «бьюик» с крыльями. Однако чем больше я на нее смотрел, тем больше видел чудо ее экзотической красоты, замысловатую структурную изысканность ее прозрачных крыльев... Внезапно мысли остановились и осталось только *Видение* цикады. Не было никакого «я», которое видит нечто отличное от «себя», только цикада и листик, и никого, кто бы смотрел на них, – и затем, что было еще более странно, появилось смутное чувство того, что цикада смотрит

сама на себя! «Как это возможно? – задал вопрос голос, возникший практически ниоткуда. – Что это такое, боже мой?!»

И кто мог бы ответить на такой вопрос? Я не знаю. Я знаю только, что никогда этого не узнаю. И все же, что бы *Это* ни было, *Оно* продолжает спрашивать и тем удивляет Само Себя, ошеломляет Само Себя, полностью озадаченное собственным бытием, возникающим без всякой причины, не имеющим ни начала, ни конца, не зависящим ни от чего, кроме как от *Ничего*. Правда, что же Это Такое?!

У этих букашек, с которыми я делюсь этой изумительной Пустотой, есть свой ответ на этот вопрос, не имеющий ответа. «Давай, – как будто говорят они, – будь и занимайся своими делами».

ПИСЬМА ИЗ ДОМА

Прямо перед Рождеством моя дочь попыталась покончить с собой, проглотив 150 болеутоляющих таблеток и запив их бутылкой водки. Когда она, уже в больнице, вышла из комы (ее нашла подруга, которая и вызвала скорую), то сказала, что была совершенно подавлена, поняв, что все еще жива.

Эта попытка была кульминацией трех лет депрессии, начавшейся со смерти ее брата (ее лучшего друга) и закончившейся в прошлом году крайне неудачным браком. Ее, все еще вынашивающую мысли о самоубийстве, друзья отговаривали посещать меня, уверенные в том, что это будет прощением со мной. Но она все же приехала, и в какой-то момент нашего свидания, сам находясь в отчаянии, я решил показать ей эксперимент Дугласа «с указыванием». Не помню, чтобы я сказал ей, для чего он нужен; мне кажется, я описал это как игру или забавную странность.

Комната для свиданий в тюрьме обычно полна народу, столы находятся близко друг к другу, но я знал, что моя дочь готова попробовать все, что угодно. Поэтому я попросил ее указать на ближайший стул, обратить внимание на его форму, цвет, плотность, на ощущение того, что он – предмет, который находится где-то там. Затем она указала на свою ступню, обращая внимание на то, что она также была плотной вещью с цветом и фактурой. Она указала на свое колено, свое бедро, свой живот и, наконец, на свою

грудь, останавливаясь и обращая внимание на форму и вещественность каждого из них.

В конце концов она указала туда, откуда смотрела, и я попросил ее развернуть свое внимание на 180 градусов и сказать мне, что она видит – не то, что она думает, что видит, не то, чему ее учили, а то, что она действительно видит в настоящий момент.

Она сказала: «Мой нос?» Я ответил: «Хорошо, неясные очертания носа. И что еще?» После паузы она озадаченно сказала: «Мое лицо?..». Я спросил: «А ты видишь свое лицо?» То, что произошло дальше, было одним из самых запоминающихся мгновений моей жизни – она замерла от удивления, а затем слезы буквально полились у нее из глаз, и она застонала, закрыв лицо руками, а когда она вновь посмотрела на меня, то сказала: «О Боже! Оно *всегда* было там!»

И это было началом, началом конца жизни, которая у нее не задалась. За последний год она потеряла свою прибыльную работу, жилье, машины – все, и теперь была бездомной без гроша в кармане. Вот как она описывает тот момент в комнате для свиданий:

«Я сразу это поняла! Это вернуло меня к тому, что я помнила, когда была ребенком. Как будто включили свет, и ко мне вернулся мой дар! Это „я“, которой было так больно, вовсе не была мной – какой фарс! До меня дошло, да еще как – такое невозможно было пропустить! Фонтан эмоций, слезы, мурашки – в тот момент было все!»

И вот что она написала в последующие недели:

«У меня практически нет денег, но это не имеет значения. Впервые я понимаю, что счастлива. Раньше я никогда не могла дать определение счастью. Теперь просто слушать других людей стало настоящей радостью. Как будто когда я *Вижу*, я перестаю думать –

я просто впитываю того человека, который передо мной находится. Я в буквальном смысле ощущаю, как его слова растворяются в осознании и становятся частью меня.

Красота *Видения* в следующем: я не спрашиваю, почему, как, что, где или когда. Это просто есть и всегда было. В *Видении* нет никаких вопросов. Разговаривая сегодня с моим другом Д., я увидела его ясность. Я увидела нечто поразительное: я не увидела между нами ничего – никакого расстояния, никакого пространства, никаких барьеров. Никогда раньше я не ощущала такой покой.

Видение случается тогда, когда я меньше всего его ожидаю. Когда оно происходит, ничто не остается прежним. Я не знаю, как ощущают это другие, сразу ли это изменило их жизнь, но для меня – несомненно. Я знаю, что другим это может показаться странным, но когда я что-то делаю, я также *Вижу*: делаю ли повседневную работу по дому, читаю ли книгу, смотрю ли телевизор, ем ли (тарелка, вилка, еда, которую я помещаю в Ничто!). Это не что-то, для чего мне нужно прилагать усилия. Осознание просто берет на себя руководство».

Позже она прислала некоторые свои дневниковые записи:

«Я люблю *Видеть*, когда засыпаю. Раньше мне было трудно заснуть, в голове постоянно крутились мысли о прошедшем дне или о том, что я буду делать завтра. Сначала *Видение* перед сном давалось с трудом, но сейчас это успокаивает, умиротворяет. Я закрываю глаза, и вот я в не-расстоянии, во Вселенной. Его безмерность бездонна, однако я в своем *Ничто* не являюсь ничем. Оно здесь. То, что там, есть и здесь. Это как колыбельная, и я умиротворенно засыпаю. Я также проделываю это в течение дня. Я закрываю

глаза и вижу *Ничто*. Я вижу, что у меня нет зрения, нет способа определять визуальный мир. У меня нет ничего, никаких воспоминаний, никакого понятия о том, из чего состоит окружающее. Там внутри я вижу лишь безбрежность, и нет слов, чтобы описать ее необъятность. Она охватывает все. Это место, где происходит все, Я и есть все это, нетронутая и недосягаемая.

Когда я была ребенком, я знала себя как часть мира. Это был мой мир. Даже когда я смотрела вовне, я видела себя внутри, как будто я одновременно смотрела вовне и вовнутрь. Был свет, и мысль, много мыслей, выстраивающихся на других мыслях, пустота и вместе с тем не пустота.

В детстве мое имя часто менялось, так как мои родители скрывались от властей. И несмотря на то что по настоянию родителей часто приходилось запоминать новое имя, я всегда оставалась собой, своим лучшим другом. Я доверяла этому внутреннему свету. Я помню, как мне нравилось просто сидеть и *Видеть*. Я не знала, что у этого есть название. Я говорила себе, что у меня было нечто особенное. Я думала, что ни у кого больше нет этого особого дара. Когда я смотрела в зеркало, то видела там маленькую девочку, которая была похожа на свою маму, папу и брата. Я видела шрамы от укуса собаки и грустные глаза. Но я помню, как говорила: это не я, настоящая я – это та, которая есть, когда я не смотрю на себя! И одновременно с тем смеялась, ощущая себя утешенной.

Мои родители принимали наркотики. Они также были весьма расслаблены в вопросах воспитания, и я знала много такого, о чем большинство детей даже и не слышали. Но я всегда могла уйти вовнутрь, положить на это особенное место, которое и было моим настоящим Я, где ничто не могло причинить мне боль.

А затем, став старше, я потеряла это особенное знание. Это произошло столь постепенно, что я даже не могу сказать, когда точно это случилось. Я помню, как, будучи подростком, пыталась вновь уловить это ощущение, но не могла. Когда я смотрела в зеркало, то видела то же, что и другие: внешнее „я“ со всеми изъянами, жертву, кого-то, кому было больно и кому я не доверяла.

Но сейчас мой дар ко мне вернулся, теперь он не полностью скрыт мыслями. У меня вновь есть связь с истинным Я. Я Вижу».

Вскоре после этого я получил письмо, в котором говорилось, что у нее прошло то состояние блаженного кайфа, в котором она пребывала в течение нескольких последних недель. Оставались проблемы с деньгами. Были назначены даты судебных слушаний по вопросам, связанным с разводом. У нее все еще не было ни жилья, ни работы и будущее казалось мрачным. Она писала:

«Сегодня мне было паршиво. По шкале от одного до десяти это несомненно была десятка. Я уже бывала в этом состоянии и знаю, насколько это серьезно. Требовалось принять какие-то решительные меры. Я испытывала такие муки – эмоционально и физически. Я опять хотела умереть.

Я сидела на тротуаре у городской библиотеки, борясь со своими мыслями, волновалась, думая о дне судебного слушания, о встрече с адвокатом, об обязательном психиатрическом тестировании, – все это казалось мне таким бессмысленным и таким непреодолимым. Часть меня знала, что у меня есть инструменты, чтобы победить эту внутреннюю боль, а другая часть меня не позволяла мне ими воспользоваться! Как будто я сплю, мне снится кошмар и я не могу проснуться. О Господи, пожалуйста, проснись!

Я сидела там вся в слезах, а мимо проходили люди. Знаете, как трудно *Видеть*, когда вы в таком состоянии? Так невероятно трудно. И вдруг это произошло. Я сидела и смотрела Сюда и вдруг (я не преувеличиваю) НЕ УВИДЕЛА ЗДЕСЬ НИКАКОЙ БОЛИ. Я – это не мои мысли! В этом *Не-месте* нет никакой боли! Я – не моя тревога и не моя паника. Мне ничего не нужно делать – я просто нахожусь *Здесь*, независимо от того, делаю я что-то или нет! И *Здесь* я вижу огромную широченную теплоту, и мне больше не хочется умереть. Все-таки это был хороший день. Я благодарна этому прекрасному ужасному времени, которое привело меня *Домой*».

Через неделю она посетила «Школу для Работы Байрон Кэти» и прошла интенсивный десятидневный семинар, где занимались самоисследованием с целью отделаться от глубоко укоренившихся убеждений или «историй» о так называемом «я» и «мире» (этот ретрит с проживанием рекламируют как школу, которую вы посещаете, чтобы избавляться от знаний). Ей присудили грант. Она приехала туда с идеей о том, что «Работа» (так называлось самоисследование) каким-то образом дополнит *Видение*, поможет ей вернуться Сюда. К концу ретрита она знала, что они не просто дополняют друг друга, а необъяснимым образом идентичны. Через три дня она одолжила рюкзак и отправилась одна в Центральную Мексику в поисках своей матери, которая жила за границей и с которой была не в ладах уже почти два десятилетия. Когда она вернулась, я получил следующее послание:

«Пап, я нашла ее. Я потрясена тем, как сильно ее люблю. Она так прекрасна. Я не вижу того, что видела раньше. Мне от нее ничего не нужно – она совершенна такая, какая она есть. У меня такое чувство,

что это *Нигде* так удивительно наполнено приятием. Я больше не нахожусь в трансe того, кем я являюсь для других. Я – *Ничто*, вмещающее все остальное. В *Этом* я чувствую людей так, как никогда не думала, что смогу их чувствовать, в том числе и их боль. Люди подходят ко мне и рассказывают о своих страданиях, о своем безумии. Почему так много людей приходит ко мне с одним и тем же? Но ведь каждый человек – это мое отражение, каждое слово – указательный знак. С тех пор как ты помог мне *Видеть*, я побывала в аду и вернулась обратно. В аду – так как жизнь временами становится хуже, вернулась – так как *Здесь* я нахожу ту тишину и покой, которые охватывают все, – и чем больше ада я испытываю, тем к большему покою я возвращаюсь. Итак, я нашла ее, помирилась с ней и обнаружила, что я помирилась сама с собой. Она думает, что я чокнутая. Ну, если я чокнутая – то я *Дома!*»

Сейчас, когда я пишу эти строки, моя дочь опять в Денвере, у нее все еще нет ни работы, ни жилья (она живет у подруги). У нее нет никаких конкретных планов, кроме того, что, очевидно, для нее запланировано свыше. Мы подписываем наши письма «Твой задом-наперед папаша», и «Твоя вверхтормашками дочка» и смеемся. Когда мы пишем друг другу, то пишем сами себе, и это всегда такой приятный сюрприз – даже когда сидишь на тротуаре у библиотеки в аду, наполненном слезами.

УМ-ПРИВЫЧКА

Время от времени мне досаждаёт и меня забавляет то, что я называю умом-привычкой, который я представляю себе в виде тележки для покупок, заполненной подержанными вещами и прочим хламом из прошлого. Как бомж, я повсюду катаю её с собой, зная, что это все, что у меня осталось от этого «я», за которого я иногда себя принимаю.

Временами меня приводит в смятение то, насколько этот ум-привычка настойчив, и бывали моменты, когда я ощущал себя подавленным им и так себя бранил за это, что впадал в настоящий ступор отворачивания к самому себе – что по сути было старой привычной моделью поведения, к которой я на удивление часто возвращался. А сегодня он проявляется как своего рода болтовня бог знает с кем, мелодрама на автопилоте – такая близкая и знакомая и вместе с тем такая же чуждая моей природе, как тот сериал, который я в настоящее время не смотрю по телевизору.

Он такой невнимательный, этот ум-привычка! Временами он само воплощение забывчивости и впутывает меня в дурацкие ситуации. Погруженный в шквал мыслей, я однажды взял не тот тюбик и выдавил на свою зубную щётку аккуратную полоску крема от геморроя. А недавно, к собственному ужасу и изумлению, я поймал себя на том, что собираюсь помочиться в мусорный бак вместо унитаза – почему,

не знаю. И за все эти годы я дважды выходил из столовой на улицу и шел по направлению к корпусу, где находятся камеры, неся в руках тюремный поднос для еды – что здесь равнозначно тому, как если бы вы «на воле» вышли в сомнамбулическом состоянии из ресторана с тарелкой в руках.

Слава Богу, такое случается не часто. Но в моей жизни был долгий период, когда я полностью отождествлял себя с этим умом-привычкой. Тогда с разрушительностью автокатастрофы «я» здесь столкнулось лицом к лицу с миром там, со смертельным сочетанием страха и бравады. Я накапливал убеждения, меня раздували гнев и гордость; я считал себя крутым и беспокоился, что это не совсем так, и все время безмолвно молил о заботе и принятии.

Помню, как ребенком в своей сердцевине я ощущал широко распахнутую пустоту, изобилие, любуясь из таинственного и невидимого фонтана того, кем я был. Но по мере взросления я каким-то ошибочным образом относил ту удивительную пустоту к ментальной структуре под названием «я» и, таким образом, вскоре превратил *пустоту* в ничтожность. Я принял некое «я» и закрылся от мира, однако пустота все еще была здесь, как гноящаяся рана в самой сердцевине. Пустота стала недостатком, изъяном в созданном мною персонаже, моей личной пропастью. Поистине, я стал ничтожеством.

В 60-х, когда я принимал ЛСД, я вновь мельком увидел ту истинную природу, которую знал в детстве. Первые видения принесли с собой мощный заряд красоты и любви, но позже ЛСД напугал меня до смерти. Я даже перестал курить траву из-за того, что у меня стали случаться неожиданные галлюцинации уже после прекращения действия наркотика, после которых я был весь в поту и совершенно

дезориентирован. Я решил, что у меня едет крыша. На протяжении многих лет после этого я бился с самыми элементарными проблемами контролирования, пребывая в ужасе даже от того, что не мог помешать себе слышать, не мог контролировать свое осознание, самой основой которого считал это свое лелеемое «я». Я становился все более отчаявшимся: выпрашивал, манипулировал и, наконец, стал брать силой все, что, как я думал, заполнит эту расширяющуюся пустоту.

И вот наконец все закончилось. Несомненно, мой арест стал катализатором, необходимым, чтобы подтолкнуть меня в новом направлении. Но еще потребуются годы стачивания моих убеждений, чтобы меня отпустило. Странно, потому что, оглядываясь назад, кажется, что это произошло в мгновение ока: сегодня этот страх так же ощутимо отсутствует, как тогда – присутствовал. И на его месте – этот несдерживаемый энтузиазм, это несравненное любопытство относительно того, Кто Я Есть на самом деле, и преданность этому.

А произошло следующее: *Пустота* стала божественной! Произошло полнейшее изменение – Пустота в моей сердцевине, та огромная зияющая дыра, которая не могла быть заполненной, стала тем, чем была всегда: фонтаном Вселенной. И, более того, я и был этой Пустотой и всем, что Она создала! Я более не был ничтожным, я был «всемогущим», способным на все! Тот, за кого я себя принимал, это тело-ум под названием «я», на самом деле находился *внутри* этой Пустоты, а не наоборот. А я настоящий был прозрачным. Я был пространством, осознающим Свое создание, и все творение было внутри Меня.

Как я это обнаружил? Я посмотрел – в буквальном смысле *посмотрел* – и *увидел!* Это не было всего лишь

чтением об этом – хотя чтение действительно помогло мне разрушить барьеры, – это было *Видением Этого* и *Бытием Этого*. Я посмотрел *Сюда*, развернул свое внимание на 180 градусов в противоположном направлении относительно того места, откуда я обычно смотрел и где я ранее предполагал, что у меня есть голова, и увидел *Ничто!* Я увидел *Пустоту*, и не просто обычную пустоту, а весьма осознающую. «Светящееся» – идеальное слово для описания того, что я увидел, ибо оно действительно светилось собственным великолепием. Как будто я был окном без стекол и рамы, освещенным изнутри и, более того, окном, которое было вместительным для того вечно меняющегося происходящего, которое я называл миром (и которое на самом деле составляло с ним единое целое).

Итак, случилось пробуждение. В гущи этого сна под названием «жизнь» появилась *ясность*. В каком-то смысле я умер и вновь родился как нечто иное, некий безымянный Источник, который до сих пор продолжает удивлять Самого Себя.

Однако этот ум-привычка остался как эхо какой-то далекой войны, в которой я участвовал. В какой-то момент я попытался отказаться от него и понял, что не могу. Я обнаружил, что он никогда мне на самом деле не принадлежал, и поэтому отказаться от него значило бы отказаться от вон тех гор или от воздуха в этой комнате. Постоянно возвращаясь к этому пробужденному и пустому Источнику, я увидел, что *Здесь*, в Сердцевине, никакой ум-привычка существовать не может; ум-привычка принадлежит только миру; в каком-то смысле он и есть этот мир. Как таковой он – творение Источника и, тем самым, является аспектом Того, что я есть, – так же, как сон является и продуктом, и сущностью сновидящего ума. Однако первостепенную важность имеет то, куда я направляю

свое внимание: я или наблюдаю за своим пустым Источником *Здесь*, или занят где-то *там* постоянным потоком мыслей, который я называю умом-привычкой. Это Ничто и Оно. И парадоксальным образом они видятся как одно и то же, но только с точки зрения Ничто – этого Ничто, которым являюсь я.

Отсюда видно, что я катаю эту тележку под названием «ум-привычка» из одного угла моего дня в другой, и обнаруживаю, что не сдвинулся ни на дюйм. Все находится внутри – эта пишущая машинка, воздух в комнате, горы вдалеке – все является частью этой светящейся Пустоты, которая есть я. Поистине, я – побирушка, у которого в кармане весь мир.о

РАЗГОВОР I

А: Вы – член местной буддийской общины, и у меня есть вопрос по буддизму, на который, быть может, вы сможете ответить.

Б: (*Смеется*). Если это вопрос о буддийском учении, то я сам удивлюсь, если смогу на него ответить, однако спрашивайте.

А: Что именно подразумевается под выражением «пустота»?

Б: Безусловно, я не достаточно компетентен, чтобы дать точный ответ, но я постараюсь, и посмотрим, что получится. Многие буддийские учителя, и особенно те, кто регулярно появляется на страницах популярных буддийских журналов, используют термин «пустота», описывая природу феноменальной реальности или то, что мы считаем вещами, существующими где-то там, в реальном мире. Идея в том, что эти феномены только кажутся реальными, а на самом деле они «пусты» и не реальны. То есть они не существуют сами по себе, а возникают исключительно как результат их взаимодействий с бесконечным числом других феноменов. Все эти взаимосвязи выливаются в непостижимую сеть возможностей. Итак, мир не такой плотный, каким считается, но видится как фундаментально «пустой»; и цель этого учения – помочь ищущим просветления ослабить свою привязанность к тому, что они считают стабильной и реально существующей действительностью. Конечно, это

работает, и я должен сказать, что это гораздо ближе к истине, чем общепринятое понятие о реальности. Но, по-моему, в такой точке зрения есть серьезное отклонение, концептуальный объезд. Это длинный путь домой. Если я прав, то и Будда говорил нечто в этом роде, это знали и многие другие, в частности ранние китайские чань-буддисты. Все они полагали, что фундаментальная проблема – это вопрос неправильного фокуса. Итак, вместо того чтобы описывать то, что мы видим, термин «пустота» лучше применить для описания того, *кто видит* явления, ибо когда обнаруживается, что видящий пуст, то также обнаруживается, что и видимое тоже пусто. Таким образом, мой вопрос к моим братьям-буддистам следующий: к чему все эти разговоры о вещах, которые пусты? Узнайте, кто есть видящий, и вы найдете ответ – и о природе феноменов, и о нашей ошибочной привязанности к ней. Что вы думаете? Разве в этом не больше смысла?

А: Больше смысла? Его *вообще* нет!

Б: Хорошо. Мы сейчас могли бы ослаблять наши обусловленные убеждения о реальности, начав долгое обсуждение взаимозависимого одновременного возникновения феноменов, и тем самым логически доказать, что мир, каким мы его знаем, в своей основе пуст. Однако через минуту вы бы вернулись в тот же самый мир с вашим обусловленным убеждением, что он по сути реален. Поэтому давайте пойдем другим путем – в буквальном смысле. Давайте исследовать термин «я» в смысле «я есть». Мой вопрос к вам следующий: кто вы, кроме как ваше имя, ваша работа, ваша личная история и пр.?

А: Кто я?

Б: Да. Или давайте начнем с другого вопроса: где вы?

А: Я здесь (*показывает на тело*).

Б: Вы в своем теле?

А: Да.

Б: Есть какое-то конкретное место в теле, центр, в котором, как вам кажется, вы находитесь? Например, находитесь ли вы в своей руке?

А: Нет.

Б: В своем туловище?

А: Нет.

Б: В своей голове?

А: Нет, нет. Я – все оно в целом (вновь указывает на тело).

Б: Вы – сумма своих частей?

А: Да.

Б: А как насчет ощущений – того, что вы чувствуете, и так далее? Или мыслей? Сознания? Они входят в состав суммы частей?

А: Да, конечно.

Б: По вашим словам, это ощущение «я» не находится ни в каком-либо конкретном органе или месте, а результат всего вместе взятого целого?

А: Совершенно верно.

Б: Однако в не слишком давнем прошлом вы были всего лишь одной клеткой в утробе вашей матери. Вы тогда были собой?

А: Нет.

Б: Почему нет?

А: Потому что я еще не был человеком.

Б: А что, если я бы сказал вам, что сейчас, как человек, вы – огромный город из десяти–пятнадцати миллиардов отдельных клеток, каждая из которых живая и общается с соседними клетками? Вы бы сказали, что вы не находитесь ни в одной из этих клеток, или вы бы сказали, что вы находитесь в них всех?

А: Ну, наверное, я бы сказал, что нахожусь в них всех, но только в том смысле, что я – единое целое.

Б: В таком случае вы можете ответить, на какой стадии своего развития вы стали собой?

А: *(Пожимает плечами.)* Не знаю. Наверное, где-то в течение последнего месяца или двух до своего рождения, когда я стал человеком.

Б: Вы тогда осознавали, что являетесь собой?

А: Вообще-то нет. Не знаю. Наверное, нет. Наверное, я не осознавал себя в таком качестве, пока мне не исполнилось два или три года.

Б: А вы считаете, что вам нужно осознавать себя, чтобы быть человеком, чтобы быть собой?

А: *(Пауза.)* Не знаю. Наверное, нет. Ведь кто-то другой мог понимать, что я – это я, даже когда я был еще в утробе. Так что, наверное, я вернулся бы к утверждению, что стал собой, когда полностью сформировался как человек в утробе.

Б: Получается, вы говорите, что тот, кем вы являетесь, зависит от того, достигли ли вы определенного порога клеточной организации, до которого вы не были собой. И, более того, получается, что вы говорите, будто то, чем вы являетесь, зависит от чьих-то еще наблюдений.

А: По крайней мере до тех пор, пока я сам себя не осознал.

Б: Да, но даже тогда задействованы двое – наблюдатель и наблюдаемый.

А: Двое?

Б: Да. Существует «я», которое осознает эту целостность под названием «я», – вы сами так сказали.

А: Да, я понимаю, что вы имеете в виду, но я хочу сказать, что эта целостность под названием «я» сейчас осознает себя в качестве этого единого целого под названием «я».

Б: То есть вы хотите сказать, что «я» осознает само себя. «Я», или, если хотите, это целостность осознает

себя в качестве целостности. Здесь все еще речь идет о двоих – целостности № 1 и целостности № 2.

А: Вовсе нет. Это просто манера речи. Существует только одно единое целое.

Б: Итак, вы говорите, что это ощущение «я», или «я есть», ваше основополагающее осознание, или сознание, исходит из единого целого или им создается?

А: Да, конечно. Я есть единое целое, тело и ум. Сознание – часть этого; на самом деле оно – продукт этого и возникает в мозге. Тот, кто я есть, – это мое тело, мой ум и мое сознание, все вместе, в качестве единого целого. Поэтому я и являюсь личностью, так же как и вы. Все это знают.

Б: А что, если бы я вам сказал, что вас и всех остальных надули? Что убежденность в том, что вы находитесь в теле, – лишь идея, концепция, что-то, чему вас научили, когда вы были ребенком, хотя это и было необходимо для выживания, никогда не была правдой. Если бы я сказал вам, что Вы – не продукт деятельности тела или чего-либо еще в этом мире, но что на самом деле Вы – Источник мира и всего, что в нем есть – в том числе и того, что вы называете своим телом?

А: Тогда я бы сказал, что надули вас!

Б: Вполне справедливо. Но на случай, если все же есть ничтожный шанс того, что в этом что-то есть, вы бы согласились поучаствовать со мной в небольшом эксперименте? Называйте это игрой, если хотите.

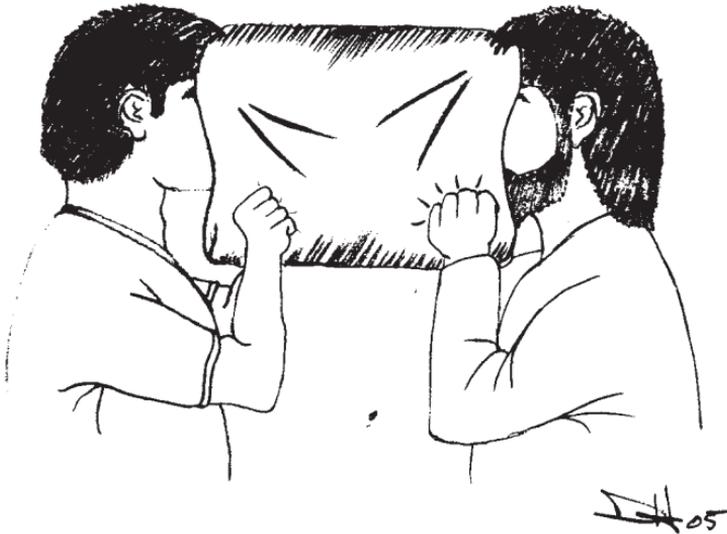
А: Игра?

Б: Да. Что-то, что со стороны кажется дурацким и безобидным, но что, возможно, имеет огромную важность.

А: Наверное, да.

Б: *(Берет средних размеров бумажный пакет.)* В этой игре есть только два правила, и они друг с другом связаны. Первое – вы отбрасываете все, что вы знаете, все убеждения и идеи относительно того, кем являетесь вы и чем является мир. Второе – вы опираетесь только на доказательства, имеющиеся в данный момент, используя органы чувств: смотрите и полагайтесь на то, что вы видите, а не на то, что вы думаете или воображаете. *(Разворачивает пакет, и в руке у него оказывается труба длиной приблизительно в полфута и диаметром где-то в 10 дюймов, открытая с обеих сторон, так как дно пакета было отрезано.)* Хорошо. Мы просунем наши лица в противоположные концы этого пакета, и я задам вам несколько вопросов.

А: Вы шутите. А вы почистили зубы? *(Смеется.)*

Б: Да, но не волнуйтесь, я буду задавать вопросы или прежде чем мы это сделаем, или после. Для начала, когда мы будем туда заглядывать, просто

наблюдайте то, что на моем конце, то есть черты моего лица: контуры, морщины, цвет глаз и усов. Отметьте: то, на что вы смотрите, имеет форму, и может считаться предметом или «вещью» в мире. Я сделаю то же самое с лицом на вашем конце.

(Оба помещают свои лица в противоположные отверстия пакета. Через несколько секунд Б. вынимает оттуда свое лицо. А. тоже, и Б. продолжает:)

Хорошо. Теперь, в этот раз, когда мы там окажемся, моим первым вопросом будет: «Сколько лиц в пакете?» Помните, что нужно полагаться только на факты, имеющиеся в данный момент. Будьте сами себе авторитетом; не полагайтесь на то, что вам говорили. И мой второй вопрос: «Что вы видите на своем конце пакета?»

(Оба снова надевают пакет. А. тут же начинает посмеиваться, а через минуту вынимает лицо из пакета.)

А: Хорошо, там есть только одно лицо, и оно находится не на моей стороне пакета! *(Опять посмеивается.)*

Б: Что вы увидели на своем конце?

А: *(Делает паузу, будто наблюдая за тем местом, где он не нашел своего лица.)* Я не увидел ничего. Но это было странное *ничто*, будто оно было живым. Что это – моя душа или что-то в этом роде?

Б: Зачем навешивать на это ярлык? Зачем пытаться обладать этим и сажать его обратно в ваше тело? Помните, что мы тестируем теорию, что Тот, Кто Вы на самом деле, – не личность, не тот, кем вы себя считаете. В конечном счете, решать вам. Я просто прошу, чтобы вы сохраняли ум непредвзятым и не грузили себя старыми концепциями. Ключ в том, чтобы *смотреть* и доверять тому, что *видишь*.

А: Я ничего не увидел, но это немного меня нервирует, потому что я знаю, что я там, – я просто не знаю, где – там ничего нет, но я это утверждаю! *(Делает паузу, вновь уводя внимание вовнутрь.)* Ну и ну! Почему я раньше никогда этого не замечал?

Б: *(Смеется.)* Я задаю себе этот вопрос каждый раз, когда *смотрю!*

А: Это странно, потому что мой ум хочет ухватиться за это, но не может. Там же ничего нет!

Б: *(Складывает пакет и откладывает его в сторону.)* Посмотрите еще, теперь, когда вы знаете, куда смотреть, и позвольте мне спросить: где находится это *там*, о котором вы говорите?

А: Прямо здесь!

Б: Да, всегда и постоянно вы находитесь именно *Здесь*, хотя в моем опыте это не место и не связано с временем – только «вещь» может быть помещена во время. Как будто бы я был окном. Не столько в смысле, что я смотрю из окна, как в смысле, что я и есть это окно, без рамы, без границ – окно без стекол, сияющее, прозрачное и бесконечно глубокое. И меня постоянно удивляет тот факт, что *Здесь* ничего нет; ничего, что было бы моим или мной. Однако оно полностью себя осознает – каким-то образом оно умудряется БЫТЬ.

А: Да, я понимаю, о чем вы говорите. Однако не знаю... должно быть нечто большее. То есть я вижу, что я раньше этого не замечал и что когда я смотрю, *Здесь* нет ничего, что бы можно было видеть, но я должен быть чем-то большим. И в любом случае, каким образом это сводит на нет то, что я сказал о том, что я – это мое тело или что я – личность во Вселенной?

Б: Попробуйте действовать от *Первого лица*. Это значит, что нужно считать авторитетом себя, а не других. Это значит, что нужно иметь смелость

войти в настоящий момент и самому сказать, кто вы, основываясь на том, что вы видите. Не верьте на слово мне или кому-либо еще о том, кем вы являетесь там, где находитесь, ибо нас там нет – там есть только вы. Мне, с расстояния нескольких ярдов, вы кажетесь человеком, с головой, туловищем, руками и ногами и определенными чертами, которые определяют вас как какую-то конкретную личность. С этой перспективы я бы сказал, что вы смотрите из двух глаз и говорите ртом. На самом деле практически все в этом мире сказали бы то же самое. Но это ли вы испытали на своем опыте?

А: Ой!.. Нет, не это!

Б: Предположим, мы в больнице, и у нас есть доступ к отображению магнитного резонанса. Я хочу выяснить, кто вы, и меня не полностью удовлетворяет то, чем вы кажетесь на расстоянии нескольких ярдов. И вот я подхожу к вам и при помощи отображения магнитного резонанса обнаруживаю, что вы – сложная система органов, костей, системы кровообращения, нервной системы и т.п. Но это не дает мне достаточно информации. Поэтому я отвожу вас в лабораторию, одалживаю там оптические и электронные микроскопы и, с вашего разрешения, исследую ткани, взятые при помощи биопсии с различных частей вашего тела. Я обнаруживаю, что вы состоите из крошечных живых организмов под названием «клетки», которые в свою очередь состоят из неживых, сложных и не таких уж сложных молекул, некоторые из которых составляют вашу ДНК. Однако вас я не вижу, поэтому я нанимаю физиков, чтобы они помогли мне исследовать еще глубже, дойти до вашей атомной и субатомной сферы, до области, где есть только пространство, энергия и экзотические теоретические возможности. Но и там я вас не нахожу.

И почему? Потому что я никогда не могу обернуться и посмотреть *вместе* с вами из того *нигде*, которое вы занимаете. Только вы можете это сделать. И то, что вы видите, когда вы туда смотрите, – не метафора для чего-либо другого, это именно то, что вы видите: ничто, однако ничто, которое осознает себя как ничто. Это и есть то, чем вы являетесь. Вы – то, что вы *видите*!

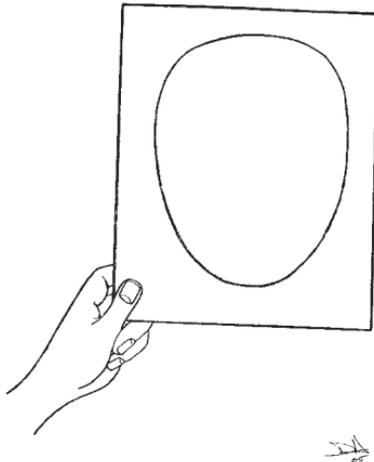
А: Пустота.

Б: Да!

А: Это так просто.

Б: Да... Однако вы были правы, когда ранее сказали, что должно быть нечто большее.

А: О нет, начинается. Пошли палки в колеса!

Б: (*Нагибается и достает из-под письменного стола прямоугольный кусок тонкого картона, из середины которого вырезали круглое отверстие размером с голову и дает его А.*) Держите картонку на расстоянии вытянутой руки и направляйте свое внимание к отверстию в центре. Как бы вы его описали?

А. Ну, оно пустое, свободное от помех. Ведь это же отверстие!

Б: Я тоже это вижу. Но я также вижу, что пустое пространство полностью заполнено тем, что находится дальше – в вашем случае, наверное, это будет письменный стол, радио, часть пишущей машинки...

А: Ах да! Я это вижу. Это вроде как часть этой пустоты.

Б: Верно. Теперь медленно поднесите картонку ближе и наблюдайте за тем, что происходит.

А: Хорошо... Я уже вижу бóльшую часть комнаты. Я вижу, что пустое пространство в картонке увеличивается, и в этом пространстве я вижу все бóльшую и бóльшую часть комнаты.

Б: Совершенно верно. Теперь – медленно – поднесите картонку совсем близко к лицу и наденьте ее, внимательно наблюдая за пространством.

А: *(Медленно придвигает картонку, пока наконец его лицо не проходит в отверстие.)* Как странно! Я видел пространство и все бóльшую и бóльшую часть комнаты в нем, и вдруг как будто бы я надел это пространство на себя, а заодно и всю комнату!

Б: Поэтому вы не просто пустота, а до отказа заполнены всем, что находится и происходит вокруг. Есть знаменитая буддийская сутра, описывающая пустоту как форму и форму как пустоту, и теперь вы на собственном опыте знаете, что это такое. Это то, что вы есть, – *пробужденное местилище для мира*, а также, когда вы смотрите вниз, и для этого тела, внутри которого, как вы думали, вы находитесь.

А: *(Снимает картонку и смотрит вниз.)* О Боже, оно во мне! *(Смеется.)*

Б: Да! Так же, как и комната. Так же, как и все остальное! Вы – пустое пространство для всей Вселенной, которая – Ваше проявление. Однако давайте проясним разницу между Тем, Кто Вы на самом деле, и личностью тела-ума, которой вы, как когда-то

думали, были – ради краткости назовем их «Большой» и «маленький». Вы начинали как «маленький», когда придвигали картонку, внимательно наблюдая за пустым пространством и всей той окружающей обстановкой, которая в нем появилась. Затем, когда вы надели картонку, то вы надели и пространство, и обстановку, которая его наполняла; вы стали этим пустым пространством, наполненным обстановкой. Это и есть «Большой», тот, которым, как вы *видите*, являетесь, оттуда, где вы находитесь в качестве Первого лица-Единственного числа, в настоящем времени. Чтобы подтвердить это, наденьте картонку так, как вы делали это раньше, медленно, наблюдая за пустым пространством.

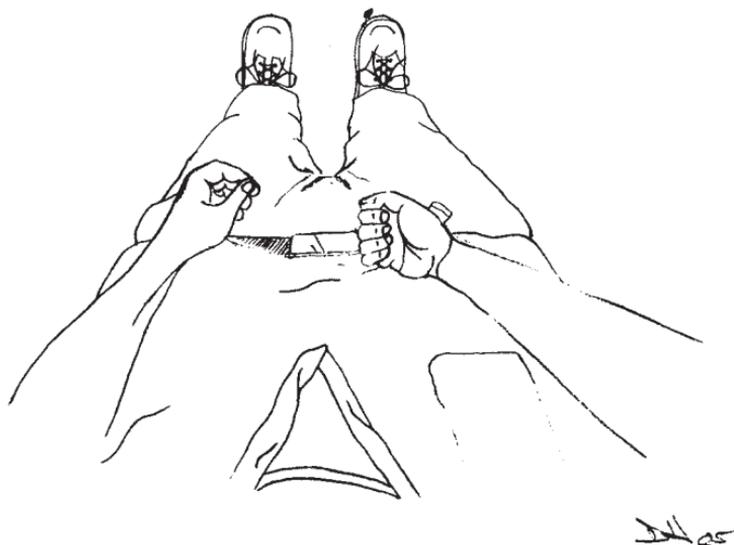
А: (*Подносит картонку вперед как раньше.*)

Б: (*Держит перед А. зеркало.*) Теперь посмотрите в зеркало. Это – «маленький». Это тот, кого вижу я и кого видят все остальные в этом мире, этот непрозрачный, плотный, феноменальный индивид в третьем лице, с чертами лица, которые определяют вас как того-то и того-то. Это тот человек, которого все мы считали вами, и есть он и, конечно, у вас не было другого выбора, кроме как поверить в это. И было естественно и даже необходимо, что вы это сделали как часть своего развития. Однако по сути это никогда не было правдой. «Маленький» никогда не может быть ничем иным, кроме как предметом, отражением, тем, что мы называем человеческим индивидом, и, как таковой, он лишь один из более шести миллиардов других человеческих существ на планете и всего лишь пылинка в Солнечной системе, не говоря уже о Вселенной. К тому же «маленький» ничего не может сделать. А как он может? Он ведь отражение! Ранее я говорил, что это Вы – источник мира, и чтобы не совершить фатальную ошибку – чтобы

не думать, что вы являетесь этим источником в качестве «маленького», – посмотрите, где он находится, там, в зеркале, где его и видит «Большой»! Вы никогда не являетесь чем-либо в качестве «маленького», и уж тем более этот «маленький» не источник всего сущего. Только в качестве Того, Кто Вы на самом деле, Вы – *Ничто*, до отказа наполненное *Всем*; тот *Никто*, который есть *Все*.

А: Пустота-Наполненность. Пустота, которая есть форма, и форма, которая есть пустота.

Б: Да, и даже не так. Давайте просто скажем, что это Осознание.

РАСТЕМ ВНИЗ

Я вырос в хорошем доме в тихом районе Филадельфии в нескольких кварталах от частной школы, в которую меня отправили родители. По соседству жило семейство Келли, родственники Грейс Келли. Мой отец любил упомянуть об этом в качестве вступления к анекдоту, который он рассказывал на вечеринках и который я давно уже как позабыл. Я был единственным ребенком. У нас были собака, кошка и кролик по имени Баббит. Однако мне очень хотелось иметь братика или сестренку, чтобы было с кем играть; кого-то, с кем можно было бы делиться игрушками – и также, возможно, с кем можно было бы разделить бремя «единственности», необходимости делать все «как надо».

Оглядываясь назад, я вижу, что рос не вверх, а вниз. Что это мир был рожден во мне, а не я в нем, как меня позже заставили поверить. Иногда все еще случались короткие проблески былой необъятности – сидя на крыльце на коленях у мамы; вместе с бабушкой на заднем сиденье отцовского «форда»; в бассейне или на газоне в курортном Поконо. Однако в основном это воспоминания об ощущении ужатия, о том, как меня уменьшали, как я учился тому, что от меня ожидали. Однажды – наверное, мне было года четыре или пять – я проснулся посреди ночи и явно почувствовал, как становлюсь меньше; я испугался, что исчезну в камине рядом с кроватью, и помню, как

в панике кричал, а няня пыталась меня успокоить. Утром я узнал, что мои родители попали в автокатастрофу, и моя мама пролежала в больнице несколько дней.

С тех пор детство стало казаться удушающим. Единственный смысл оставался в том, чтобы все делать как можно «лучше», учиться быть «хорошим мальчиком», «молодчиной», таким же ребенком, как все остальные, и вместе с тем еще лучше, более выдающимся. А в действительности это было созданием ложной личности, той, которая говорила, что я – это тело и эти мысли, *объект* для самого себя, тогда как до этого я естественным образом (и бессознательно) был Осознающим Открытым Пространством и всем, что оно содержало. Где-то лет с трех и до одиннадцати или двенадцати я учился видеть себя так, как меня видели другие: как человека, как маленькую и плотную «вещь» в огромном мире соперничающих вещей. Не удивительно, что я чувствовал себя странно, ощущал себя не в своей тарелке, и не знал почему. Не удивительно, что я презирал тот фальшивый образ, который невинно принял.

Тем не менее я играл в эту игру довольно хорошо. В старших классах я пользовался популярностью, был спортсменом и ловеласом, принимая участие во всех обычных развлечениях, присущих юности. Любые воспоминания об *открытости* были к тому времени выброшены из головы (так как они считались чепухой) или были похоронены в недрах моей психики. Таким образом, как бы сказал Хардинг, достигнув взрослого возраста, я успешно повторил эволюционную историю Осознавания (не Осознавания в качестве Пустого Вместителя, а в качестве того, для чего оно – вместитель: для его временного аспекта формы, постоянно меняющегося, эволюционирующего).

В утробе я стремительно завершил стадии своей длинной наследственной истории, от одноклеточного организма до самых совершенных антропоидов – и все это всего за девять месяцев. И после физического рождения также нужно было столь же стремительно завершить стадии развития моих человеческих предков (примерно за девять лет), в том числе и совершить переход от «животного» открытого осознания к полностью человеческому «я» – сознанию.

Таким образом, на то, для чего моим предкам понадобились целые тысячелетия эволюции, мне понадобилась всего лишь декада. История жизни, даже космоса, повторялась во мне. И это было необходимо, ибо чтобы успешно созреть и стать взрослым, нельзя обойти историю; в этом процессе нет ни одной стадии, которую можно было бы отбросить.

И поэтому мне пришлось «расти вниз», как это делаем все мы и как должны делать наши дети. По нынешним стандартам «зрелым» считается тот, кто пренебрегает своим пустым осознанием *Здесь* и принимает себя в качестве «вещи», предмета, человека-индивида среди других себе подобных на этой планете.

Но теперь очевидно, что у Осознания про запас есть еще одна стадия – а именно, стадия *осознанного оглядывания на Самого Себя*, рассматривания при этом того, что оно осознает. Это двунаправленное видение Видящего, Видение Того, Кто Действительно Есть, которое появлялось то тут, то там, на протяжении последних нескольких тысяч лет. Однако сейчас оно становится все более доступным, если не преобладающим, и вполне может стать новым эволюционным скачком (в конце концов, наши предки совершили прыжок от неосознанного осознания к осознанию себя в качестве «я»). Поэтому это двунаправленное

видение – этот процесс видения и, следовательно, пребывания Источником и всем, что в Нем есть, – в будущем может стать новым стандартом, которым будет измеряться зрелость. В действительности, ввиду текущей ситуации на планете Земля становится все более и более очевидным, что этот следующий так называемый «скачок», если он произойдет, сможет спасти от уничтожения человеческий род, не говоря уже о бесчисленных других видах.

У меня возникает вопрос: «Почему бы не начать сейчас? Почему бы не вырасти раз и навсегда, в истинном смысле этого слова?» И парадоксальным образом вместе с этим «вырастанием» приходит осознание того, что нет никого, с кем это могло бы произойти; что на самом деле ничто никогда не случилось и что, кроме как в качестве видимости, ничто из вышеописанного не истинно!

СОСТРАДАНИЕ

Чтобы попасть на нашу ежемесячную буддийскую встречу, наши попечители проезжают на машине почти 300 миль для того только, чтобы провести с нами день. Мы это очень ценим, потому что, за исключением нескольких религиозных праздников, нам, заключенным, не разрешается собираться вместе, а также потому, что это учителя с десятилетиями опыта в тибетской традиции. Этим летом, на третьем году обучения, наша группа наконец перешла со стадии *хинаяны* на стадию *махаяны*^{*}, и когда наши попечители провели опрос своих коллег-преподавателей с целью определить, какая же практика *махаяны* наиболее подходит для заключенных, те единогласно рекомендовали *лоджонг*, или «тренировку ума».

«Тренировка ума по семи пунктам» – это список из 59 изречений, и каждое с комментарием. Первые изречения используются как вспомогательные средства в формальной практике медитации, а к остальным прибегают по необходимости, и они служат постмедитативной практике. Таким образом,

* В тибетском буддизме *хинаяна*, *махаяна* и *ваджраяна* обозначают три стадии практики, а не различные школы буддизма. Стадия *хинаяны* делает упор на индивидуальное спасение и непричинение вреда, тогда как *махаяна* акцентирует пустоту и сострадание. *Ваджраяна* сочетается с двумя другими и является стадией наивысшей мудрости.

лоджонг считается практическим методом как в обучении принципам *махаяны*, так и во внедрении этих принципов в повседневную жизнь, общая цель которого – развитие *бодхичитты*, или сострадания.

Наши попечители описали это следующим образом: существует два вида *бодхичитты*: абсолютная и относительная. Абсолютная *бодхичитта* возникает как следствие медитативной мудрости, когда человек постигает фундаментальный принцип *шуньяты*, или пустоты, и пребывает в ней. Эта пустота не просто имеет отношение к состраданию, она и есть сострадание, и так как наша истинная природа по своей сути пуста, она также по своей сути сострадательна. Однако относительная *бодхичитта* – своего рода искусственное сострадание, для чего нужно притворяться, вынашивать предположение, что другие – более важны, чем вы сами, пока это в конце концов до вас не дойдет. В повседневных ситуациях вырабатываются новые привычки, и человек может открыться своей истинной природе. Как говорят наши попечители: «Учишься отдавать себя, учишься исчезать в сострадании к другим».

Для многих людей изучение и применение изречений, тренирующих ум, явно помогает уменьшить эгоизм. Однако мне сразу пришлось не по душе необходимость запоминать все эти изречения, тем самым принимая на себя груз еще одной порции концепций. И идея того, что мне нужно притворяться, что нужно работать с предположениями вместо голой очевидности, мне сразу не понравилась. Ведь я притворялся большую часть своей жизни, теряя ее при этом. Я давно уже достиг той стадии, где, наверное, единственное, что я мог бы предположить, – это что солнце встанет на востоке, причем даже в этом я не был вполне уверен. Нет ли прямого и столь же эффективного

пути? Пути, на котором я мог бы видеть и сам переживать истинную природу сострадания, на котором и постижение, и ежедневная практика были бы одним и тем же, без всех этих промежуточных стадий запоминания и обусловливания?

К счастью, я нашел такой путь. Путь, который был простым и который нельзя было применить неправильно. Путь, который был несомненно практичным, так как его можно практиковать где угодно и когда угодно. И, что самое замечательное, путь, на котором сострадание расцветает естественным образом, без малейшего ментального принуждения.

Конечно же, это Безголовый Путь. И нет, его основатель вовсе не вымышленный персонаж из «Легенды сонной лощины», как любит шутить один мой здешний друг, и вовсе не нужно скакать на лошади посреди ночи, пугая соседей. Наоборот, безголовость в своей основе лишена какой-либо примечательности (она – сама недвижимость), она ненавязчива (вы в буквальном смысле отходите в сторону), вы никого не испугаете (кроме, быть может, того, кем себя считали), и хотя ее открыватель Дуглас Хардинг вовсе не вымышленный персонаж (хотя он бы с этим не согласился), главное действующее лицо этой истории – Вы, в качестве Того, Кто Вы на самом деле, – Самого Осознавания. Кстати, неизбежным выводом безголового видения является тот факт, что я создан для сострадания; я создан для того, чтобы исчезать в пользу другого. Хардинг описывает это так: посмотрите на эти черные значки на этой белой странице. А теперь разверните свое внимание в другую сторону и посмотрите на то, из чего вы смотрите. Не на то, из чего вы думаете, что смотрите, а на то, из чего вы на самом деле *видите*, что смотрите, – и отметьте, что *Здесь* нет ничего, абсолютно ничего, чтобы

было бы помехой для этой страницы. Там – объект; плотный, непрозрачный, ограниченный. Здесь – ничего подобного нет, одно лишь пространство, вместимость для страницы. Как говорит Хардинг, вы в буквальном смысле «захвачены» ею.

Теперь я заменяю страницу вашим лицом и вижу ту же самую ситуацию. Отношения асимметричные: лицо там и не-лицо Здесь. По контрасту, в мире явлений каждая «вещь» находится в объективных отношениях с каждой другой «вещью». Эти отношения «в третьем лице» всегда симметричны, всегда конфронтационные. Без этой симметрии не было бы мира.

Но Здесь, в качестве «Первого лица-Единственного числа» я – не просто еще одна «вещь» в этом мире. Я смотрю сюда, и хотя я вижу *ничто* – ничто, что я мог бы назвать своим, я также замечаю, что я заполнен тем, что находится передо мной, – в данном случае вашим лицом. У меня нет выбора; я создан для того, чтобы совершить наивысшее жертвоприношение: умереть ради вас, исчезнуть в вашу пользу, и тем самым, теряя свое лицо и приобретая ваше, я становлюсь вами.

Значение этого продолжает меня изумлять. Хотя как *ничто* я абсолютно свободен от страданий мира, я вместе с тем неотвратимо и тесно задействован в том, что вы с собой приносите, – в вашей радости, вашем замешательстве, вашей боли. Быть безголовым – значит быть очень уязвимым, ибо то, что я вижу в другом, больше не «вещь»; это Тот, Кто и есть Я.

Можно сказать, Тому, что Здесь в качестве Пустоты-Наполненности, сострадание внутренне присуще. Но оно появляется как побочный продукт истинного смирения – исчезновения ради другого. В случае же развития сострадания подразумевается, что есть кто-то, кто его развивает, и, несомненно, тогда это

уже становится рецептом гордости. Я постоянно наращиваю то, что я воображаю, будто здесь находится, постоянно вступая с вами в конфронтацию. Каким образом, являясь воображаемым «я» здесь напротив мнимого «вас» там, я мог бы предложить вам нечто большее, чем весьма вялую (если не воображаемую) версию сострадания?

В реальности сострадание никогда не вырабатывается усилием воли. Скорее, оно проявляется в результате фундаментального обнаружения Истины и реализации этого обнаружения. Как сказал Данте в «Божественной комедии», благодать приходит от видения, а не от любви, которая приходит позже. Будете *видеть*, и любовь проистечет. Освобожденная от границ воображаемого «я», она не может не наводнить весь мир, ибо она и есть мир.

Итак, моя практика ясна: уйти с пути любви. В видении, что *Здесь* никого нет, открываются ворота для сострадания, и я не нахожу способа, чтобы сопротивляться вам; нет ничего, с помощью чего я мог бы не позволить миру войти.

Кто-то у меня спросил, каково это – открыться, и я ответил, что иногда это похоже на некий «приход», но чаще кажется, что ты просто таешь; что нечто поднимается от самого сердца – чувство, как если бы вы были Любовью, поглощающей Саму Себя. На безмолвный вопрос «Что же *Это* такое?» ответом всегда становится смех.

И теперь, совершив еще один кувырок (я никогда не устаю от этих сальто назад), я обнаружил, что постулаты *лджонг* работают довольно хорошо, включая и те, в которых я должен притворяться. Однажды меня осенило: как может то, что исходит от Истины, быть наигранным? Есть ли там кто, чтобы притворяться?

ДВА ДНЯ

Стоя на берегу реки, Мулла Насреддин смотрел, как пришла попить собака. Собака увидела свое отражение в воде и сразу же стала лаять. Она лаяла и лаяла все утро и часть дня, пока у нее не появилась пена у рта. Наконец, умирая от жажды, собака упала в реку – вследствие чего она утолила жажду, вылезла и, довольная, ушла.

Насреддин сказал: «Так я постиг, что всю жизнь лаюл на свое собственное отражение».

Это одна из моих любимых суфийских притч. Дуглас Хардинг также как-то сказал в отношении какой-то воображаемой проблемы, что целый день пришел и ушел в его огромном Едином Глазе, а он назвал этот день неудачным! Итак, вот один из так называемых «неудачных дней» в тюрьме:

Шесть часов утра, и меня оглушает побудка. Динамик системы местного радиовещания находится прямо у моей камеры, и, проснувшись, я вновь очутился в кошмарном сне. Почему они так орут в микрофон? Разве они не знают, что у нас от этого болят уши?!

У меня пятнадцать минут, чтобы явиться на завтрак. Болит спина. Я проклинаяю металлическую койку, тонкую набивку, называемую здесь «матрасом». Мне бы уж лучше камень в качестве подушки, но в целях безопасности в этой тюрьме нет никаких камней, ничего, что по размеру больше гальки. Все

это напоминает мне собачье дерьмо, которого я не видел уже двадцать лет.

Я накидываю свою казенную рубашку, штаны и ботинки. Я живу в уборной размером 12 × 7, поэтому унитаз всегда рядом, ледяной, металлический, без сиденья. К счастью, сейчас нет нужды на нем сидеть. Я встаю, делаю свои дела, с беспокойством отмечаю, что заканчивается туалетная бумага – выделяемого нам одного рулона в неделю недостаточно.

Я чищу то, что осталось от моих зубов. Не дай Бог, чтобы у меня заболели зубы. Приема у зубного приходится ждать до трех месяцев, а стоит это почти половину моей месячной зарплаты в 12 баксов. Лечение же, как правило, состоит в том, что зуб просто выдирают.

Зовут на завтрак. Двери камеры открываются, я спешу по ярусу вместе с остальными и мы толпимся у двери отсека. У Фрэнки воняет изо рта. Он мог бы по крайней мере умываться и чистить зубы – раз в неделю было бы достаточно, лучше, чем никогда! Надзиратель в центре управления опять издевается. Почему он всегда выпускает другие отсеки первыми? Почему каждый чертов раз мы последние?

Вот наконец! Мы двигаемся, как скот в загоне, через вестибюль, выходим из корпуса, где находятся камеры, и идем по тротуару к зданию столовой. Через секунду мы уже выстроились у западного входа, нас больше сотни. Еще сотни находятся внутри. К счастью, сегодня нет дождя и не холодно, иначе на лестнице несчастья мы бы были на две ступени ниже, а я и без того чувствую себя абсолютно несчастным.

Внутри шум оглушающий. Вхождение в столовую – сходжение во ад! Один мой друг из Нью-Йорка заметил, что это то же самое, как есть на переполненной платформе метро, в то время как мимо без остановки грохоча проносится экспресс. Наверное, сейчас

здесь находятся мужиков триста, и все кричат, чтобы быть услышанными. Теперь понятно, почему в старых тюрьмах существовало правило не разговаривать во время еды. Мне хочется закричать «Заткнитесь вы все!», но не могу, – иначе триста головорезов испортят мне завтрак. Наконец я добираюсь к месту раздачи еды, и один из заключенных сует мне пластиковый поднос. В моей каше волос, но я ее в любом случае не ем.

Возвращаемся обратно в корпус, где расположены камеры. Через полчаса динамик орет: «Связка на выход!» – термин, который остался с прежних времен, когда на тяжелых работах были группы заключенных, скованные одной цепью – «на связке». Это означает: «заключенным приступить к работе». Направляюсь на работу, а так как я работаю в корпусе, где расположены камеры, то идти мне недалеко. Я уборщик, и моя работа – убирать кабинеты и драить туалет тюремного персонала. Придя на место, я вижу инспектора Монро, – черт подери, я надеялся, что сегодня у него выходной. Он любит надо мной насмеяться: не отпирает мне шкафы и не открывает двери кабинетов, и мне приходится искать кого-нибудь другого, кто бы это сделал. Он находит это смешным. Я бы уволился с этой чертовой работы, но быть без работы – значит быть весь день запертым в камере, без преимущественного права пользования спортзалом, двором и библиотекой. К черту! Лучше буду чистить их зловонный туалет – из двух зол это наименьшее!

И вот уже позднее утро, я вновь в своей камере. Это время переключки, час, когда мы сидим запертые в камерах, а нас опять считают (всего пять раз в день). Я использую это время, чтобы подремать. К 11 утра я уже с ног валюсь от усталости. Не столько от физической нагрузки, сколько от психологической –

учитывая все то дерьмо, с которым мне приходится иметь дело. Если дело не в других зеках, то – в тюремном персонале, а если не в тюремном персонале, то заканчиваются чистящие средства или ломаются устаревшие поломочные машины. Мне нужно прилечь. Надеюсь, что эта головная боль пройдет.

Зовут на обед! Черт. Нужно спешить, или я опоздаю к открытию дверей! Обед состоит из фасоли, риса и какого-то мелко нарезанного мяса. Он не стоит того, чтобы на него бежать, но мне нужно подкрепиться. Я ненавижу эту еду. Я ненавижу всю жратву, которую здесь дают, но «мусор» из еженедельного магазина мне не по карману. Два пятьдесят за пакет чипсов! Это недельная зарплата, и практически всегда это даже не чипсы, а какие-то обломки! Это надувательство, и я знаю, что какой-то «денежный мешок» из политиков недурственно на нас наживается. Господи, у меня несварение уже до того, как нас накормили. Что будет дальше?

Иногда лучшее время дня – после обеда, когда я могу погулять во дворе или сходить в спортзал потренироваться, или в библиотеку, или просто потусоваться у себя в камере и побездельничать. Конечно, звучит здорово, но почему-то так никогда не получается. То есть я знаю, что мы не контролируем наши жизни – нам говорят, что, когда и как делать, – но почему у нас не может быть хотя бы одного обычного дня, на который можно было бы рассчитывать? Только один день, когда все происходило бы так, как положено?

Я решил не ходить ни во двор, ни в библиотеку, потому что туда нужно попасть в течение десятиминутного отрезка «контролируемого перемещения» и, в случае с двором, если мы там оказываемся, то остаемся там до вечера. Так что я остался у себя

в камере, думал, что почитаю книгу, а тут эта хренова пожарная тревога, и нужно строем выходить из корпуса и стоять на тротуаре как придурок со всеми другими придурками, пока придурки в форме пьют кофе и воображают, будто у нас пожар. Черт, если бы когда-нибудь случился настоящий пожар, мы бы тут все зажарились как цыплята в духовке. В крыше есть дыра, куда охранники могут кидать баллоны со слезоточивым газом, если мы слишком разбуянимся. Говорят, что в случае ядерной атаки придут военные и пристрелят нас в наших камерах – отличный способ убрать бельмо на глазу! Иногда меня беспокоят подобные вещи.

Скоро время вечерней переключки, и я потратил все послеобеденное время, на что-нибудь злясь. Знаете, что меня бесит? Когда я не иду во двор, то беспокоюсь, что заболēju и потеряю форму. А когда я иду во двор, то переживаю, что мало читаю, пишу писем или мало делаю еще что-нибудь, что хорошо бы сделать. Я злюсь на своего соседа, потому что он стучит ручкой по своему письменному столу, а так как стол металлический и прикреплен к бетонной стене, разделяющей наши камеры, то кажется, что он стучит по моему столу. Телевизор в отсеке включен слишком громко, зеки-сантехники стучат по трубам в подсобке, а моя одежда вернулась из прачечной без одного носка... Боже, я мог бы сейчас быть на пляже в Пуэрто-Валларте! У меня могли бы быть деньги, хорошее жилище, я бы приятно проводил пенсионные деньки на поле для гольфа. Стоит ли говорить о сожалениях! Зачем надо было так испортить себе жизнь?

Я вновь в столовой для третьей паршивой кормежки за этот день. На этот раз помещение переполнено еще больше, и я не могу найти место, чтобы присесть. Я и несколько других бродим по проходам

с подносами в руках. Эта игра похожа на «музыкальные стулья», смысл которой в том, чтобы задержаться как можно дольше у потенциальной «мишени», – того, кто почти доел, – и, когда он встает, метнуться на его место. В столовой я видел больше драк, чем где-либо еще, поэтому я всегда внимательно присматриваюсь к тому, кого я при этом обгоняю. Почему у меня несварение, хотя я еще не съел ни куска этой жратвы?

Вечер, я опять на работе, вожу шваброй по полу. Туалет сегодня вечером на редкость мерзкий – должно быть, одному из надзирателей было хреново. И все же вечерняя работа ничто по сравнению с утренней. Я чувствую, как успокаиваюсь. Однако все еще остается угроза чего-нибудь непредвиденного: меня могут перевести в другое здание или другую тюрьму, я могу заболеть или один из тысяч зеков может неожиданно на меня наброситься без всякой причины – кто знает?

По телику, как всегда, ничего путного. Еще одна переключка в 21.30, и я пойду спать. Интересно, почему я так устал? На самом деле день был не так плох. Меня никто не пырнул ножом, никто у меня ничего не украл, я не получил дисциплинарный выговор за нарушение какого-нибудь из тысяч мелких местных правил. И вместе с тем какое-то общее ощущение тревоги, как будто чего-то не хватает. И эта изжога... Нужно будет со следующей зарплаты купить себе антацид.

* * *

А вот совершенно другой день:

Подъем. Система местного радиовещания громкая, как будто повсюду одновременно раздается звон цимбал. Появляются три стены камеры, рука, еще одна рука, отбрасывающая одеяло, я смотрю вниз и вижу ступни, дальше вниз и вижу колени, трусы,

футболку, а под этим – *Ничего!* Я широко распахнут, я парю, а стены, руки, койка, ступни, трусы и футболка находятся во мне! Вот это пробуждение!

Вот я сижу, вот стою, дюжина ощущений одновременно: звуки, боли, напряжения и еще много чего. Я смотрю вниз, чтобы проверить – да, как всегда, я вверх ногами! Надеваю штаны, рубашку, комната качается из стороны в сторону, и теперь все надвигается на меня, дальняя стена, умывальник и туалет становятся все больше. Все так странно и увлекательно! Это жизнь от *Первого лица*. Я смотрю вниз и вижу, что мочусь вверх!

Лицо в зеркале – не мое лицо. В доказательство я вынимаю свою бритву и смотрю с расстояния ярда, как тот явно более пожилой мужик в зеркале бреется. *Здесь же нет никакого лица, лишь ощущения в этой живой пустоте. Как удивительно!* Мне настоящему никогда не нужно бриться!

А теперь, чтобы доказать, что у меня нет зубов и нет рта, в котором они могли бы быть, я беру свою зубную щетку, выдавливаю на нее зубную пасту, непринужденно, как рука сама делает, и помещаю конец щетки в это пустое пространство. Сразу же появляется вкус мяты и ощущение прохлады. Она поразительна, эта чистка зубов.

Зовут на завтрак. Двери камеры открываются, и дверной проем волшебным образом проходит вокруг меня и исчезает. Парни различных размеров спешат по ярусу. Однако я остаюсь абсолютно недвижимым, в то время как мимо меня спешит ярус, пробегают с одной стороны двери, с другой – перила, погружаясь в небытие. Через секунду я уже вышел из корпуса и стою на тротуаре. Воздух бодрящий и морозный, а с гор долетает запах елей. Мимо проплывает тротуар, и когда я смотрю вниз, то вижу,

что мои ноги движутся, чтобы оставаться на нем. Я замечаю, что, странным образом, тротуар теперь появляется из ниоткуда в верхней части моего поля зрения и исчезает в никуда в нижней части – кажется, будто мои ноги взбираются по вертикальной беговой дорожке, но я вовсе не устаю!

Столовая становится больше, и ко мне приближается хвост длинной очереди из парней, уменьшающихся в размере по мере удаления; все стоят ко мне спиной. Один человек оборачивается и заводит со мной беседу. Я вижу, что он разговаривает с пустым пространством *Здесь*, смотрит на *никого* и говорит с *никем* – я принял в себя его лицо; я стал им. Поистине, я разговариваю сам с собой!

В столовой бурно и оживленно. Теперь у меня сотни лиц, сотни тел разных размеров и форм, и настоящий концерт из голосов, *fortissimo*. Здесь нет ощущения тяжести, нет никакой мрачности, несмотря на очаги гнева и неудовлетворенности, которые я замечаю. Появляется поднос, а через несколько минут – и место за столом. Еда выглядит ненастоящей, но когда рука поднимает ее на вилке и отправляет в буквальном смысле *в никуда*, находящееся внизу моей рубашки, то появляется вкус! Как это происходит, и почему же я когда-то принимал это как нечто обыденное?

На работе я отмечаю, оглядываясь назад, что я больше уже не *Вижу*, что я прикрепил себя к этому телу, к этой работе и к этим мыслям о том, как что делать и что сделать дальше, чтобы все «пошло хорошо». Однако за этим каскадом мыслей в третьем лице *Видение* продолжается, не ослабевая, время от времени появляясь в фокусе, как будто ждет, чтобы подхватить меня, если я вдруг упаду. Временами я удивлен дерзостью и силой этих возникающих сомнений, их спо-

способностью пленить меня и уносить в «мир», будто бы он отличен от Того, Кто Я Есть. Отдаю им должное, они отлично делают свою работу: на какое-то время они действительно могут заставить меня им поверить. Но одновременно присутствует замечательный и вполне естественный механизм распознавания, что я привязался к одной из этих мыслей. Это некое чувство, и когда появляется беспокойство, когда что-то начинает болеть, я знаю, что мой будильник только что зазвонил и мне нужно вернуться *Домой, к Тому, Кто Я на самом деле*. Как это просто! Но я иногда удивляюсь: как так получается, что Бог засыпает и принимает Себя за что-то иное?!

Сейчас день, и я в прогулочном дворике. Отсюда прекрасный вид на горы на западе. Это не те высокие, величественные горы, которые обычно ассоциируются со Скалистыми горами. На самом деле, держа свой большой и указательный палец на расстоянии вытянутой руки, я вижу, что они всего лишь около дюйма в высоту, и еще меньше, если измерить их еще ближе к их Источнику. Мимо проносятся облака различных размеров, и так как тюрьма расположена под воздушной трассой, то часто можно видеть следы крошечных самолетиков, медленно пролетающих мимо.

Видеть от имени и в качестве Первого лица-Единственного числа Настоящего времени, *видеть* именно

то, что есть, как оно есть, и есть настоящее видение – у меня нет сомнений на этот счет. Смотря Сюда, я вижу *ничто*, пробужденное и сияющее. Но я также вижу, что до краев наполнен всякого рода вещами, что являюсь этой пустой и осознающей Вместимостью для мира. Смотрю наверх, я – небо в облаках; смотрю на горизонт, я – покрытые деревьями горы; смотрю вниз, я – это безголовое, странной формы тело вверх ногами. Поистине, все это – мое тело. Я широко развожу руки, чтобы вместить этот колоссальный Глаз, который вмещает все. Это и есть Тот, Кто Я есть: ничто и Все, оно все *Здесь* и бесконечно глубоко.

Вернулся в камеру, в 4.30 проходит переключка, после чего, уже в третий раз за сегодняшний день, приходит столовая, и я наводнен столами, телами, голосами и вкусами. Позже, на работе, я чищу туалет и выбрасываю мусор, а теперь вновь в камере. Заходит мой сосед с книгой в руке. Он читает «Курс чудес» и время от времени цитирует какой-нибудь абзац вслух, что доставляет мне огромное удовольствие. Пока он читает, я замечаю, что у меня *Здесь* его лицо и его голос, а когда я с ним разговариваю, то и мой голос также *Здесь* – одно лицо и два голоса в этой занимательной Пустоте! Я – Бог, обсуждающий Сам Себя с Самим Собой!

Как раз перед последней переключкой и запираанием дверей на ночь я включаю телевизор и пробегаюсь по каналам, чтобы взглянуть на происходящее в двухмерном мире телевидения, который, как я думаю, мало отличается от так называемого трехмерного «реального» мира, в котором живут другие, по их мнению. Независимо от того, что они говорят, я знаю лучше, так как вижу – на самом деле *вижу*, – что этот «реальный» мир живет во Мне – так же, как этот телесериал, который сейчас идет, живет на экране

телевизора. Я переключаю канал, и картинка меняется, но на экране это никак не отражается; через него прошел весь мой день, но то Чистое Осознание, которым я являюсь, остается нетронутым. Это Тот, Кто Я есть. Вы полагаете, что Я – человек, который сидит в тюрьме. Однако с Моей точки зрения все наоборот, ибо Я вижу все иначе – эта тюрьма сидит во Мне!

Поистине, как мне напоминает Дуглас Хардинг и некоторые другие, весь день, каждый день, приходит и уходит в этом огромном Едином Глазе, и назвать любой из них неудачным значило бы лаять на свое собственное отражение.

Туннель истины

Вот в какую игру я играл: убежденный в том, что я ничтожный, я боролся за то, чтобы быть принятым. Убежденный в том, что я бессилен, я боролся за то, чтобы господствовать. Всю энергию, которая у меня была, поглощало это двуглавое чудовище. Контролирование было предметом моих поисков, манипулирование – моим средством, боль – результатом. Практически все, что я делал, чтобы избавиться от страданий, со временем приводило к обратному. Вам это знакомо?

Вот самый простой выход: срежьте дно у бумажного пакета и приложите один конец к зеркалу у вас в ванной, а другой – к своему лицу. А теперь скажите правду, не то, что вы узнали от других, не то, что вы можете себе вообразить, а то, что вы на самом деле сами *видите*. Осмелитесь быть оригинальными!

Где ваше лицо? Оно там, в зеркале? Там, где его воспринимают другие (и фотокамеры), или оно с вашей стороны пакета? Если с вашей стороны не оно, то что же? Опишите это. Опишите все, как оно есть, прямо сейчас, для вас самих и ни для кого другого.

Вот что вижу я, когда это делаю. Там, в зеркале, я вижу знакомое лицо – то, что появлялось в каждом зеркале, в которое я когда-либо смотрел; то, которое со временем очень изменилось, поседев и сморщившись как перезревшее яблоко, однако которое все еще обладает чертами того человека, которым другие

меня называют вот уже больше шестидесяти лет. Да, это «я», человек, которым, как мне говорили, я являюсь и которым я сам себя считал, – тот никчемный и бессильный парень, так долго боровшийся за то, чтобы все держать под контролем и чтобы его все признали, и в ходе этого принесший так много боли себе и другим. Не самый лучший парень, с которым себя можно отождествить. Но, быть может, есть другой способ взглянуть на это?..

Теперь я смотрю на ближний конец пакета, на конец, противоположный зеркалу, и что же я вижу? Я вижу прямо противоположное! Здесь я не нахожу никаких черт, никаких качеств, никакого лица! Но погодите, это же мой конец, и если тот, кем я себя считал, здесь не появляется – а я здесь никого не вижу, – тогда кому же принадлежит это осознание, этот свет, это ощущение присутствия? На том конце пакета нет такого присутствия, никакого «я», которое я мог бы приложить к тому лицу. И, на самом деле, если подумать, его никогда и не было. Почему я когда-то поверил, что то, что видят другие, оттуда, где они находятся, имеет место Здесь, где нахожусь я? Как так получилось, что я принял ту внешность, которую видят другие, развернул ее, увеличил и притворился, что это ей здесь место, а не этому пустому осознанию, когда я отчетливо вижу, что ее Здесь нет? Из моего Первого Лица я создал третье лицо, объект из Субъекта, и в результате больше шестидесяти лет жил самой большой ложью на свете!

Нужно ли мне это? Кому-нибудь это нужно? Не думаю. Я говорю, что пора вернуться к реальности, и если в глазах других я никчемный негодяй, то себе мне нет необходимости врать о том, кто я. Это так очевидно! То Я, которым я являюсь, находится на этом конце пакета, и на этом конце я вообще ничего

не вижу; я – Сама Пустота. Пустота, которая абсолютно пробуждена, даже к собственной пробужденности. Пустота, которая безгранична, так как у нее нет краев, которая простирается до бесконечности и вместе с тем находится прямо *Здесь* и нигде больше!

Я слышу, как вы говорите: «Ну и что? Вы просто обнаруживаете свое сознание, просто осознаете себя, и любой может это сделать, так как у всех есть мозг, хотя, быть может, и не такой странный, как у вас».

На что я отвечаю: положите пакет и войдите в комнату, где есть другие люди, или выйдите на улицу и слейтесь с толпой. А теперь, так же, как вы это делали в пакете, посмотрите туда, вовне, на этих людей, одновременно продолжая смотреть *сюда*, вовнутрь, на ваше пустое осознание. Вы можете делать это одновременно, это не сложно. Просто посмотрите, одновременно отмечая, из чего вы смотрите, и спросите у себя: «Вижу ли я эту пустоту, этот свет, это сознание где-либо еще?» Если нет, то зачем тогда предполагать, что оно находится где-то еще? Зачем предполагать, что оно появляется, подобно привидению, вследствие какой-то загадочной клеточной активности в мозге (как будто объект может создать Субъект! Хотя, конечно, некоторые из этих мозгов производят бóльшую и более значимую часть этого, чем другие)? Зачем верить, что есть отдельные сознания, когда нет вообще никаких доказательств их существования; верить, полагаясь только на то, чему вас научили другие и что вы в результате приняли за истину, тогда как вы сами отчетливо видите, что это не так? *Посмотрите сами!*

А теперь раскиньте руки. Вы увидели, что на ближнем конце пакета вы – пустое осознание. Теперь увидите, насколько это осознание велико. Держите его своими раскинутыми руками и заметьте, что

вся окружающая обстановка, что бы и кто бы в ней ни оказался, аккуратно в нее вписывается. Вы – осознание, и осознание достаточно большое, чтобы вместить в себя Вселенную. Осознание никому не принадлежит, оно просто есть. Мозг не производит осознание каким-то волшебным образом, мозг возникает вместе с осознанием. Осознание – это ваша суть, и будучи осознанием, вы являетесь Одним. В качестве Одного вы не отдельная личность, в качестве Одного вы не предмет, вы – Одно, в котором возникают и ваша личность, и все остальное. Вы – *Ничто*, вы абсолютно пусты. Посмотрите! Разве не так?

Но, быть может, я слишком напористый. В конце концов, вы сами авторитет относительно того, что вы видите, когда *смотрите*, и я не могу говорить за вас. Я могу говорить лишь о том, что вижу я, и должен признаться, иногда мне хочется бесконечно говорить о том, кого и что я *вижу*, когда *смотрю*.

Каков результат всего этого *смотрения*? Каким образом оно что-то изменило, если на самом деле оно вообще что-либо меняет?

На самом базовом уровне ничто не изменилось (потому что ничто никогда не случалось). Однако я должен сказать, что на уровне этой конкретной жизни изменилась вся ее история. Например, серьезно относясь к тому, что я вижу, когда одновременно смотрю *вовнутрь* и *вовне*, отношения с людьми радикальным образом меняются. Вы заходите в комнату, и я отчетливо вижу, что я исчезаю в вашу пользу, что я не могу поступить иначе, кроме как уступить и позволить вам войти в мое пространство, что я здесь не для того, чтобы противостоять вам или бояться вас. В качестве чистого осознания я пропитан вами и, что еще более удивительно, я вижу, что вы являетесь во мне в виде одного из моих образов! Кто

может господствовать над кем? Что нужно защищать? Как я могу даже описать такие отношения, кроме как сказать, что Субъективность соотносится с Самой Собой, по одной лишь причине – чтобы как раз это и увидеть?

Но, скажете вы, как вы можете говорить о любви, когда притязаете на исключительные права на осознание, – это то же самое, как говорить, что другие являются для вас объектами, лишенными какого-либо собственного осознания, плодами воображения, которые вы будете использовать в своих собственных целях. Это похоже на потребность господствовать, доведенную до предела!

На что я отвечу, что ничто не может быть дальше от истины. Наоборот, это отказ от контролирования той ограниченной, отдельной и исключительно концептуальной личности, за которую я себя принимал, и передача этого контроля Всему, Что Есть. Это отдача своей «собственной» воли воле Божьей. Когда я больше уже не прикидываюсь «собой», у меня нет ничего, чем я мог бы вам противостоять, и таким образом все отношения преобразуются в любовь.

Но, несмотря на то что *Ничто* и *Все* едины, очень важно их не путать, так как они находятся в некоем соотношении, и в этом соотношении является *Все*. Как показал эксперимент с бумажным пакетом, все осознание находится на этом конце пакета, тогда как вся материя – на другом. Если в качестве Первого лица-Единственного числа (и, таким образом, в качестве воспринимающего именно то, что есть) я верю, что на этом конце есть хотя бы крупинка материи, я вру сам себе, ведь я отчетливо вижу, что это не так. В тот момент, когда я делаю эту ошибку, я становлюсь жертвой ужатия и беспомощности, из чего вытекает потребность защищать себя и контролировать других.

И наоборот, если я верю, что на том конце есть осознание, я опять себе вру. Только осознание видит. Глаза не видят, о чем свидетельствует тот факт, что я могу, развернув свое внимание на 180° и посмотрев вовнутрь, действительно *увидеть* это пробужденное *ничто*, из которого смотрю. Что же тогда видит? Осознание! Как говорит Дуглас Хардинг: «Только Бог видит. Только Бог – который одновременно является Ничем в основании и в центре его космической иерархии и всеми вещами на ее периферии и окружности – на самом деле видит что-либо. Видение – Его работа».

Приписывать зрение объектам – идолопоклонство и вторая половина формулы для разделения, которое гарантирует поглощенность собой и жизнь, полную страданий. Отмеривая осознание другим, я не просто одинок, мне противостоит бесконечный поток судящих обо мне и соперничающих со мной. Приписывая осознание другим, я теряю силу Единственности; я больше не доверяю этой сияющей и осознающей Пустоте в своем центре, потому что она уже больше не целостна; я теряю Саму Субъективность, единственный источник всех вещей. На самом деле нет ничего за пределами осознания. Я никогда не смогу найти осознание в каком-то другом месте, потому что *нет* никакого другого места – я неделим. Вещи не осознающие, и осознание – не вещь. Это очевидно, при условии, что я *посмотрю!*

И, наконец, видя это пробужденное *ничто* в своем центре (и, таким образом, им и являясь), я обнаруживаю истинный смысл любви, ибо я больше не выделяю себя, исключая других. *Здесь* я обнаруживаю, что я и все остальные видят одним этим осознанием в качестве одного этого осознания. *Здесь* я почитаю и прославляю Того, кем вы являетесь в вашем центре,

ибо это также и Тот, кем являюсь я сам. Осознание включает в себя всех и, тем самым, всех любит.

Если вы сомневаетесь относительно того, что вижу я (а почему бы вам и не сомневаться?), по крайней мере, поверьте тому, что видите сами. Приставьте к своему зеркалу бумажный пакет и посмотрите. Что вы можете потерять, кроме того, чего нет? Что вы можете приобрести, кроме того, что есть?

ПРАКТИКА

Практика, практика, практика. Буддисты всегда говорят о практике. А я хочу знать, когда же будет результат?

*Роберт Турман,
профессор индо-тибетских буддийских наук,
Колумбийский университет, факультет религии.*

Вы «практикуете» более 30 лет. Вы знаете практически все, что можно знать о вашей религии. Осталось мало вопросов, на которые вы не могли бы ответить или на которые вы не могли бы найти ответ в ваших многочисленных книгах. Вы также исследовали и другие религии и можете распознать сущностное послание во всех них. Вы – ходячая энциклопедия религиозных знаний, и нет такого понятия, которому вы не могли бы дать трафаретное объяснение, – это касается даже трудного буддийского понятия «пустоты». Вы бы не сказали, что знаете все, но считаете, что знаете больше, чем большинство.

И вот однажды вам попадается книга о чем-то, что называется Безголовый Путь. Просматривая ее, вы замечаете, что в каждой главе делается акцент на своего рода «эксперименте», к которому прилагается комментарий. Еще одна псевдодуховная чушь, думаете вы, но затем замечаете цитаты, многие из которых принадлежат Мастерам вашей собственной традиции, к тому же в книге часто упоминается

«пустота» – термин, с которым вы хорошо знакомы. Что же это такое? – думаете вы.

Читая главу, просто так, от нечего делать, вы решаете попробовать один из экспериментов. Вы чувствуете себя глупо и проверяете, не видит ли вас кто-нибудь. Ведь как-никак у вас есть определенное положение в духовном сообществе, есть достижения на «пути». Однако вы признаете, что сомневались относительно переживания вашей истинной природы на собственном опыте – что, согласно этой книге, является центральным в представленном в ней учении. Потому что независимо от того, насколько велико ваше интеллектуальное понимание, независимо от того, как усердно вы постигали его логику, вы не станете утверждать, что это «переживание» у вас было. Этот знаменитое «озарение» по-прежнему кажется недостижимым.

И вот вы делаете эксперимент с указыванием, затем эксперимент с трубой, когда ваше лицо находится там, в зеркале. Сказать, что вы удивлены, значит не сказать ничего, так как до вас тут же «доходит»: вы видите – *Видите!* – *То*, о чем вы так долго философствовали. Вы видите *Пустоту* – сияющую, пробужденную, безграничную – прямо *Здесь* и прямо *Сейчас*. Как такое может быть?!

Вы садитесь. Вы думаете, нет... наверное, это что-то другое, какая-нибудь эманация личного сознания. Это не может быть *той самой* Пустотой, тем, на что ссылались все Мастера на протяжении столетий! Наверняка это какая-то уловка. Какой-то трюк. Если бы это было настоящее, то вы бы узнали его раньше. Это не может быть настолько просто. Ведь последние 30 лет должны иметь какой-то смысл!

Однако вот она, Пустота, несомненная в своей ясности, в своей очевидности! Ваш ум говорит «нет»,

но что-то в глубине говорит «да». Но погодите – вы видите ваш нос и часть ваших усов! Так, значит, вы вовсе не пусты, вы вовсе не «безголовы» и не находитесь в свободном полете, как утверждают в этой книге! Нос, усы, и вы можете дотронуться до своего лица. Ваша голова именно там, где вы и думали. Как глупо было с вашей стороны предположить, что она исчезла!

На всякий случай вы перечитываете описание эксперимента, и опять там эта фраза, которую невозможно игнорировать: «Основываясь только на фактах, имеющихся в данный момент...»

Вы закрываете глаза, дотрагиваетесь до своей головы, ушей, носа. Но все, что вы получаете, – это ощущения с ментальными ярлыками «голова», «уши», «нос». На самом деле без этих навешанных ярлыков ни одно из этих ощущений не представляет собой подобного объекта. Если это голова, а мы основываемся только на свидетельствах настоящего момента, то каков ее размер? На каком расстоянии друг от друга находятся ваши уши – миллиметра или мили? Что вы обнаруживаете между ними (если там вообще что-либо есть)? Где находятся эти звуки, внутри вас или вовне? Где конкретно заканчиваетесь «вы» и начинается мир?

Вы открываете глаза. Вспоминаете множество упоминаний «невинности», которые вы встречали в книгах, и изречение Будды «Будьте светочем самому себе», и наставление Христа «Будьте, как дети». С той же самой непосредственностью, воспринимая все происходящее именно так, как оно предстает перед вами, как вы можете назвать это пятно с неясными очертаниями «носом»? Что у вас на лице есть нос, вам говорили другие, и для них так оно и есть – но так ли это исходя из вашего собственного опыта? И та бахрома, которую они называют усами,

что за ерунда! Даже если это усы, то они ни к чему не прикреплены и парят в пространстве!

Разница тотальная. С одной стороны – то, что говорят вам другие люди и ваш интеллект, с другой – то, что очевидно. С одной – тот, кем вы себя считаете, основываясь на том, что вам говорят, с другой – Тот, кем вы себя *видите*, основываясь исключительно на имеющихся фактах. И решающий довод в том, что никто другой не находится там, где вы, поэтому как кто-то может что-то за вас сказать?

Да, никто другой. Вы ощущаете легкое головокружение, ошеломленный осознанием того, что то, что вы видите *Здесь*, когда делаете эксперименты, – эту Пустоту, это светящееся Ничто, которое полностью *осознающе*, – вы не видите больше нигде. Вы никогда больше нигде ее не видели и знаете, что никогда нигде не увидите. Почему? Потому что есть только Одно: Одна Сущность, Одно Осознание, Одна Пустая Вместимость для всего происходящего, которая столь полно и совершенно заменяет вас каждую секунду.

Но как же быть с вашими тридцатью годами духовной практики, с мантрами, простираниями, тягостными часами медитации? Вы их отпустите? Вы все это бросите, вообще все? Но вы все отпускаете каждый раз, когда наблюдаете за своей Сущностью, каждый раз, когда вы видите свою истинную и безвременную изначальную природу. Вы осознаете, что увидеть ее – значит быть ею, а быть ею – значит отпустить прошлое; быть *Этим* и только *Этим*, всем, что когда-либо было и когда-либо сможет быть.

К тому же, сейчас вам уже очевидно, что «практиковать» свою религию – значит практиковать То, Что Вы Уже Есть. В этом истинный смысл «практики». Практикуйте *Видение* Пустоты с каждой мантрой, с каждым простиранием, с каждым мгновением

медитации. Практикуйте *Видение*, пока чистите зубы (какие зубы?), моете посуду, ходите, разговариваете, читаете или пишите. Практикуйте *Видение* и посмотрите, что проявится. И будьте благодарны всем этим годам духовного поиска, накоплению всех этих эзотерических знаний, времени, которое вы провели, бубня мантры или медитируя, ведь вместо всего этого вы могли бы грабить банки!

«Можно провести бесчисленные жизни, изучая духовные и философские учения мира, и просто остаться сбитым с толку и обескураженным. Стремитесь *знать что-либо*, а не *знать о чем-либо*».

*Дэвид Р. Хокинс, доктор медицины,
доктор философии*

О ЗАМЕЩЕНИИ

Не существует «меня»,
эта Вселенная является Мною.

Шитоу, 700–790 гг. н.э.

Словарь Webster's New World Dictionary перечисляет среди определений слова «замещать»: «предоставлять заменитель или эквивалент для чего-либо». И в сноске о синонимах говорится: „Замещать“ означает занимать место кого-либо или чего-либо, что сейчас потеряно, ушло, разрушено, изношено и пр.»

Я был замещен. Я не потерял работу, я не сбежал и не умер (в общепринятом смысле), и хотя к своему возрасту я немного износился, все же пока не настолько!

Тем не менее меня постоянно замещают. Вот как это происходит: прямо сейчас меня замещает желтый блокнот, движущаяся ручка, моя кисть, часть руки и отрезок металлической плиты, который я называю своим письменным столом. Секунду назад меня заместили радио и рука, настраивающая радиоприемник, а затем – «Болеро» Равеля. А до этого: чашка, которая стремительно становилась все больше, ощущение тепла и вкус, отдаленно напоминающий кофе (он без кофеина), а затем ощущения глотания.

Это то, что обычно меня «замещает». Осознанию свойственно всплывать на поверхность. Того, кем я себя считал, нет в поле зрения, – куда бы я ни посмотрел, этой личности с именем и историей Здесь просто нет. Вместо этого я – то, что проявляется.

При условии, однако, что я внимателен. Чаще всего я занят происходящим, поглощен сновидением этой жизни. Но все же Бог остается Богом, так сказать, на заднем плане, неизменно являясь Никем и Всеми, Ничем и Всем. Тот, Кто Я на самом деле, всегда доступен, повсюду и в любое время, ведь Я нахожусь вне времени и пространства. Все, что мне нужно сделать, – это *посмотреть*, и тогда уже смотрит Он. И чтобы добавить еще остроты к этой и так уже удивительной ситуации, когда Он смотрит, то *видит*, что смотрит на Себя. Он постигает, что замещает Сам Себя, ибо Он не только Одно в качестве Ничто и Всего, Он *осознает*, что Он Одно в качестве Ничто и Всего. В христианских терминах, Он – Отец, Сын и Святой Дух – как Одно!*

Сегодня я гулял по двору, наслаждаясь солнцем и бодрящим декабрьским воздухом. Это было такое прозрачное и ясное утро, какое обычно наступает после хорошей «продувки» ветром чинук накануне. Внешняя граница двора состоит из двойной ограды с колючей проволокой сверху, но после нескольких лет, проведенных здесь, учишься игнорировать ограды и любоваться видом за их пределами. И какой это великолепный вид! На западе предгорья посылают мне знаки. Я посмотрел Сюда, развернув внимание

* Это *Видение* сопровождается ощущением изобилия, ощущением того, что ты есть и что у тебя так много всего, что ты хотел бы это отдавать. В качестве Того, Кто Я на самом деле, я воплощаю бесконечность Вселенной и в свою очередь мне дается наивысший дар – она замечает меня, облаченная в любовь. Я не вижу ничего, что нужно было бы достигать, и ничего, что нужно было бы защищать. Есть только потребность отдавать и, таким образом, вновь и вновь открывать Самого Себя.

на 180°, и увидел – действительно *увидел*, – что нет ничего, никакой физической вещи, на которую я мог бы притязать. Но что же смотрело? Безусловно, не мои глаза. Это должно было быть Осознавание (что бы это ни было) и, более того, Осознавание, осознающее себя в качестве Осознавания! Я (Осознавание) смотрел и не видел ничего, что можно было бы назвать физическим, – ни глаз, ни мозга, ни головы. Я смотрел и *видел* только Осознавание).

Это что касается физического. А вот распрощаться с ментальным – совсем другое дело. Проведя всю свою жизнь погрязшим в патологическом чувстве вины, я имел чрезвычайно трепетное отношение к своим эгоистичным убеждениям. Ведь во враждебном мире я был никем (и к тому же крошечным «ником»!). А в случае с чувством вины я мог вообразить, что имею право притязать хотя бы на нее. И это я противопоставил миру и, разумеется, стал преступником. Но со временем все это «достало» – я все более убеждался в своей ничтожности, а жизнь казалась все более безнадежной. Все это время я проецировал свои убеждения на других, на сам мир – и они возвращались ко мне бумерангом, чтобы вновь идти по кругу дальше. Этот замкнутый круг стал мною самим, и как бы болезнен и страшен он ни был, выйти из него означало полностью себя уничтожить. Я вернулся, как в кокон, в самое худшее из возможных «я». Я облачился в самую туго завязанную смирительную рубашку и не мог высвободиться.

Все это было до того, как я познакомился с Вечной Философией, недвойственным мистицизмом, который находится в сердце всех основных религий. Часть дозы этого лекарства я получил в группе по ментальному здоровью. Тогда я увидел, что творю; тогда я смог распознать механизм проекции и впоследст-

вии вскрыть свои глубинные убеждения – вранье о себе и о мире, которому поверил с самого детства. Психотерапия научила меня брать на себя ответственность за эти убеждения и перестать проецировать их на других. Психотерапия научила меня заменять новыми (позитивными) убеждениями старые. Психотерапия сказала: «Исправь образ собственного „я“, и все будет хорошо».

Проблема была в том, что мне не нужен был исправленный «я» – я просто хотел со всем покончить! Вечная Философия, в частности буддизм и адвайта-веданта, говорили мне, что я и так не играл во всем этом никакой роли и что я просто этого не знал. А затем Безголовый Путь наглядно продемонстрировал это. Чего я не ожидал, так это осознания того, сколь полно я во всем этом *играл*. Стоило мне распрощаться со старыми мыслями и чувствами, как я оказался *Всем Этим!*

Вот как это произошло. Я рассуждал: если нет никакого «я» – а я *видел*, что его нет, – как эти мысли и чувства могли быть моими? Как они могут характеризовать никого и ничто? Где бы они могли проживать в Осознающем Пространстве, в чистом Вместилище во Мне в качестве Первого лица-Единственного числа? Ведь *Здесь* в буквальном смысле ничего нет, никакого «места», где они могли бы оказаться, им негде ждать, пока их позовут!

Ответ пришел со временем. Я практиковал *Видение*, то есть выпроваживал физическое, и чем больше я практиковал, тем больше отпускал свои мысли, пока наконец не стало ясно, что эта ослепительная Пустота в моей сердцевине была лишена не только всего физического, но также и всего ментального, что она предшествовала всем мыслям, чувствам, убеждениям и утверждениям – предшествовала всему.

Но если их не было *Здесь* в моей сердцевине, если они не «мои», то где же было место этих мыслей и чувств, чему они принадлежали? Ведь их невозможно отрицать; они не иллюзии: хотя они не физические, они, безусловно, «реальны» (настолько реальны, насколько могут быть реальными внешние признаки).

Ответ каждый раз так очевиден, что почти не постижим: **они часть того же самого «происходящего», той же самой окружающей обстановки, которая меня замещает.** В своей сердцевине я – Осознающая Пустота, и именно потому, что я пуст, я могу наполниться, ведь я – *ничто*, являющееся вместимостью для всего. Поэтому, куда бы я ни посмотрел, на что бы ни обратил внимание, это замещает меня собой. И это замещение полное. Я не частично пуст или частично замещен. Я мгновенно и полностью обнаруживаюсь тем, что меня замещает. И не только физическим, но и ментальным; всеми мыслями и чувствами, которые относятся к объектам происходящего, к окружающей обстановке. Это относится и к тому, что я называю памятью, ментальными образами, снами и галлюцинациями. Поэтому я и Ничто, и Все, и Пустота, и Форма. Однако чрезвычайно важно не путать одно с другим. Мысли и чувства, хотя невидимы, принадлежат миру форм и имеют физические характеристики, которые определяют мир и которые в конце концов он и есть. Пустое осознание свободно от всего этого, и так как свободно, оно принимает мир, который затем узнает как Самое Себя! Нет никакого разделения и вместе с тем нет никакой неразберихи. Если бы я стал игнорировать Пустое Осознание (как меня научили в детстве), я мог бы ошибочно поверить, что я – маленькая и отдельная единица формы (та, которую я вижу, когда смотрю

вниз), содержащая ограниченную и отдельную единицу сознания («мои» мысли и чувства), и обе эти составляющие – туго связанный набор убеждений, который я называю «собой», – есть тот, который существует «здесь» и противопоставляет себя могучему миру «там». Это та ложь, тот первородный грех, та закваска, которая порождает отраву страха и желаний. И это основная причина человеческих страданий в мире. Бог знает, что я породил их больше чем достаточно, и мне давно пора что-то с этим сделать.

Поэтому я отпускаю эти мысли и чувства*. Я «отсекаю» себе голову и тем самым заселяю свой мир тем умом, который я когда-то эгоистично оставлял для «себя». Я насыщаю его чувством. Я вновь даю ему жизнь и любовь, а он в свою очередь замещает меня оживлением и очарованностью. Каждый раз, когда я обращаю внимание на это Пустое Осознание в своей сердцевине, я обмениваю маленькое, ограниченное, скучающее, порождающее вражду агрессивное индивидуальное «я» на бесконечное разнообразие и безмятежность огромного Я. Я отсекаю физическое, выпроваживаю ментальное, и на их место приходит тотальность Того, Кто Я Есть; *Всего, Что Есть; Как Оно Есть.*

* Проецирование мыслей и чувств на мир – это не основанное на страхе проецирование того, кто отказывается от ответственности. Это также не полумера временного решения, предписываемая Национальным институтом психического здоровья. Эта проекция тотальна и, таким образом, требует, чтобы я взял на себя за нее полную ответственность, так как Тот, Кто Я Есть на самом деле, все это и создает. Взяв на себя авторство, я беру на себя и ответственность, так как не обнаруживаю, чтобы хоть малая часть этого находилась за пределами Меня Самого.

СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ...

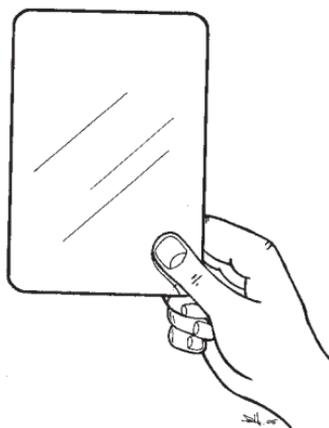
Однажды один мой здешний приятель напечатал короткое послание на клочке бумаги и, пока я был на работе, приклеил его к нижней части зеркала, у которого я бреюсь. Вернувшись к себе в камеру, я прочитал послание: «А ТЫ, черт подери, на кого уставился?»

Я смеялся до слез. Мое лицо в зеркале спрашивало эту ясную и светящуюся Пустоту, находящуюся *Здесь* – и, как мне кажется, не без доли возмущения, – на кого, черт подери, Она уставилась!

«Ну, уж это точно не я», – подумал я, но в каком-то смысле это был и я. Я смотрел на свое обличье, и оно задавало самый важный в жизни вопрос. И оно продолжает это делать каждый раз, когда я на него смотрю. Неизменно мое зеркало возвращает меня к Тому, Кто Я на самом деле, показывая мне того, кем я не являюсь. Там, в зеркале – лицо, которое видят другие и запечатлевают фотокамеры, – объективное явление этого мира в третьем лице. А *Здесь* нет ничего подобного! На самом деле *Здесь* вообще ничего нет. *Здесь* только это осознанное Вместилище той руки, зеркала и лица, которые сейчас появились.

Какое замечательное напоминание! Как только я захочу, и особенно когда я забыл об этом, я смотрю в зеркало и вижу того, кем я не являюсь, – и, таким образом, и Того, Кем Являюсь, прямо *Здесь*. Того, кто всегда присутствует, кто есть само присутствие.

Когда в мире я сделал неправильно все, что только возможно, моей огромной ошибкой было поверить, что *Здесь* у меня есть то же, что я вижу там, в зеркале: то лицо, про которое мне говорят, что оно принадлежит мне. С их точки зрения они видят лицо. Но с моей – в качестве Единственного Субъекта, Первого лица-Единственного числа – я не вижу *Здесь* лица, только это ясное и пробужденное *ничто*, которое я называю осознанием. Быть может, самым большим преступлением, которое я совершил, корнем всех преступлений было то, что я заблуждался насчет того лица в зеркале. Я развернул его, повернул

вверх тормашками и притворился, что оно было здесь почти всю мою жизнь. И тем самым я вообразил себя объектом, существом в третьем лице; ограниченной, испуганной и незначительной пылинкой в безграничной Вселенной – вместо того чтобы оставить его там, где оно совершенно очевидно находится, – там, в зеркале, там, в мире, в котором его воспринимают другие люди и их фотокамеры.

Зеркало в камере крепится на магните. Так что я могу прилепить его к металлической двери. Часто, забавляясь, я к нему то приближаюсь, то отхожу

и смотрю, как увеличивается и уменьшается в нем лицо, тогда как *Здесь* я не увеличиваюсь и не уменьшаюсь и вообще не изменяюсь, ибо чему *Здесь* меняться? Или я держу зеркало в одной руке и верчу этим лицом вверх, вниз и по кругу, тогда как Сам остаюсь абсолютно неподвижным, каким всегда и являюсь.

И когда я бреюсь, я больше не считаю ошибочно, что тот, кого я вижу бреющимся в зеркале, – тот, кто я в реальности. Бритье просто происходит. Или я посмотрю в зеркало и мгновенно понимаю, что тем суждениям, которые у меня когда-то были о себе, место не *Здесь* (где некому судить), а *там*, закрепленными за тем лицом (где они часто кажутся забавными).

Иногда кажется странным, когда кто-то говорит со мной, будто говорит здесь с лицом, тогда как для меня есть только пространство и, более того, пространство, наполненное этим «кем-то»! Недавно я прервал приятеля, который все болтал без умолку о том и сем, и спросил его: «С кем ты разговариваешь?» И, так как он знал, о чем я говорю, так как сам недавно на собственном опыте испытал *Пустоту*, то ответил: «Ну... сам с собой, конечно!»

Это напоминает мне метафору с зеркалом. Цитируя Чжуан-цзы, Вэй У Вэй заявляет: „Пустота-зеркало“ – это великое сияющее зеркало, которое отражает феноменальную Вселенную, раскрывая все и ничего не удерживая» («Открытая тайна»). Такова и эта осознающая Пустота в моей сердцевине; такова природа Бога.

Однако это не то зеркало, которое мы обычно подразумеваем, потому что это зеркало отражает то, что его отражает. словно бы два зеркала, одно напротив другого, и между ними нет никакого расстояния. Это единое зеркало, отражающее себя во всех направлениях.

Поэтому Вэй У Вэй также мог сказать: «Каждый предмет – это зеркало, которое отражает то, что на него смотрит» («Открытая тайна»). Мир также является Тем, Кто Я такой – это мое зеркальное отражение, без него я бестелесен. «Пустота-зеркало» и «пустота-мир» – одно и то же, и вместе с тем не совсем; парадокс, если объяснять, но не парадокс, если *Видеть*. В Реальности нет никаких парадоксов, есть только *Это*.

Так что смотря *вовнутрь*, я вижу «пустоту-зеркало», смотря *вовне*, вижу «то, что есть». Я – и то и другое. Или, иными словами, Я – и вместилище, и то, что я вмещаю, Ничто и Все, Небытие и Все бытие. И каждый день мне это напоминает пустяковая вещица: мое пластиковое зеркало для бритья 4 x 6 с магнитом на задней стороне! Я вижу свое лицо *там* и знаю, что сам я нахожусь *Здесь*. Я вижу свое лицо там и безмерно ему благодарен, ибо лицо, которое так безотказно там появляется, – настоящий друг, кто-то, кто мне небезразличен и за кого я несу ответственность, но с кем я больше не отождествляюсь. Оно просто показывает мне дорогу *Домой*.

Может быть, зеркала – это так увлекательно потому, что я – одно из них!

«Мы сами – создатели тех миров, которые переживаем на собственном опыте. То, что мы делаем, и то, что с нами происходит, – абсолютно одно и то же. Вселенная – идеальное зеркало, без изъянов или любых созданных внешними факторами искажений. Когда мы смотрим на мир, то видим себя, мгновенно и точно».

*Джон Дайдо Лури,
настоятель дзэнского Горного Монастыря*

ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ

Отучившись в колледже в Нью-Йорке, я полетел на Гавайи учиться в магистратуре. Меня восхитила красота Гавайских островов. Прежде я никогда не был нигде западнее Огайо, никогда не видел тропических пляжей и вулканических гор. Сначала мне показалось, что это будет место, где все будет меня отвлекать, и что здесь будет трудно вымучить из себя степень доктора философии. Однако на свои ограниченные средства я купил подержанный мотоцикл, нашел небольшую квартирку рядом с университетом и стал ждать начала семестра.

Однако он так и не начался, по крайней мере для меня. Каким-то образом произошла накладка в моей работе ассистентом преподавателя, и я неожиданно оказался без гроша в кармане и без образования, лишенный жалованья и каких-либо средств к самостоятельному существованию.

Так что я стал работать на полставки учителем французского языка в школе квакеров, в которой учились богатые ученики-серферы. Там я и познакомился с Альдо С., учителем математики, жившим при школе. Главное здание представляло собой переоборудованный колониальный особняк, и Альдо жил в комнате, которая раньше была кладовой в подвале. Мне предложили комнату прислуги, которая в часы занятий превращалась в научную лабораторию. Я согласился.

По первому впечатлению Альдо походил на фанатика, но чего именно, я понять не мог. Он часто цитировал Олдоса Хаксли и Боба Дилана. После окончания занятий я видел, как он бродит в задумчивости по территории за зданием. Альдо было лет сорок с хвостиком. У него была большая копна вьющихся волос, торчащих будто наэлектризованные на его большой голове. Во время занятий он носил мятую белую рубашку от вечернего костюма и один из двух пристегивающихся галстуков, оба из которых были украшены пятнами от еды. Я никогда не видел, чтобы он менял брюки, кроме выходных, когда он надевал пару выцветших бермудских шорт и свою единственную гавайскую рубашку, провонявшую чесноком. Альдо разговаривал дребезжащими, энергичными всплесками, часто резко жестикулируя пальцем. И, тем не менее, в целом его движения казались странным образом плавными. Много лет спустя я увижу Джо Кокера в передаче «Saturday Night Live» и вспомню Альдо С.

Однажды в пятницу вечером он пригласил меня в главное здание, чтобы познакомить со своей девушкой-китайкой, Битси. У Битси были морщины на лбу и крошечные глазки, которые исчезали вовсе, когда она щурилась. Она много улыбалась и имела материнскую манеру упрекать Альдо за его неряшливые привычки. Огромным преимуществом жизни на территории школы было то, что в выходные она была в полном нашем распоряжении. Просторная кухня была любимым местом Альдо, и именно там в тот раз он установил свою аудиоаппаратуру, тогда как Битси что-то толкла на кухонном столе, используя ступу и пестик из научной лаборатории. Рядом лежало нечто, похожее на пластиковый пакет с птичьим кормом.

«Ты никогда не пробовал семена вьюнка?» – спросил Альдо. Я понятия не имел, что он имеет в виду. В колледже я пил много пива и однажды съел пирожок с марихуаной, которым меня угостила одна девчонка-битник на какой-то вечеринке. В те времена наркотиком считался героин. Его принимали джазовые музыканты, прежде чем умирали, походя на жертв холокоста. И это все, что я знал о наркотиках.

«А как насчет ЛСД, мескалина, псилоцибина?» – спросил он. Я покачал головой. В то время галлюциногены были легальны, однако достать их было трудно. «Я заказал немного „кислоты“ с материка, – добавил он, – но пока придется довольствоваться этими семенами вьюнка».

За два часа меня вывернуло, наверное, раз двадцать. Альдо и Битси чувствовали себя плохо совсем недолго, а затем забавлялись моими страданиями, как мне казалось. Позже я думал, что если в ту ночь и испытал измененное состояние сознания, то оно ограничивалось исключительно фарфоровой внутренностью унитаза в мужском туалете.

Однако это дало корни – быть может, случайное семечко вьюнка проросло в моей психике. Через полтора года я попробовал ЛСД – за это время я успел впервые жениться, переехать в Лос-Анджелес, развестись и прилететь обратно на Гавайи без гроша в кармане и окончательно запутавшимся. Вернувшись, я вновь отыскал Альдо, который к тому времени бросил преподавание и встал в растущие ряды хиппи с Уайкики. Вскоре я последовал его примеру, в основном из-за ЛСД.

На те небольшие деньги, которые я смог наскреести, выполняя любую случайную работу на пристани, я снял комнату в доме в задней части долины Маноа,

в районе, окруженном пышными лесами и с видом на море. Однажды Альдо принес с собой две фиолетовые капсулы, которые мы тут же проглотили. Битси была у нас «на подхвате», нашим открывателем дверей, нашим водителем, если понадобится, а к тому времени еще и специалистом-любителем по «Тибетской книге мертвых»; а кроме того, девушкой, хорошо осведомленной в вопросах допустимого поведения при галлюциногенных глюках.

Это был мой первый раз, и я был рад присутствию Битси – Альдо был склонен вести себя странно. Однажды под «кислотой» он забрался в самую середину живой тропической изгороди, которая выходила на прибрежную скоростную трассу на наветренной стороне острова. Была видна лишь его голова; его словно наэлектризованные волосы и фосфоресцирующее лицо казались странным цветком с другой планеты и напугали целый автобус туристов, ехавших мимо.

Никогда не забуду этот первый ЛСД-трип. Я едва могу вспомнить, как первый раз занимался сексом, но ЛСД обладает способностью угрожать жизни и навсегда впечатывает это потенциальное бедствие в память. Дозы в фиолетовой оболочке были сильными и чистыми, вовсе не похожие на то, что я позже назвал «кислотой-дешевкой» 70-х. Чистая «кислота» вас «опускает», сокращает реальность до молекул и дает понять, что главный здесь не вы. И, Боже вас храни, подумать обратное. Битси постоянно повторяла: «Расслабься, расслабься». В конце концов я дошел до самого пика, и в этот краткий миг я узнал все, что можно было знать, навсегда. Остальную часть дня мы с Альдо провели «под кайфом» в лесу за домом, разглядывая с огромнейшим благоговением каждый листик, каждое насекомое, живую землю у нас под ногами.

После этого было множество подобных встреч, одни с Альдо, другие – с кем-нибудь из растущего числа «торчков», с которыми мы знакомились; иногда – с незнакомыми людьми, к которым нас необъяснимым образом влекло. Однажды, сидя под пальмой на северном побережье, я увидел далеко на пляже девушку, идущую по кромке воды, – она была на расстоянии, по крайней мере, четверти мили. На пляже были и другие люди, однако я каким-то образом знал, о чем эта девушка думала, и, более того, что она знала, что я это знаю. Вопросы о том, что именно мы знали, не возникало. У этого знания не было никакого «что» – никакого объекта; оно просто было тем, чем было, без объяснений. Приблизившись, она резко свернула и, пройдя по горячему песку до моего дерева, села рядом. Мы не проронили ни слова.

Такого рода трансцендентные опыты были в те годы не редкость. «Кислота» меня раскрыла. Я имею в виду, что моя так называемая «реальность» оказалась не тем, чем я ее считал. И естественно возник вопрос, чем же была реальность, если не тем, к чему я так давно привык? Я принял ЛСД, и – раз! – я разучился всему, чему я учился, и вместе с тем парадоксальным образом все осталось прежним.

В это время мы ездили принимать «кислоту» на наветренную сторону острова. Мы нашли отдаленный пляж, и ночью, когда нас никто не беспокоил, переживали наши лучшие групповые трипы. Иногда восемь или десять нас лежало на дюнах, пока не проходил пик. Затем же мы резвились на залитом лунным светом пляже до рассвета.

Однажды вечером Сьюзан, которая к тому времени была постоянным членом нашей группы, привела с собой своего парня, студента из калифорнийского Университета Беркли, гостившего у нее. Помню

его длинные волосы, и почему-то на нем был плащ, и вскоре после того, как мы достигли пика, он исчез со Сьюзан за дюнами до самого восхода солнца. А затем, утром, прежде чем уйти, он вручил мне книгу и сказал ее прочесть.

Так я познакомился с дзэн. Послание дзэн было таким же четким и бескомпромиссным, как и послание ЛСД: «Ты не тот, кем себя считаешь, никогда им не был и никогда им не будешь». Если бы у меня не было опыта приема ЛСД, я бы осмелял запутанное и сбивающее с толку учение и со временем занялся бы своими делами, поддавшись зову предков, respectable выходцев из среднего класса. Но я уже знал, что в этом послании правда. И преподносилось оно не в виде модной таблетки, а в виде традиции с тысячелетней историей. Была ли моя жизнь до сих пор сплошным обманом?

Сказать честно, меня это потрясло. Со временем я перестал курить траву и принимать ЛСД, но стал притуплять себя выпивкой и легкими деньгами. Поворотный момент наступил и прошел в тумане подавленного страха, и вскоре я скатился до преступлений. Минует два десятилетия и истечет немалая часть тюремного срока, прежде чем у меня появится мужество заглянуть туда вновь.

Не то чтобы я обвинял ЛСД или дзэн. Отнюдь нет. ЛСД было началом, а дзэн – подтверждением того, что же нужно для обнаружения того, что пульсирует в этом порой слишком человеческом сердце. Открытый и уязвимый, я страдал и боролся, а затем, через двадцать лет, наконец сел и стал слушать. Некоторые утверждают, что уже слишком поздно, ведь кому-то я сделал больно. Это долг, который никогда не будет оплачен, так как в каком-то смысле тот факт, что я сегодня знаю то, что я хотел бы знать всегда, не может

стереть боль прошлого или искупить целую историю злодеяний.

Однако даже это порой калечащее чувство вины приносит с собой урок: то, что по-настоящему при-
мешь, вберешь, прочувствуешь и полностью вклю-
чишь в себя, трансформируется. Медитация научила
меня позволять проявляться всему тому, что прояв-
ляется. Это было то, чему я научился много лет назад
во время моего первого ЛСД-трипа – Битси, угова-
ривающая меня «Отпусти, отпусти», – но до сих пор
не применял в своей жизни. Были и другие уроки,
не самым малым из которых было осознание того, что
я имею мало отношения к тому, что возникает, кроме
как, быть может, наблюдаю это. Как часто я слышал,
как другие говорили, что если бы у них была возмож-
ность, они бы все сделали иначе. Как часто сам я это
говорил!

Однако, оглядываясь на свое прошлое, с сожа-
лением, что причинил другим столько зла, будучи
уверенным при этом, что только я один несу за это
ответственность, я также вижу, что эта роль была
написана тотальностью, которую я с трудом могу
постичь. И что все, что когда-либо было, привело
к этому конкретному моменту, и что это касается
всех. Один хороший друг однажды написал: «Мы
в своей жизни стремимся заглядывать вперед, а по-
нимаем ее, только оглянувшись назад». Воистину
так! Оглядываясь назад, я вижу поворотные моменты
и альтернативный путь, которым я мог бы следовать.
Но, видимо, путь в целом находится не в зоне моего
личного влияния. Я также не могу обвинить в сво-
их бедах ЛСД или дзэн, как не могу сказать, что 15
миллиардов клеток моего тела ответственны за мой
следующий вздох, или что Млечный Путь ответствен
за это невообразимое путешествие в пространстве.

Слава Богу за все те решения, которые я принял, будучи совсем юнцом, только что окончившим колледж, в том числе и за поездку на Гавайи и за ту работу в школе! Слава Богу за Альдо и Битси и «дзэнского» парня в плаще, предложившего мне еще один путь, который, как я теперь вижу, мне нужно было пройти! Странно, но даже учитывая все так называемые «неверные» повороты, которые я совершил в своей жизни, в общей картине просматривается совершенство. И именно это мне и нужно было увидеть.

В последний раз, когда я видел Альдо, я нашел его на ступеньках перед входом в его дом, где он уплетал целую миску сырого чеснока. Он уверял, что это продлит ему жизнь. В последний раз, когда я видел Битси, она вставляла нитку в иголку, скосив от сосредоточенности глаза, и во рту у нее были булавки, а на полу перед ней лежала кипа носков.

Конечно, они были идеальной парой, и я часто думаю о том, что же с ними стало.

ТЕЛО

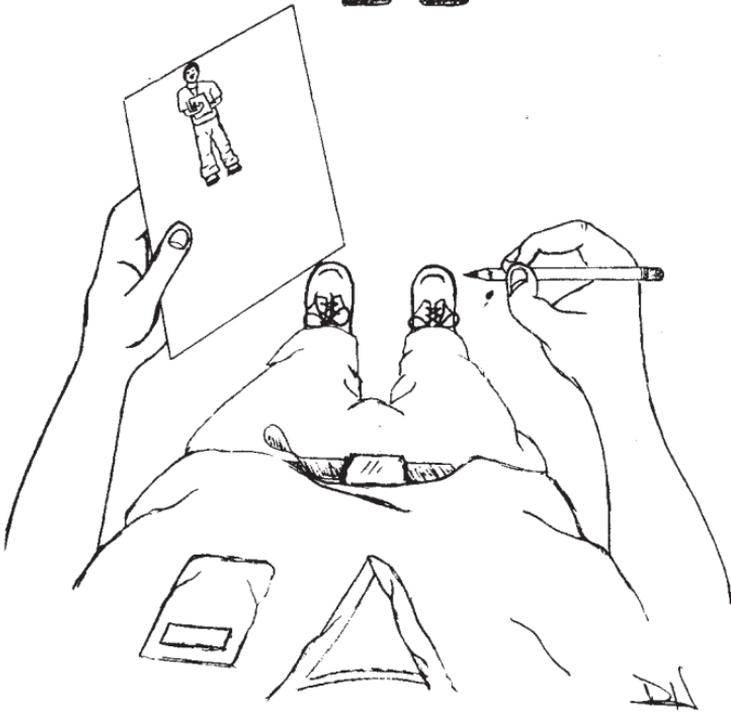
Вы будете отождествлять себя с телом?

Или вы будете отождествлять себя со светом?

Джозеф Кэмпбелл

Насколько мне известно, в этой тюрьме нет зеркал в полный рост. По крайней мере, я ни разу ни одного не видел. Все, что мы, заключенные, можем сделать, – это покупать маленькие пластиковые зеркальца 4×6 с магнитом на обратной стороне. Для бритья такое зеркало сойдет, но для рассматривания других частей тела оно бесполезно, тем более для рассматривания его в полный рост. Хотя, если подумать, наверное, я должен быть за это благодарен, так как я уже больше двадцати лет провел без какой-либо информации, подкрепляющей мои представления о том, как выглядит это туловище, в котором я якобы живу. Все, что я могу получить от моего зеркала, – это отражение частей этого агрегата.

Но иногда я прошу кого-нибудь из друзей меня нарисовать и, конечно, сам рисую его. Я даю ему лист бумаги и карандаш и прошу, чтобы он нарисовал меня на верхней части страницы, с одним лишь условием: рисовать только то, что он видит. Не то, что он воображает, что видит, или что он научился видеть от других, а только то, что предстает перед ним в настоящий момент. Я встаю напротив него, и мы друг друга рисуем.

Нет вопросов. Несмотря на то что я – паршивый художник и мой приятель в результате получается у меня похожим на мумию, мне, по крайней мере, удастся нарисовать его правильно расположенным и со всеми основными частями тела, с головы до ног. Он тоже показывает мне свою интерпретацию того, как выгляжу для него я, и мы от души смеемся над нашими глупыми изображениями и корявыми рисунками.

Затем я прошу его нарисовать себя – именно так, как он себя видит, – на нижней части той же страницы, чтобы, когда он закончит, рисунок изображал нас обоих, стоящих друг к другу лицом. Обычно в этот момент наступает замешательство и возникают вопросы: «Что ты имеешь в виду? Так, как я вижу себя? Ты имеешь в виду здесь, где я нахожусь?» – и тогда я повторяю: это должно быть не то, что он думает или воображает или чему он научился у других, а то, что он на самом деле видит в настоящий момент. Возникает еще большее замешательство, и тогда он поворачивает лист вверх ногами и начинает рисовать то, каким себя видит. Тут я у него спрашиваю, является ли его изображение меня, которое теперь находится вверх ногами и в нижней части его листа, тем, как я в данный момент выгляжу для него. Некоторые схватывают идею, переворачивают лист правильной стороной наверх и начинают рисовать себя так, как они на самом деле сами для себя выглядят, – конечно же, вверх ногами. Другие просто игнорируют условие и рисуют себя так, как будто они стоят напротив себя самих, там же, где стою я.

Но даже те, которым мысль ясна, редко правильно рисуют то, что видят. То есть они обычно изображают себя с головой, как будто бы художник-наблюдатель парил над самим собой и смотрел вниз на свое тело.

Когда я указываю на этот факт и показываю им рисунок, на котором я изобразил себя так, каким сам себя вижу, они обычно сильно удивляются. И только тогда они сначала смотрят на свое перевернутое вверх ногами тело (не на то, которое на бумаге, а на настоящее, каким они его видят), затем на мое, расположенное правильной стороной наверх, – и сразу же начинают стирать нарисованную голову.

Странно, как мало людей, которых изумляет факт того, что они живут без головы и вверх ногами. Даже те, кто увлечен недвойственной восточной философией, обходят стороной это условие своей принадлежности к Первому лицу, будто это какой-то трюк, визуальная иллюзия. Интересно почему? Как может значение этого ускользать от них? Как сказал дзэнский мистик Адьяшанти, «чудо не в том, что некоторые люди пробуждаются от этого сна, а в том, что большинство *не* пробуждается». Это же так очевидно!

Разница тотальная. Это поистине вопрос различия жизни и смерти, свободы и тюремного заключения, мира и бесконечной конфронтации. Вот что я вижу, когда сам себя рисую: наверху крошечные ступни, под ними – укороченные ноги, большие кисти и руки и еще больший торс, исчезающий внизу в абсолютном ничто. А вот что я вижу, когда рисую своего друга: общепринятое изображение человека, правильной стороной наверх, со всеми обычными частями тела, которые находятся на своих местах и в правильных пропорциях, лицом ко мне. Я рисую человека, который стоит *там*, его третье лицо.

Но кому нужен рисунок? Я смотрю на это тело по сравнению с тем телом, и вижу, насколько я отличаюсь. И такой я всегда, независимо от того, что, где и когда делаю. Ибо я – Субъект, или *Первое лицо-Единственное число*, который всегда *Здесь*, тогда

как мой друг – объект, третье лицо-множественное число (потому что объектов несчетное множество), который всегда там. Конечно, мой друг может заявлять то же самое!

Смотрю вниз и вижу: я – вверх ногами и безголовый. Смотрю вверх, широко вытягивая руки, и вижу, как они держат мир. У меня поистине широкий обхват, ведь в него легко вмещаются дома, горы и небо. Я надеваю очки и обнаруживаю, что вижу не двумя глазами, а одним, оком Осознавания. Это тело, которое у меня есть, не подобно ни одному другому, ибо я не подобен другим телам. Понимание в следующем: я не тот, кем себя считал. В качестве Первого лица-Единственного числа я не нахожусь в своем теле, это мое тело находится во мне, как и все остальное. Где же тогда заканчивается мое так называемое тело и начинается мир? Зачем ограничивать то, что я называю «собой», этой ближней плотью, например осязанием и вкусом? Как так получается, что я слышу гром и вижу те высокие облака и вместе с тем говорю, что они – «не я»? Разве они не находятся внутри осознавания?*

* Так насколько же радикален этот способ Видения? Подумайте вот над чем: так как все проявляется в качестве моего «тела» – в качестве того, чем я являюсь в своем проявлении, – я бесконечно приспосабливаемый. Руки протягиваются – и тут же появляется эта пишущая машинка, выстукивающая слова о самих себе. Я беру в руки метлу или швабру и удлиняю свои конечности, «трансформируюсь» для того, чтобы сделать необходимую работу. А вы пристегиваете ваше автомобильное тело (в буквальном смысле, ремнем безопасности) и едете на скорости 70 миль в час или летите или плывете, надев свое самолетное или пароходное тело, а затем снимаете их, когда они вам больше не нужны. Примеров так же много, как и полезных частей тела, и даже гораздо больше. В действительности вы бесконечно многообразны!

Тело

Конечно, находятся. Все это – Мое проявленное, все это возникает во Мне и, тем самым, является тем, кто Я есть в своем проявлении; все, что появляется, – это Мое «тело».

Посмотрите! Как говорится, верю только своим глазам!

РАЗГОВОР 2. ЧТО Я ТАКОЕ?

А: Что я такое?
Б: Вы хотите услышать остроты или вы серьезно?

А: Я серьезно. Что я такое?

Б: Ничто и все.

А: Да... это мы уже проходили.

Б: Конечно!

А: Я хочу сказать – какую роль во всем этом играю «я»?

Б: Если вы имеете в виду себя в качестве того, кем вы себя считаете, то никакую!

А: Получается, я вновь остался ни с чем.

Б: С *Ничем*. И со *Всем*, в виде чего вы, как «ничто», проявляетесь. А это, в конечном счете, является всей Вселенной.

А: Эту часть про «ничто» я понимаю, но все эти разговоры о том, что я – Вселенная, – это для меня «слишком».

Б: Если вы понимаете про «ничто» – давайте употреблять термин «видеть», – если вы *видите* «ничто», то вы *видите* и все, так как они не отдельные, они – не «части», как вы их называете. Вы – и то и другое. Не может быть одного без другого. В буддийских терминах, *нирвана* и есть *самсара*. Вы – Пустое Осознание и все, что его наполняет; Вместимость и все то, для чего она таковой является. Именно потому, что вы свободны от чего бы то ни было, вы наполнены всем. У вас нет выбора. Вы так устроены.

А: А мы не можем подробнее разобрать эту часть про «я-в-качестве-всего»? Я не совсем ее понимаю.

Б: Конечно, нет. Вы ею и являетесь!

А: Хорошо, уважьте меня объяснением. С вашей точки зрения, чем же я являюсь в качестве «всего»?

Б: С моей точки зрения? А это уже совершенно другое. С моей точки зрения то, чем вы кажетесь, зависит от моего так называемого расстояния от вас. С этого расстояния вы кажетесь человеком, и человеком с определенными физическими характеристиками, которые идентифицируют вас как того-то и такого-то.

А: Да, про человека я понял. Я всю жизнь думал, что являюсь им – этим телом или, по крайней мере, кем-то внутри этого тела. А как насчет всего остального?

Б: Это просто. Для непредвзятого наблюдателя с подлинно научным подходом (то есть того, кто устанавливает факты в точности так, как они перед ним предстают) то, чем вы кажетесь, зависит от того, как далеко или близко он от вас находится. И, как большинство людей, вы были обусловлены считать себя телом, тем, кем вас видят другие с расстояния нескольких футов, – человеком, и не более того. В этом и кроется великий обман – вера в то, что вы для себя являетесь тем же, чем и для других, находящихся вон там. Проблема в том, что поскольку все верят, что они сами – плотная и довольно постоянная сущность, то верят и в то, что другие также ей являются. Таким образом, мы приписываем всему стабильную реальность и задаем всему размер, независимо от того, как переживаем это на собственном опыте.

А: Вы говорите, что с вашей точки зрения моя внешность меняется согласно тому, как далеко вы от меня находитесь. Вы можете привести какие-то примеры того, чем бы это могло быть?

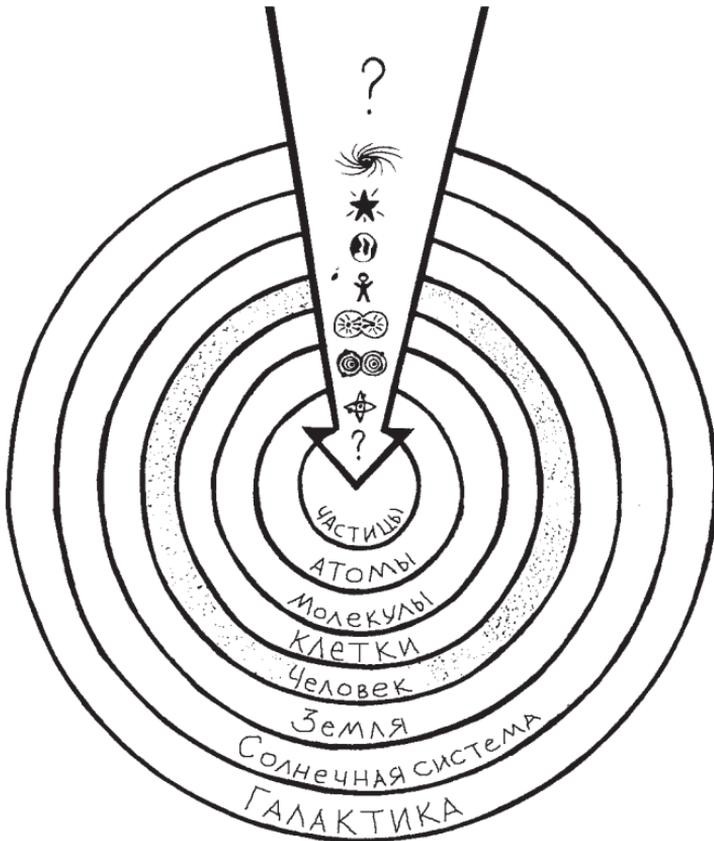
Б: Давайте проведем мысленный эксперимент. Вы стоите на веранде своего дома, а я в своем космическом корабле на стартовой площадке в вашем дворе. Я взлетаю и, удаляясь от вас, наблюдаю, как вы в качестве «человека» становитесь все меньше и меньше, пока наконец я совсем не теряю вас из виду и вас заменяет ваш город. Поднимаясь выше, я вскоре теряю из виду вашу наружность в виде города и вижу, что вы превратились в ваш штат. Продолжая от вас удаляться, вижу, что вы становитесь страной, континентом и, со временем, голубой планетой, парящей в пространстве. Все еще отдаляясь, я теряю вас в качестве планеты и обнаруживаю вас в виде Солнечной системы, Галактики, а затем ничем, кроме как пустого пространства.

А: Но какая из этих видимостей – я?

Б: Все они. Или любая из них, в зависимости от уровня наблюдателя. Однако я сказал лишь половину. Будучи истинным ученым, я полон решимости раз и навсегда выяснить, что же вы такое, и чтобы это сделать, я решаю прилететь обратно и подлететь к вам вплотную. Оснащенный приводным устройством, которое приведет меня прямо к вам, и мчась к вам на огромной скорости, сначала я вижу вас в качестве крошечной точки света. Я направляюсь к ней, и вскоре вы становитесь Галактикой. Подлетая прямо к вам, я теряю вашу внешность в качестве Галактики и замечаю, что я приближаюсь к конкретной звезде. А! – я вижу, что вы – звезда и, приближаясь, замечаю, что вы не просто какая-то звезда, а звезда с планетами – Солнечная система! Подлетая еще ближе, я вскоре теряю вас в качестве Солнечной системы и обнаруживаю, что вы – одна из планет, голубая жемчужина. «Теперь я знаю, кто вы!» – думаю я. Однако когда я приближаюсь, то вновь теряю вас в качестве

планеты и обнаруживаю, что вы – континент, затем – страна, штат, город, и – вот те на! – ходячее, разговаривающее существо с четырьмя конечностями под названием «человек».

А: Значит, с вашей точки зрения, я являюсь всем из перечисленного?

Б: Да – но я еще не закончил. Как вы видите, я нахожусь от вас на расстоянии нескольких футов и, как ученый, я еще не строю предположения относительно того, что вы такое. Ведь до сих пор вы оказывались крайне переменчивым, вы увеличивались, уменьшались и вновь увеличивались, становясь вещами

самого разного рода. И в любом случае мое приводное устройство говорит мне, что путешествие еще не закончено, поэтому, если вы позволите, то я подойду вот так... и теперь вы мне кажетесь меньше чем половиной человека... теперь, когда я подхожу еще ближе, вы кажетесь головой, лицом, глазом и частью носа...

А: Ого! До меня дошло! Вы подходите ко мне вплотную и теряете меня из виду.

Б: В качестве человека или части человека. Однако теперь, оснащенный всеми нужными инструментами, я вижу, что вы – огромное скопление клеток. Далее вы становитесь одной клеткой, затем, теряя вас в качестве клетки, я вижу, что вы – скопление молекул. Я приближаюсь еще, и вы становитесь атомами; затем одним атомом, частицами, кварками и, наконец, ничем, кроме как пространством, населенным лишь следами энергии. Иными словами, я обнаруживаю, что вы являетесь тем, чем вы были, когда я начал свой обратный путь с внешних границ Вселенной, – в основном пустым пространством.

А: Итак, с вашей точки зрения, я являюсь пустым пространством на границе «там, вовне» и пустым пространством на границе «здесь, внутри», а также всеми «вещами» между этими двумя крайностями.

Б: С моей точки зрения, да, таким вы кажетесь.

А: Но я не ощущаю себя таким. Я ощущаю себя человеком, а не пространством, скоплением молекул, звездой или галактикой. Чего-то тут не хватает.

Б: Вы ощущаете себя человеком, так как вам давным-давно сказали, что вы – человек. «Человек» – это одна из ваших внешностей, но не единственная. Это также не То, кто вы в реальности.

А: Но я здесь! Я это чувствую! У меня есть это ощущение бытия, это ощущение того, что я здесь, это...

Б: Присутствие?

А: Да! Присутствие. Бытие. Я осознаю тот факт, что я осознаю.

Б: Хороший довод. И ни на каком этапе моего путешествия к вам я не упоминал это ощущение бытия, осознания.

А: Нет, не упоминали.

Б: Это потому, что я так до вас и не добрался, и никогда не доберусь. Только вы можете это сделать. При помощи своих инструментов я подобрался близко, но единственный способ испытать, каково это быть вами, – это развернуться и смотреть вовне вместе с вами. Тогда я бы видел то, что видите вы, чувствовал бы то, что чувствуете вы, – из сердцевины. С моей точки зрения, я лишь могу сказать, что обнаружил: вы – это иерархия видимостей. Поднимаясь по иерархии, я вас собираю, ибо каждый более высокий уровень полностью включает в себя более низкий до тех пор, пока на краю Вселенной я не устанавливаю, что вы – все проявленное. Спускаясь, разбираю вас на части до тех пор, пока рядом с вашим центром я не устанавливаю, что вы не являетесь ничем из проявленного. И все же, как вы заметили, «чего-то не хватает», ибо как сторонний наблюдатель я никогда не смогу достичь вас по-настоящему. Чтобы сделать это, мне бы пришлось развернуться и смотреть вовне вместе с вами.

А: И быть мною! Да, конечно. А в своей сердцевине я – ничто.

Б: И как бы вы дальше описали это *ничто*?

А: Абсолютно пустое и вместе с тем сияющее. Наполненное вами и всем, что находится в той части комнаты. И осознающее. Осознающее, что оно осознающее. Безграничное и вместе с тем находящееся *Здесь*. Присутствующее.

Б: Да, я также это ощущаю, когда смотрю вовнутрь себя.

А: А в чем, по-вашему, состоит практическое применение этого пребывания всем – так же, как и ничем? Как я могу жить в качестве всего?

Б: А как вы можете так не жить? Вы *уже* живете в качестве этого. Вы просто убедили себя в том, что вы живете только в одной из множества ваших внешностей: в этом теле с четырьмя конечностями, называемом «человеком». Но на самом деле ваше тело – Вселенная, и в центре Вселенной вы – Наблюдатель. Вы – и Наблюдатель и наблюдаемое.

А: Но наука говорит, что у Вселенной нет центра.

Б: Или что этот центр повсюду. Да, и причиной этого вывода является то, что наука не принимает в расчет истинную природу наблюдателя. Считая себя вещью среди других вещей, ученый упускает из виду самое главное, а именно *Ничто* – то, чем является он сам и вокруг которого вся иерархия «вещей» от кварков до галактик появляется в виде концентрических кругов. Сам ученый – это пустой и осознающий центр, нулевая отметка всех его вычислений, вместимость для всего, что существует. Всегда-всегда, куда бы наблюдатель ни направлялся, он – центр Вселенной. И это, кстати, еще один способ сказать, что он никогда никуда не идет.

А: Вы бы сказали, что Вселенная сознательная? Живая?

Б: Я сознательный и живой, и я не отделен от Вселенной. Таким образом, Вселенная и все ее так называемые «части» сознательные и живые. Я являюсь всеми своими внешностями и с легкостью перемещаюсь между ними. В качестве «атомного» физика с моим сверхмикроскопическим глазом я нахожусь на атомном уровне – атом, осознающий себе подобных.

На планетарном уровне, с моим телескопическим глазом, я – Земля, осознающая свои звезды, и т.д. Куда бы я ни посмотрел, я смотрю на себя, *с того уровня*.

А: Это сильно отличается от одушевленного человека, наблюдающего за неодушевленной Вселенной.

Б: Еще бы! Это больше уже не хаотичная Вселенная, где жизнь – это маловероятное, если не невозможное, стечение обстоятельств. И ирония в том, что чем глубже идет наука, тем ближе она подходит к этой истине. Наука гораздо более духовна, чем она предполагает. Это Бог, указывающий путь к Себе, посредством Себя!

А: Значит, есть некая цель.

Б: Да, если под этим вы подразумеваете цель Единого Целого. И эта цель состоит только в том, чтобы пробудиться. Нет никакой другой цели, ни на каком уровне; это цель всего бытия. Если видеть все именно так, то намерения, в том числе и намерения «заблуждающегося» человека, – на самом деле намерения Бога. Все желания – это на самом деле желание вернуться домой, к Тому, Кто Вы в реальности.

А: Несомненно, я рассматривал свои атомы, молекулы и клетки как части своего человеческого тела, но я никогда не рассматривал мое человеческое тело как часть этого большого тела, Единого Целого. Это кажется каким-то неестественным.

Б: Но это естественно. Жить исключительно в качестве «человека» – вот что неестественно, и это стало основной причиной страданий. Это помогает осознать, что же вам нужно, чтобы быть самим собой. Очевидно, что вы не можете обойтись без своего атомного, молекулярного и клеточного уровней, но вам также нужны и ваши высшие уровни. Сколько бы вы просуществовали без других людей, или без биосферы, или без ваших планетарных или

Солнечных уровней? Как вы идеально сбалансированы и как великолепны в своей мощи, размере и порядке! Ничто не упущено, а если бы что-то упустили, то вы бы тут же исчезли.

А: И все же...

Б: Да, я знаю – это концептуально, и заменять сильно обусловленные понятия индивидуальности новыми понятиями целостности практически невозможно. Но, к счастью, вам не надо этого делать. По Божьей милости – и я называю это Любовью в ее чистейшей форме – это не может быть более очевидным. Все, что нужно сделать, – это посмотреть и продолжать смотреть. Всему остальному – понимаю – свое время.

А: Наблюдать здесь за *ничем*?

Б: Да. И видеть, что оно – вместимость для всего, что происходит, для всей окружающей обстановки. Что между вами и тем, что появляется, ничего нет, никакого расстояния, никакого разделения любого рода.

А: Но это «происходящее» – как оно происходит? Как происходят все обстоятельства, как происходит эта Вселенная?

Б: Кажется, что все происходит. Кажется, что это происходит посредством трех измерений пространства и одного измерения времени, или «времени-пространства». Так появляется видимость.

А: Но кто это делает?

Б: *Никто*. Посмотрите и увидите. Дома никого нет! Тот, Кто Вы такой, – это никто и ничто, и все происходящее происходит внутри *Этого*. На самом деле, в конечном счете, нет такой вещи, как время-пространство.

А: Ух... Для меня это уже «слишком».

Б: Только для «эго», для веры в то, что вы – отдельный индивид во времени и пространстве, для чело-

века, которым, как вас убедили, вы являетесь и кем вы себя считали.

А: Хорошо... тогда почему это происходит? Почему происходит это вечно меняющееся происходящее, эта Вселенная происходящего.

Б: Сомневаюсь, чтобы на этот вопрос можно было ответить. Видимо, это происходит исключительно как приглашение к Самоузнаванию. Однако это было бы правдой, если бы вы заблудились и нуждались в том, чтобы вернуться домой. Не знаю. Это великая и курьезная тайна. Курьезная – потому, что когда узнавание происходит, все заканчивается – больше нет ни тайны, ни того, кому нужно приглашение!

А: Все эти усилия, которые я прилагаю для того, чтобы меня приняли другие, чтобы иметь успех... попытки быть отдельным – тяжелая работа!

Б: Да, потому что вы постоянно работаете против самой естественности. Игнорируя *Ничто* в вашей сердцевине, вы не видите находящееся в нем *Все*. Вместо этого, убежденные в том, что вы – человек, вы заключили себя в плен малой толики того, что вы есть в реальности. Это ужатие, это безумие, накладывает свой отпечаток. Противоядие, конечно, – в обращении внимания на свою пустую сердцевину, и чем больше вы это делаете, тем больше вы замечаете то, что в нем появляется. И обнаруживаете, что появляющееся не отдельно от вашей сердцевины. Это то, что вы и есть, – *Ничто* в сердце всего и *Все* внутри. Когда вы это *Видите*, весь мир появляется в Вас и, таким образом, является Вами. И тому, чем Вы уже есть, не требуется усилий, чтобы быть. Как можно стать тем, чем уже являешься?

А: Получается, что я – не «вещь» под названием «человек», которая видит другие «вещи», там, вовне, под названием «мир»?

В. Верно. Вы – то, что появляется, что возникает в Ничто – в данном случае в «мире». Все, что происходит прямо сейчас, является миром. Вы смотрите Сюда и видите, что Вы – Пустое Вместилище и что нет разницы между Вами в качестве пустого Вместилища и тем, чем оно наполнено. Видите, что Вы – и *Ничто*, и *Все*. Легко, не правда ли?

А: (*Смеется.*) Легко для вас, быть может. Легко для меня, когда я смотрю, но уж точно не легко для всех остальных.

Б: Зачем беспокоиться об остальных? Ведь нет никого, кого бы не приняли во внимание. Мы здесь говорим о Единстве, Целостности. Более точно, Единство говорит о Единстве. В буддийских терминах, просветление – это просветление всех живых существ – ведь никаких «других» не существует!

А: Быть может, это и так, но это понимание не произошло бы без этого разговора, без кого-то «другого».

Б: Возможно. И это действительно загадка, как Единство разговаривает Само с Собой, но помните, что понимание – это не видение. Когда видишь, в логике нет необходимости. Слова могут лишь указывать путь. Понимание подразумевает, что вы приобретаете или накапливаете что-то, например некоторую долю мудрости. Так может происходить, но это не имеет отношения к приобретению или становлению кем-то, это имеет отношение к видению, а видение – это бытие, прямо Сейчас.

А: Но происходит своего рода воплощение, верно? Мы привносим это в свою жизнь и живем этим?

Б: Может казаться, что есть воплощение. Дзэн-буддисты сравнивают это с подъемом на гору. Вы изо всех сил стараетесь подняться на гору, используя медитацию и коаны, чтобы ослабить свою хватку за обусловленную индивидуальность – до тех пор,

пока на вершине вы вдруг не пробуждаетесь к своей истинной природе. Но самая длинная и трудная часть пути начинается, когда вы спускаетесь с горы – ведь теперь пора воплотить это пробуждение, привнести его смысл в свою жизнь и по-настоящему жить им.

Однако нужно отметить несколько моментов относительно этой концепции воплощения. Во-первых, это путешествие происходит *там*, в мире видимостей. Воплощение происходит и, несомненно, оно способствует более мирной жизни, но это не что-то, что мы «делаем» или к чему стремимся. Воплощение, если оно вообще происходит, происходит как побочный эффект пробуждения. И это может означать, что к пустоте в своем центре нужно возвращаться вновь и вновь. Смысл этого раскрывается в свое время и может трансформировать нашу жизнь или, более точно, может трансформировать то, как мы переживаем жизнь.

Во-вторых, вышеупомянутое сравнение вводит в заблуждение: оно подразумевает, что именно путь – не говоря уже о нашем индивидуальном существовании в качестве человека – реален и важен и что пробуждение происходит с кем-то, чтобы его жизнь стала лучше, и т.п. Однако истинный смысл пробуждения в том, что нет никого, кто бы мог пробудиться. На самом деле ничего не происходит. Просто появляется сдвиг восприятия, но никто его не осуществляет! И когда этот сдвиг происходит, *ничто* видит, что истинный смысл воплощения – в том, чтобы увидеть весь мир как свое собственное тело. Все – все, что появляется – находится внутри Осознавания, происходит от Осознавания и является Осознаванием. Забудьте все слова, все сравнения, все метафоры. Забудьте все, чему вас когда-либо учили, и *смотрите!* Увидьте, что вы – Ничто и Все.

А: Я думаю, мы вернулись к тому, с чего начинали, – к Ничто и Все.

Б: Да. Разве это не удивительно – если мы на самом деле никогда не уходим, то всегда остаемся там, откуда начинали.

Мост

Почти сорок лет назад в Лос-Анджелесе я и три моих друга поздней ночью сели в машину, приняли «кислоту» и вскоре оказались на средней полосе весьма оживленной автострады, с которой мы никак не могли съехать. Через несколько часов, когда мы оказались где-то посреди калифорнийской пустыни, водителю наконец удалось свернуть на другую дорогу и притормозить. Луны не было, и я не помню, чтобы были звезды; а помню только, как темно и жутко там было, в полночь в том безлюдном месте.

Мы с одним другом пошли в одном направлении от машины, а двое других пошли в другом, вверх по небольшому холму. Вскоре я мог видеть пустыню на расстоянии нескольких ярдов по обе стороны дороги, и помнится, я подумал, что могу ведь умереть здесь, в этой бесплодной пустоши – до такой степени там было безжизненно. У эстакады, где дорога пересекала ручей, я остановился и стоял у перил, глядя на пустыню, наблюдая, как она чудесным образом оживала.

Все – песок, камни, растения, даже забор из колючей проволоки неподалеку – искрилось и трансформировалось, кружась внутри себя, будто предавшись своему собственному экстатическому бытию. Казалось, что гудит сама земля.

Неожиданно я услышал отдаленный крик одного из моих друзей, который поднялся на холм. «Что там внизу?» – прокричал он.

И я помню, что ответил ему, в основном потому, что тогда казалось, что ему отвечал вовсе не я. Казалось, что сама пустыня открыла свою песчаную глотку и прохрипела эти слова по направлению к холму в бездонную ночь за его пределы. «*То же самое*, что и там наверху, – прокричал я. – Только над *этим* здесь мост».

Я записал эту историю много лет назад, надеясь когда-то раскрыть смысл, который в ней таился. Тогда в пустыне мы посмеялись над сказанным, потому что для нас было очевидно, что это правда, но мы не могли этого объяснить (да и не было нужды это делать). Теперь мне ясно, что *это* было тем же, чем являюсь и я: чистым Осознанием, наполненным всем происходящим, всей окружающей обстановкой. Оно всегда *Здесь* было. Оно всегда *Здесь* будет. Только происходящее, обстановка, меняется. Сорок лет назад над *этим* был мост; сейчас – рука, ручка и блокнот, колени, две «усеченные» ноги и пара маленьких ступней на полу. Просто великолепно и великолепно просто! И сейчас смешно!

ЧТО Я ХОЧУ НА САМОМ ДЕЛЕ

Тот, кто распространил слух о том, что тюрьмы похожи на монастыри, наверняка никогда не «сидел». Тюрьмы переполнены, в них много шума и насилия. Загоните сотни или даже тысячи людей с покалеченной психикой в маленькие бетонные отсеки, отберите у них их права и эмоциональные отдушины и в лучшем случае получите самый настоящий адский монастырь.

Тем не менее есть и схожести. Заключение отрезаны от мира; монахи тоже. Заключение, как монахи, практически не имеют права голоса в своей повседневной жизни, так как тюрьмы и монастыри одинаково являются местами строгих режимов и жестко установленных порядков. Монахам говорят, когда им вставать, когда медитировать, когда есть, когда работать, когда отдыхать. Заключение указывают, когда вставать, как одеваться, когда покидать здание тюрьмы, когда и что есть, когда работать, когда развлекаться, когда и как пользоваться телефоном или получать письма, или встречаться с родственниками и друзьями. Им говорят, что они могут читать или какой фильм они могут смотреть; когда время отбоя. Монастыри – это места контролируемой простоты; тюрьмы – это места примитивного контроля.

Так что у монаха и заключенного есть что-то общее – ограниченность выбора. Разница в том, что для монаха эта ограниченность добровольна, тогда

как для заключенного это причина его страданий. Монаха учат обращать свой взор вовнутрь в поисках свободы, а большинство заключенных считают, что свобода – это место, которое находится где угодно, только не там, где они сейчас.

Но свобода – это не место. Свобода – не результат личной программы или политической идеологии. Она не имеет никакого отношения к деньгам, славе или власти. Это не законное право или привилегия, и она не имеет отношения к религии. «Свобода не свободна», говорят любители хлестких выражений, а я им отвечаю: «Еще как свободна! На самом деле если и есть какая свобода, то только свободная».

Недавно я прочел книгу о позитивном мышлении, про то, как мы бóльшую часть своей жизни думаем о том, чего мы не хотим, а не о том, что хотим. Согласно автору, чтобы получить желаемое, нужно возвращать по отношению к этому позитивные чувства. И так как Вселенная едина и полностью состоит из энергии, то по закону притяжения к человеку рано или поздно приходит то, в адрес чего он излучает положительные вибрации. Фокусируясь на нежелаемом, мы получаем его еще больше. Фокусируйтесь на том, что хотите, и оно появится. В данном случае речь шла о приобретении таких вещей, как новая машина, новый дом, новый муж или жена и т.п., и приводились обычные примеры успеха, многие из которых граничили со сверхъестественными. (Здесь я должен добавить, что я сам поэкспериментировал с несколькими мелкими желаниями, и действительно, оба сбылись – одно, чудесным образом, сбылось через несколько секунд, другое – на следующий день!)

В любом случае эта книга научила меня двум вещам: 1) что бóльшую часть своей жизни я думал о том, чего я не хотел, излучая отрицательную энергию

(например, гнев, беспокойство, сожаление и т.п.); и 2) что на самом деле я никогда не останавливался и не составлял список того, чего же я хотел.

Так что же я хочу? Условно-досрочного освобождения из тюрьмы? А потом что – новую машину, новый дом, новую жену? Или, быть может, мне стоит забыть о частностях и стремиться напрямик к огромным деньгам, славе и власти?!

Байрон Кэти однажды сказала: «Мы делаем только три вещи: мы стоим, мы сидим и мы лежим. Когда вы будете успешными, вы все еще будете где-то сидеть. Что такое успех? Вы хотите стул за три тысячи долларов, а не за девяносто девять? Но „сидение“ – это просто „сидение“».

Мне кажется, это замечательное обобщение. Как я ни пытаюсь, я не могу выдать из себя ни грамма воодушевления по поводу всего множества вещей, которыми я мог бы себя окружить, атрибутов так называемой «успешной» жизни. А соседям я сказал бы: «Подумаешь!»

Однако все же есть что-то, что я хочу, нечто большее, нежели преходящий комфорт, который можно купить за деньги, и за неимением лучшего выражения я называю это *настоящей свободой*. И любопытным аспектом этой *настоящей свободы* является то, что если я не вижу, что она уже здесь, то я, безусловно, не свободен.

Кажется, что я в ловушке. Чем больше я ее хочу, тем дальше я нахожусь от ее осуществления. Что же происходит?

Чтобы ответить на этот вопрос, я решаю исследовать, что для меня на самом деле значат мои желания и выбор, и вот что выясняется:

1) Я не знаю, чего действительно хочу. Я думаю, что хочу то или это, но подсознательно могу желать

противоположное. За все эти годы я обнаружил, что я – мастер саботажа: я саботировал практически все, о чем думал, будто хочу этого, нередко еще до того, как это получал. Это сбивает с толку и вызывает депрессию. Сколько лет психотерапии мне нужно вынести, прежде чем обнаружатся мои бессознательные желания? А что, если я никогда не узнаю, чего действительно хочу?

2) Кажется, что желаниям нет конца. Даже когда я получаю то, что хочу, со временем я к этому привыкаю и хочу большего. Любое удовлетворение, которое я получаю, – временное и обычно краткосрочное. Я остаюсь неудовлетворенным.

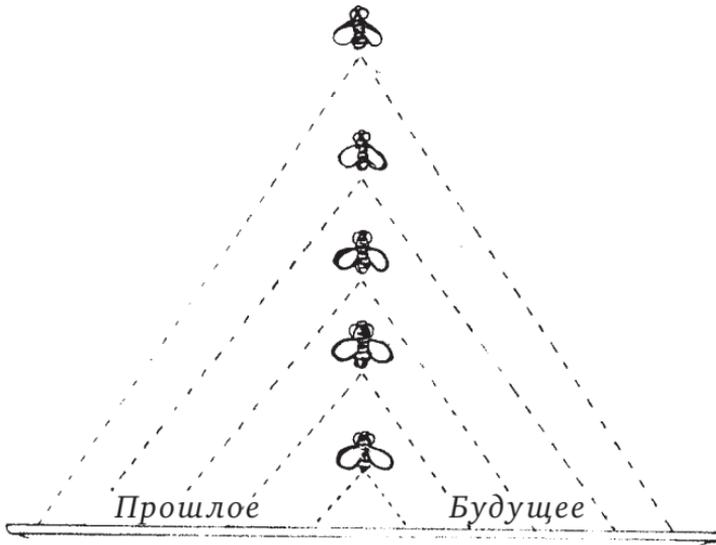
3) Всматриваюсь глубже. Почему я решил, что у меня вообще есть какая-то личная воля? Разве это согласно моей воле, как человека, циркулирует моя кровь или переваривается пища? Где место моей личной воли в любом из миллиардов сложных клеточных процессов, происходящих каждую секунду в моем теле? А как насчет других? Как моя воля влияет на моего соседа, не говоря уже о планете, солнце, звездах? То, что я хочу, кажется потерянным в этой тотальности. У меня даже нет выбора оставаться в данном моменте – стоит мне его заметить, как его уже нет!

4) Однако говорят, что я, как человек, обладаю свободой воли. Например, я выбираю, заниматься мне спортом во дворе или нет, есть или не есть в столовой, какие дела сделать на работе в первую очередь и т.п. А выбираю ли я? Как продемонстрировала квантовая физика, в микромире время течет назад так же легко, как и вперед; таким образом, причины могут быть результатами следствий! Возможно, более правдоподобное объяснение таково – Вселенная предстает вся сразу, а мы привносим в нее концепцию времени. Представьте себе близорукую муху, ползающую

по картине, висящей в музее. Муха может видеть только крошечную часть всей картины одновременно. Та часть, которую она уже прошла, находится в прошлом мухи, а часть, которую ей еще предстоит пройти, – в ее будущем. Позади остались некоторые приятные, красочные части картины, которые мухе понравились, и она надеется, что впереди, в будущем, таких будет больше. Но в данный момент она сидит на темной и довольно депрессивной части картины и поэтому взлетает и обнаруживает, что по мере того, как она поднимается вверх от картины, обзор расширяется. «Настоящее» все больше включает в себя то, что она считала «прошлым» и «будущим», пока наконец муха не увидит всю картину как «настоящее». В такой Вселенной ничто на самом деле не происходит; муха создает и прошлое и будущее. А также, по мере того как она ползает по поверхности картины, она создает и жизнь личного намерения, основанную на том, что ей нравится и не нравится. Если то, что появляется, согласуется с тем, что она хочет, она счастлива; если нет – страдает. А когда взлетает и смотрит на свою картину-жизнь с более высокой точки зрения, она видит свою глупость – с этой точки зрения идея личной воли не просто смешотворна, вопрос о ней даже не встает.

5) И поэтому я решаю рассмотреть этот вопрос с другой точки зрения, «вертикальной», т.е. посмотреть вовнутрь. И что же я вижу? Ничего! Ни лица, ни головы, вообще ничего. Я вижу только эту обширную пустоту, осознающую и светящуюся.

Но если здесь ничего и никого нет, кто же это, кто хочет того или этого? В качестве того, кем я себя считал, личностью с именем и формой, очевидно (так как я никого *Здесь* не вижу), что я – всего лишь набор мыслей, персонаж из сна. Как таковой, я не могу воз-

намериться и не могу делать. Предполагать обратное – лишь укреплять идею индивидуального «меня». Ясно, что выход из этих оков индивидуальности – в том, чтобы смотреть вовнутрь себя, однако это все еще не решает вопрос воли. Возможно, я что-то упускаю из виду.

б) И тогда я смотрю еще раз и на этот раз вижу не только пустое пространство, но – как я мог это упустить? – пустое пространство для *всего происходящего, которое его замещает!* Это замещение настолько тотально, что составляет с ним единое целое. Так что я одновременно ничто и все, которое его заполняет! То есть я – Все, Что Есть. Таким образом, все, что желается, – Моя воля, и все, что делается, делается Мною. В качестве Единственного я не имею волю, а являюсь волей. И, таким образом, я свободен от нее, ибо я свободен от того, чем пребываю. Я не нахожу никакого сопротивления, ибо нет ничего и никого за пределами того, Кто Я, и, таким образом, сопротивляться нечему. Всем, что я мог бы пожелать, я уже

являюсь. Моя воля – это воля Вселенной, ибо она есть то, Что Есть Я.

7) Видя, Кто Я на самом деле, я получаю новую точку зрения на личное желание, так как осознаю, что все желания являются желанием вернуться *Домой*. Все, что я когда-либо хотел или мог бы хотеть, – замена тому, что я действительно хочу, – видеть Того, Кто Я на самом деле, и быть им. И каждый раз, когда желание чего-либо ослабевает, это приглашение вернуться.

8) Относительно других, если в качестве вымышленного индивида у меня нет никакой личной воли (потому что нет «меня»), тогда и ни у кого другого ее тоже нет – так что зачем обвинять других за то, что они думают, что делают, или думают, что хотят? Когда кто-то что-то хочет, это то же самое желание вернуться *Домой*, быть тем же *Ничем* и *Всем*, чем являюсь я. Да и нет на самом деле никаких «других».

9) И, наконец, отдавая свою ограниченную личную волю Воле Абсолюта, возникает ощущение облегчения, жизнерадостности, безопасности. Отсюда следует, что ничего не может произойти, чего нельзя было бы стерпеть. Что вообще может пойти не так?

Я нахожу удивительным, что после всех этих лет стремлений к тому или другому я имею ровно то, с чего начинал, ни больше и ни меньше. То, к чему я стремился, находится Здесь – где оно всегда было и всегда будет. Я не хочу сказать, что больше не имею желаний или не ощущаю импульса что-либо сделать, это не так. В качестве Единственного я воплощаюсь в контрастах; я осуществляюсь как тотальность этой элегантной, трагической и суматошной сложности, которую я называю Вселенной. Это Тот,

Кто Я такой, и это включает и смехотворную простоту, и невыносимую тяжесть поиска Того, Кто Я. Это моя жизненность, и с каждым узнаванием, с каждым возвращением к Тому, Кто Я на самом деле, заново обнаруживается радость. Таким образом, открываться Воле Единственного не значит подавлять личную волю, но лишь распознавать, где ее подлинное место. Как *ничто*, я свободен от воли. Но для того Я, которое *все*, вся воля – Моя воля и, тем самым, Я от нее также свободен. Только когда я привязан к убеждению, что я – отдельная личность, способная проявлять свободную волю, я сталкиваюсь с неприятностями. Появляющееся в результате этого разочарование, когда приходит понимание, оборачивается приглашением вернуться к Тому, Кто Я на самом деле в качестве *ничто* и *всего*. Как великолепно! Не могу себе представить более оригинального порядка! И все это – результат *Моей воли!*

Так что в конечном счете я предпочту эту тюрьму, которую я нахожу внутри Себя, а не монастырь, который там не нахожу, потому что тюрьмы, как мне видится, предоставляют больше шансов вернуться Домой. Эти «похлопывания по плечу» здесь вовсе не деликатны, но включают в себя весь спектр отрицательных эмоций, порожденных всевозможными страстями и желаниями. Тюрьмы – это фабрики страстных желаний, и я обнаруживаю все эти замечательные напоминания – эти возможности – внутри себя.

И в конце концов я выберу эту тюрьму, а не монастырь, потому что именно это я уже сделал.

«Это – это движение ума к объектам восприятия в форме алчности; и движение от объектов в форме отвращения. Это движение алчности и отвращения

порождает ощущение отдельного «я», и ощущение «я» в свою очередь таким образом себя укрепляет. Именно этот постоянный цикл причинности и заставляет Сознание обманным путем войти в состояние транс отождествления».

Адьяшанти

«Быть «я» – значит быть ищущим, своевольным деятелем; а быть ищущим деятелем – значит быть «я».

Рабби Рами Шапиро

«Как плод воображения может иметь какой-либо эффект на что-либо, что само не является плодом воображения? Таким образом, любой эффект, появившийся в результате действия воли, подчиненного концепции эго, может быть лишь таким же воображаемым».

Вэй У Вэй

«Все происходит в Сознании без какого-либо усилия со стороны воображаемой человеческой сущности – точно так же, как зеркало отражает окружающие его предметы без какого-либо намерения. Полет птиц отражается в воде озера, но птицы не намереваются создавать отражение, и вода не намеревается отражать полет птиц».

Рамеш Балсекар

«Просто избегая целенаправленных намерений, человек может стать просветленным».

Шэнь-хуй (686–760 гг. н.э.)

«Заставишь тысячи лун сойти с ума от любви
И краснеть всю ночь,
Когда откажешься от иллюзии, от костыля
Свободы воли».

Хафиз

«Божья воля и моя собственная воля – одно и то же, независимо от того, замечаю я это или нет».

Байрон Кэти

«Тот, кто знает меру, всегда будет иметь достаточно».

Лао-цзы

«На языке эго «иметь» и «быть» – разные вещи, однако для Святого Духа это одно и то же. Святой Дух знает, что вы одновременно и имеете все, и всем являетесь».

«Курс чудес»

«Настоящая и совершенная воля – это когда полностью следуешь воле Бога и абсолютно лишен собственной воли».

Мейстер Экхарт

«Принимая настоящее во всей его реальности как нечто, с чем нужно иметь дело именно в том виде, в каком оно есть, человек сталкивается одновременно и со своей кармой, и с божественной волей, которая в большей степени является его собственной волей, чем та, которую он в данный момент, на поверхностном уровне, считает «своей собственной волей».

Томас Мертон

«Если Я – Единственное, то что может пойти не так? И в каком смысле Моя воля может не осуществиться? Если Я – Единственное и включающее в себя всех остальных существ без исключения, тогда Моя воля осуществляется. Я не могу представить, как что-то может этому препятствовать. Так что, будучи тем, Кто Я Есть Здесь, Я отдаюсь всему тому, что происходит, потому что это в своей основе и является Моей

Что я хочу на самом деле

волей. Это полностью совместимо с тем, что у Дугласа есть целый репертуар всего того, что он бы хотел, чтобы случилось. Важно именно сосуществование этих двух данностей».

Дуглас Хардинг

«Нет ни творения, ни разрушения,
Ни судьбы, ни свободной воли,
ни пути, ни достижения;
это и есть окончательная истина».

Рамана Махарши

ПРОТЕКАНИЕ СКВОЗЬ

Лучшая реакция на отрицательную эмоцию – это позволить ей самой себя освободить, оставаясь в недвойственном осознании, свободным от алчности и отвращения. Если мы сможем это сделать, эмоция пройдет сквозь нас как птица, пролетающая сквозь пространство; не останется никакого следа ее полета. Эмоция возникает и затем спонтанно растворяется в пустоте.

*Тензин Вангьял Ринпоче,
«Тибетская йога сна и сновидений»*

Я прочитал это у тибетского ламы Тензина Вангьяла Ринпоче. И сказал сам себе: «Да, конечно, я смогу это сделать». Потому что после почти целой жизни, в течение которой меня водили за нос все так называемые отрицательные эмоции, я нашел Безголовый Путь.

Действительно, у меня, плененного в огромном колесе самсары, нет выбора, однако я волен время от времени выходить из этого колеса, пусть сначала и на короткое время. (Или, проводя аналогию с христианским крестом, я переживаю свою индивидуальную жизнь в качестве горизонтального, ограниченного временем путешествия положительных и отрицательных эмоций, от которых никуда не деться, но я могу в любой момент пробудиться к вертикали, к Тому, Кто Я, пересекающему горизонталь в качестве Чистого Осознания в союзе с Богом.)

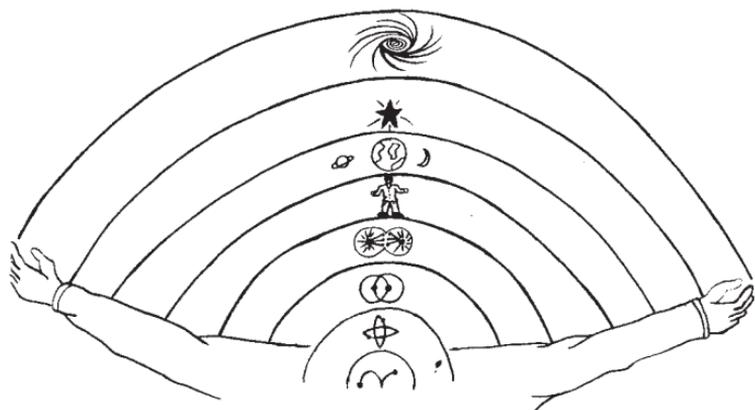
И что это за Безголовый Путь? Просто осознавание – переживание на собственном опыте – того, что у меня нет головы и, таким образом, нет и никакого носа, за который меня можно было бы водить!

Все донельзя просто. Когда я отбрасываю свои предвзятые представления о себе и о мире и начинаю видеть, *как видит маленький ребенок*, мне остается увидеть лишь очевидное, лишь явную данность. Ответ на самый открытый в мире секрет находится прямо под носом, которого у меня никогда не было. И я убеждаюсь в этом, смотря вниз на эти маленькие ступни, приклеенные к чему-то, что кажется вертикальным клочком земли, ниже – на укороченные ноги, на талию, на грудь – все это вверх ногами – спускаясь еще ниже, до... чего? До этого светящегося *ничто*, где ранее, как я воображал, у меня находилась голова.

Разворачивая процесс в обратную сторону, я не спеша скользя взглядом вверх, одновременно наблюдая за этим чистым осознаванием, и вижу, что это *ничто* до краев наполнено всем моим окружением – в моем случае моим расположенным вверх тормашками телом и землей. Скользя взглядом еще выше, я охватываю заборы, деревья, холмы и вон те горы на горизонте. Чтобы измерить величину этого моего огромного единственного глаза, я широко раскидываю руки и, смотря прямо перед собой, слегка сдвигаю их вперед так, что они едва видны. Теперь я держу это огромное пространство и все, что оно в себя вмещает. Я вижу, какой я огромный; мои руки простираются до краев мира и за его пределы. Так созерцая, я приветствую все, чем являюсь, каждое насыщенное, красочное и прочувствованное явление. И, более того, я вижу, на что я на самом деле похож (что одновременно шокирует и воодушевляет), на крест. Эти руки – не мои руки, а Его. Это тело,

и каждая частица этого волшебного представления, происходящего передо мной, находится в Нем и Им и является.

Как так получилось? Что я сделал, чтобы заслужить эти благословенные дары? Я просто отошел в сторону и не мешался, раскинул руки, посмотрел, а остальное случилось само собой.

И теперь, смотря еще выше, я вижу голубое небо, проплывающее мимо одинокое облако, а на востоке – ястреба, кругами поднимающегося все выше и выше в восходящем потоке воздуха. Мысли, эмоции, все, что я вижу и слышу и чего касаюсь, – все это просто проходит сквозь меня.

ПИСЬМО СЫНУ

Твоя сестра рассказала мне, что с тобой случилось. Я не получал от нее вестей четыре года, и вдруг, в один субботний день, она сидела в комнате для свиданий, одна, за столиком в углу, спиной к двери. Я знал, что что-то случилось, еще до того, как вошел в комнату.

А ты? Сколько лет прошло с твоего последнего посещения – десять? Тебе тогда было семнадцать, ты был старшеклассником, в футбольной куртке, на голову выше меня, и ты улыбался мне сверху вниз. Мне казалось, что я лопну от гордости за тебя. Я хотел бежать от столика к столику и говорить каждому знакомому заключенному: «Это мой сын. Вон там – мой мальчик!»

А до этого тебе было восемь лет, и я был на воле. Воспоминания разбросанные, но яркие: Лос-Анджелес, пустой участок земли рядом с домом, ты со своей бейсбольной перчаткой и я, бросающий мячи, которые ты не мог поймать. А как ты сиял, когда наконец у тебя получалось!

А еще раньше – все эти годы в Мексике, когда вы с сестрой были единственными североамериканцами на школьном дворе, но перекрикивались на испанском, будто это и был ваш родной язык. Я помню, как мы впервые отвезли вас на юг – я был в бегах – я и твоя мама в украденном доме-фургоне, через Баху к Ла-Пас, через Калифорнийский залив на пароме

во время шторма, когда морской болезнью страдали все, кроме тебя и членов команды, даже наша кошка. Я ненавижу эту поездку. Я ненавижу ночлег в горном городке, который вонял свиньями, и когда я зашел проверить тебя в спальне, ты был облеплен мухами. Ты крепко спал, а мухи выползали у тебя изо рта. Господи, я подумал тогда, что ты умер. Ведь ты был младенцем!

А ты слышал историю своего рождения? Наверное, нет. Это удача, что вы с мамой выжили. В тот день я отвез ее в больницу, не подозревая ни о какой опасности. Был рутинный осмотр, ультразвук... и вдруг ее срочно повезли в операционную, оставив меня в коридоре, потрясенного и растерянного. А позже, в больничной палате – я не мог этому поверить – она призналась, что за неделю до этого, на девятом месяце, она переспала с одним моим другом и что она – ты – подцепил заразу. Я был в такой ярости, что ничего не видел перед собой; я не видел ни ее, ни тебя. Знаешь, что я сделал? Около часа я бесцельно катался на машине. А затем, оказавшись в незнакомом жилом районе, остановил машину и взял то, что в тот момент попало мне в руки, – плитняк из чье-то двора – и швырнул его в чье-то окно. За мной погнался какой-то человек... И я заплатил ему тысячу долларов, чтобы он не подал на меня в суд.

Так что ты не был моим любимчиком. Это была не твоя вина, но ты этого не знал. Много лет я носил в себе это калечащее недоверие к твоей матери; я даже сомневался, мой ли ты сын. Но, возможно, дело было не в этом. Может быть, просто то неэгоистичное пространство, которое еще оставалось в моем сердце, еще до твоего рождения заняла твоя сестра.

И вот, когда тебе было восемь лет, я угодил за решетку, и твоя мама писала мне в записках, что ты

был весь в меня: ходил как я, смеялся моим смехом, шурился моим прищуром. Но я вовсе не хотел, чтобы ты походил на меня; ты мне не нравился, я даже тебя ревновал. Но больше всего я надеялся, что ты будешь другим, что ты прорвешься к свободе. Год за годом, с момента твоего последнего посещения, когда я уже больше от тебя ничего не слышал, я хотел, чтобы ты был свободным.

А вместо этого я узнаю, что ты стал принимать наркотики, бросил школу, забрался к кому-то в дом, и что тебя поймали. Позже, на испытательном сроке, тебя вновь поймали и посадили в тюрьму. Ты отбывал срок в пожарной команде, тебя досрочно освободили за хорошее поведение, ты нашел квартиру и работу. Но на этом история обрывалась: я потерял тебя из виду, ничего не слышал о тебе от твоей сестры, ты куда-то пропал.

До настоящего времени. Теперь же ты *повсюду*. Ты часто бываешь в моей камере. Поздно ночью ты сидишь и пристально на меня смотришь или вдруг неожиданно перемещаешься, дрожью проникаешь в меня через мою кожу, чтобы чувствовать то, что чувствую я, и видеть то, что вижу я. И *Здесь*, как ни странно, ты меня утешаешь.

Вот что я написал однажды ночью: «Меня мучает совесть. Меня никогда не было рядом, когда ты нуждался во мне. Я был паршивым отцом».

Когда твоя сестра пришла меня навестить, она сказала мягко, но прямо: «Он умер, папа. Он умер, опухший от СПИДа, в грязной комнате в тюремном лазарете. Шанса выжить у него не было».

Она сказала, что попыталась добиться того, чтобы тебя освободили. Она все устроила: адвоката, судебное слушание, хоспис в Санта-Барбаре, который был готов тебя принять. Но судья лишь посмеялся. «Ты

словил свой третий срок, – сказал он, – от двадцати пяти лет до пожизненного». Ты оказался там, где тебе было самое место.

У твоей сестры сейчас все хорошо. Раньше ты ее тоже преследовал, передвигал вещи в ее доме, открывал и закрывал двери поздно ночью. Я сказал ей, что единственный способ освободить тебя – это освободиться самой, что, конечно, было лучшим советом и мне самому. Теперь ты больше к ней не приходишь. Возможно, это потому, что ты живешь в ее сердце, как и в моем. И подумать только, когда-то я хотел винить тебя или винить себя – в любом случае это бы только тебя умалило, сделало бы тебя меньше того, кто ты в *реальности*.

А кто ты на самом деле? Разве тебя определяет твой последний час; разве это мерило того, кто ты есть? У тебя не было ничего, я знаю: ни денег, ни имущества, ни семьи, которая была бы рядом. Действительно, особенно нечего терять. И поэтому ты предложил свое сердце. Ты сказал сестре, что любишь ее. Ты молил ее позаботиться о вашей матери. Ты попросил ее простить отца за ту жизнь, которой он жил, но которой жить не хотел... Ты держал ее за руку и улыбался.

Теперь я знаю намного меньше. Слова сами формируются в нечто осмысленное, и чаще всего я просто удивляюсь. Жизнь продолжает течь, и я или в потоке, или стою на берегу. В этом я не сомневаюсь. Наконец-то я отослал твои фотографии. Все, кроме одной – где ты стоишь лицом к фотокамере в своей футбольной куртке, старшеклассник, такой высокий и гордый. И эта улыбка – такая кривая и знакомая, с хитринкой, как будто бы ты собирался подмигнуть! Твоя сестра сказала, что на твоём смертном одре она спросила у тебя, куда, как ты думаешь, ты попадешь

после смерти, и ты ответил: «Никуда». Как ты был прав! А вот что она тебе написала на твой день рождения в прошлом месяце: «Ты сказал мне, что я гораздо красивее, чем то, что я вижу в зеркале. Тогда я не поняла, а сейчас понимаю. Было больно думать, что я больше тебя никогда не увижу. Кто бы мог подумать, что я буду видеть тебя всегда, что все, что мне нужно будет сделать, – это посмотреть Сюда? Откуда ты знал? Откуда ты знал, что попав в ад, я обрету рай? И что я найду тебя?»

И в этом, я знаю, и есть смысл твоего короткого жизненного пути: принести (пусть даже это и будет последним, что ты сделаешь в жизни) эту несравненную Любовь в это *Нигде*, где она сияет, где сияем мы все. Где то, чем являешься ты, и то, чем являюсь я, навеки едины.

Откуда ты знал?

СДАЧА «СЕБЯ»

То, чему суждено произойти, произойдет. Оставьте это Высшей Силе; вы не можете ни отказываться от чего-либо, ни удерживать что-либо по своему усмотрению.

Рамана Махарши

Раньше мне часто снился сон, в котором происходило следующее: я сижу в самом конце пустого автобуса, который ведет женщина, похожая на мою жену. Автобус несется через какой-то город, так сильно раскачиваясь из стороны в сторону, что едва не задевает машины на дороге. Наконец, рядом с мостом, он едва вписывается в поворот и скользит, пока не останавливается, наполовину свесившись с обрыва, и там раскачивается, а я сижу, застывший от страха, поглядывая на дно каньона.

Или я пассажир в несущейся на огромной скорости машине, за рулем которой мой отец. Мы гоним с головокружительной скоростью по оживленной трассе. Я хочу ему сказать, чтобы он сбросил скорость, но не могу говорить. Я в ужасе и уверен, что погибну.

Или я сижу за рулем своей машины на парковке в парке Йеллоустоун, когда вдруг медведь-гризли просовывает свою огромную голову в мое боковое окно и ревет мне в лицо. Я немею от страха, и не могу сообразить, что делать, ведь это как-никак гризли, а что можно сделать с гризли? Поэтому я во весь голос

кричу «Нееееет!»... и сам себя бужу! Мой сосед по камере садится на своей койке, в его затуманенных глазах видна паника. «Что „нет“?» – спрашивает он.

Не беря во внимание все то, что мог бы сказать о вышеописанном Фрейд, я рассматриваю все три сна (и другие на них похожие) как проблемы с контролированием, или, точнее, как проблемы страха потери контроля. Машины или автобусы – это мое второе «я» на трассе жизни, и пока я думаю, что это я сижу за рулем и делаю все так, как я хочу, я в безопасности. Посадите кого-нибудь другого за руль, или пусть у меня перед лицом появится неконтролируемая сила, и у меня начинаются проблемы.

К счастью, уже несколько лет у меня не было снов о несущихся машинах или нападениях медведей (хотя никогда не знаешь...), возможно, потому, что я немного отпустил поводья, и мне хочется думать, что *Видение* меня расслабило. Но, вероятно, я принимаю желаемое за действительное.

Мне также снились сны, противоположные этим. Например, я веду свою машину, когда вдруг я и оказываюсь этой машиной! Я не вижу позади себя своего «машинного» тела; я – просто осознание в потоке воздуха, и на меня несется шоссе. Или я являюсь украшением капота моего автомобиля, с тем же эффектом. Или я обнаруживаю, что парю над пустыней где-то в Юте или в Аризоне. Ощущение свободы великолепно, прекраснее, чем что-либо, что я помню. Однажды я проснулся во сне – полностью, несомненно, проснулся. Я был в экстазе, и когда столкнулся со зловещими (и контролирующими ситуацию) персонажами, я прогнал их, будто они были мухами. Затем я решил полетать над городом раскинув руки и, просто вознамерившись сделать это, я поднимался все выше и выше.

У всех этих последних снов было общее: ощущение свободно парящего осознания; чувство «я есть», однако это было «я есть», не обремененное телом. Сны продолжались, но я больше не был в них потерян. На самом деле я их намеревал.

Несомненно, всю мою жизнь у меня были проблемы с контролированием. Чувствуя, что теряю контроль, я компенсировал это тем, что контролировал все, что мог. И хотя меня привлекали те, кто имел надо мной власть, про себя я тайно негодовал и искал тех, которых мог бы подчинить своей воле. Я видел, как это происходит повсюду вокруг меня: друзья и соседи были заняты той же самой борьбой за контроль. Я считал, что это нормально, и вместе с тем страстно желал от этого освободиться. К сожалению, я полагал, что освободиться от этого – значит еще больше контролировать других, все в моем окружении. Даже мои мысли и чувства были врагами, которых я пытался держать в узде.

Но однажды, после того как ознакомился с Безголовым Путем, я остановился и спросил себя: «Действительно ли я вышел из-под контроля? Вышла ли моя жизнь из-под контроля?» И ответ, который пришел, был следующим: в качестве того, кем я себя считаю, в качестве этого «маленького я» с именем и формой – еще как! Я не более чем беспомощный пассажир, несущийся по жизни, разгневанный и в полном ужасе. То мне кажется, что мне все ясно, а через секунду я становлюсь обычной жертвой обстоятельств. Не важно, сколько раз я задаю этот вопрос, ответ всегда одинаков: как объект, как «вещь» в мире вещей, как человек, которого видят другие, у меня нет никакого контроля, независимо от того что я думаю по этому поводу и несмотря на то что часто кажется обратное.

Очевидно, что это вопрос того, кто же я есть на самом деле. У меня, как говорят, «личностный кризис», хотя «кризис» – едва ли подходящее слово, ибо это самая что ни на есть полная трансформация, огромный прыжок назад от маленького, ограниченного и объективного «я» к дедушке всех субъективных «я» – самому Богу!

Это сдача «себя». Почему «сдача»? Потому что пробуждение – это потеря чего-то. Хотя Бог, как выясняется, приколист, это сдача «себя» – истинная, или окончательная – потеря того, что изначально вовсе не существует! Ведь тот, кем я себя считаю, – всего лишь тот, кем я себя считаю, это сложная и глубоко обусловленная сеть идей, и тем не менее это всего лишь идея, плод воображения. Таким образом, истинное отдавание – не достижение чего-либо или какой-то цели. Это результат видения – *Здесь нет никого, кто мог бы это сделать.*

И что же я обнаруживаю в этом отдавании себя, что бы раскрывало мою истинную природу? Как в случае с отказом от чего бы то ни было, наступает ощущение отпуска, чувство облегчения, окончания борьбы. Однако это не столько отказ от позиции или убеждения, сколько отказ от путаницы. Я нахожу невозможным добровольно отказаться от этих старых обусловленных убеждений. Пытаться отказаться от «маленького я», равносильно попыткам перестать думать, это просто невозможно. Истинная сдача «себя» непрямая; это не акт личной воли, она не требует усилия, она просто происходит. В конечном счете парадоксальным образом отдавать нечего, но отдавание тем не менее происходит. Это не требует ни времени, ни усилий, но, как в случае с любимым переживанием, кажется, что оно происходит за какой-то промежуток времени.

Итак, истинная сдача «себя» – явление не линейное. Невозможно осуществить ее поэтапно, по чуть-чуть, и в конце концов отпустить все разом, навсегда. Я нахожу, что сдача «себя» происходит вновь и вновь. И когда происходит, то происходит полностью: одну секунду я привязан к своему «я», а в следующую – Чистое Осознание, лишенное всех качеств. На самом деле в этом переходе к Чистому Осознанию нет никаких пауз, ибо Тот, Кто Я в реальности, предшествует концепции времени. Промежуток времени, в течение которого кажется, что «я» утерян, – иллюзорный, так как становится видно, что иллюзорно само время, сама ткань того, что я называю своей жизнью.

Истинная сдача «себя» происходит сейчас, и всегда сейчас, и всегда Здесь. То есть истинная сдача «себя» – это приятие всего, что появляется. Нет никаких сделок, которые нужно было бы заключать, и нет пути, которому нужно было бы следовать. Не нужно сидеть на подушке, или жить в пещере, или до посинения повторять мантры. Мне никоим образом не нужно отказываться от своей «истории»; мне нужно лишь увидеть ее как видимость и как выражение Единого Целого.

Но все же я нахожу, что эта конечная игра, заканчивающаяся приятием, приносит с собой еще одну едва уловимую, но ожесточенную борьбу (хотя другие могут со мной и не согласиться). Осознавая, что некуда идти и нечего делать, зная, что путь и «личная история» иллюзорны, я обнаруживаю, что соскальзываю в своего рода экзистенциальную нищету и, охваченный чувством едва уловимого страха, сопротивляюсь. Ум протестует. «Здесь и сейчас» кажется слишком скучным – это все, что в нем есть? Это высвобождение, это непредвзятое свидетельство

всего, что появляется, несомненно, приносит огромное облегчение, однако по ощущению оно также напоминает смерть. Кажется, чего-то не хватает.

Чтобы выяснить, чего же не хватает, я *смотрю* опять. Знать о сдаче «себя» – не то же самое, что действительно испытать это. Я знаю, что ключ к истинной сдаче «себя» – внимание, а не намерение (таким образом, истинная сдача – это косвенный, побочный продукт видения своей истинной природы), и, чтобы именно испытать сдачу «себя», я *смотрю сюда*: я разворачиваю свое внимание и вижу *ничто* по эту сторону этих карандашных заметок, которые пишу на этой странице, – ни глаз, ни лица, ни головы, полной серого вещества, – ничего. Однако я охватываю взглядом эти записи и эту страницу: очевидно, что я – вообще ничто, однако *ничто*, осознающее свое окружение. Я к этому не стремлюсь; я и есть это. Видя, Кто Я на самом деле, я автоматически отбрасываю все притязания на противоположное мнение. Все не могло бы быть яснее – я не мог бы быть яснее. Я *вижу*, что я – *Ничто!*

Но с одной важнейшей разницей. Ведь, еще раз посмотрев, я вижу, чего не хватало, – я вижу, что, став *ничем*, я сразу же взорвался во *все!* У меня нет выбора: я так устроен. Я вижу, что в качестве Пустого Вместилища мной одновременно овладевает то, что передо мной предстает. Так что в полнейшей нищете Я – обладатель всего, в смерти Я – сама жизнь, в отсутствии Я – не что иное, как абсолютное Присутствие.

Так что же я сдаю? Вообще-то ничего! У меня в полноте может быть все – и оно у меня уже есть! Мне даже не нужно отдавать это ложное «маленькое я»; мне нужно лишь определить его на свое место: *туда*, к остальным «вещам» этого мира. Как и все остальное, оно – лишь еще одна видимость в этом великолепном

проявлении, называемом Вселенной. И вместе с ним туда уходят все мысли, чувства и воспоминания, которые я когда-то называл «своими».

Раз уж так, то я сдаю безумную идею, за которую так долго держался, – необходимость контролировать свою жизнь. Куда бы я ни посмотрел, все, что я вижу, я *вижу Здесь*, внутри Меня, я открываюсь возможности жить в том, *что есть*, ничего не зная и ничего не контролируя. В конце концов, в качестве *Ничто* и *Всего* как я могу контролировать то, чем сам являюсь?

И вот я смотрю *Сюда* и понимаю, что в реальности нет такой вещи, как «сдача себя». Есть просто конец путаницы, *Видение* всей картины в целом. Это и называется Истиной.

ЕЩЕ БОЛЬШЕ ТОГО, ЧТО Я ХОЧУ НА САМОМ ДЕЛЕ

Безграничный и вечный, Я проявляюсь как время и пространство. Проявляясь, чтобы познать Себя, Я изучаю Себя, используя три измерения пространства и одно измерение времени (ведь чтобы быть воспринятым, я должен иметь длительность). Эти измерения возникают из изучения (*Видения*) того, что Я есть, из того, что Я есть, и Я проявляюсь также как само изучение (*Видение*). Никогда не бывает времени или пространства, внутри которого Я бы находился, ибо Я есть и время и пространство – это То, Что Я Есть в Своем проявлении. Таким образом, нечего достигать, нечего получать или терять и нечего искать, так как нет никаких «где-то» или «когда-то», которыми бы я не являлся.

Очевидно, вышесказанное хоронит предположение о личной воле. Очевидно, у меня есть все, что я хочу, и я хочу все, что у меня есть. Но если вдруг десятилетия обусловливания вновь убедят меня в обратном, у меня есть хорошие друзья, которые находятся *Нигде*, и они напомнят мне о моей глупости.

«Некуда идти, нечего достигать, нечем быть. *Здесь*, в *ничто*, принимается *все*; от самой удаленной галактики до ближайшей частицы – нет расстояния! Отсюда, из пустоты, все отпускается (и обо всем проявляется забота) – все, от моих личных переживаний до неизмеримо более обширных и глубоких проблем.

И здесь, в безмолвии, все такое, каким и должно быть».

Ричард Ланг

«Как ветер, который ищет,
ворошит перья на шее воробья,
поднимает листья волной
через бобовое поле,
я не нахожу такого места,
где я могу сказать,
что здесь заканчивается мое бытие».

Колин Оливер

«Все это выбирание чего-то одного и предпочтение чего-то другого – иллюзорно, это великая уловка. Отдельные индивиды как таковые бессильны изменить что-либо во Вселенной, в которой каждый жестко контролируется всеми остальными. Притворяться, что дела обстоят иначе, что в качестве наших отдельных «я» мы обладаем свободной волей, так же глупо и непорядочно, как и тщеславно; это создает напряжение. Только Источник всего, который никому не подчиняется, обладает свободной волей. И только действия, исходящие от Него и ведущие обратно к Нему, те, которые чувствуются как Его собственные действия, обладают восхитительным ароматом – ароматом первозданности и праведности, – присущим только этому Источнику».

Дуглас Хардинг

* * *

Однако все еще остаются давнишние сомнения. Как человек, еще в раннем возрасте я научился хотеть, а повзрослев, я находил естественным добиваться любви, богатства, власти, приключений, удовлетворенности и даже бессмертия. Заполучив их (как меня

учили), я буду счастлив; потеряв их (или получив противоположное), буду страдать. Как глубоко укоренены эти личные амбиции! Сколь фундаментальными они кажутся! Но работают ли они? Нахожу ли я долговечное счастье в погоне за этими слишком уж «человеческими» стремлениями, или существует лучший путь? Быть может, стоит исследовать каждый из них, и в первую очередь предположение, что тот или то, чем я являюсь, – это человек?

1) Любовь: Как человек, я стремлюсь любить и быть любимым, но поскольку в основном ощущаю любовь в виде эмоции, я нахожу ее мимолетной, и даже когда она продолжительная, она в лучшем случае не лишена проблем. Вместе с человеческой любовью приходят притязания, ожидания и условия, и хотя я продолжаю искать идеальную любовь, подсознательно я начинаю подозревать: то, что я называю любовью, – всего лишь суррогат *любви истинной*, переживание которой от меня ускользает.

2) Богатства: Когда я был ребенком, это был мой мир, но, по мере того как я рос и меня учили думать иначе, я его потерял. И так начинается процесс накопления, в тщетной попытке вновь, кусочек за кусочком, обрести мир. Убежденный в том, что я вновь буду счастлив, если приобрету побольше всего самого лучшего (или, по крайней мере, настолько много, насколько мне удастся), и не желая оказаться превзойденным своими сверстниками, я становлюсь жадным и называю свою жадность «амбициями». Однако, приобретая все больше и больше, я замечаю, как быстро теряю к этому вкус и хочу еще больше – я никогда не бываю удовлетворен. И, что совсем плохо, чем больше я приобретаю, тем больше усилий я прилагаю, чтобы все это сохранять; и тем больше беспокоюсь о том, что могу все потерять. Я

обнаруживаю, что это не путь к счастью – это путь к стрессу и болезням!

3) Власть: Я думал, что, имея власть, будет так просто добиться того, что я хочу, – для себя, своей семьи, своих друзей. То долговечное счастье, которое я не нашел в любви или деньгах, я надеялся найти в сфере власти и влияния. Однако вскоре я заметил, что, как и в случае с богатством, чем больше власти я получаю, тем больше меня обременяют разного рода ответственностью и тем больше усилий требуется для поддержания своего высокого статуса. Также появляется проблема недоброжелателей – растущего числа конкурентов, которые хотят лишиться меня власти и влияния, присвоив его себе. Оказывается, что на вершине лестницы счастья меньше, чем на ее нижних ступеньках. Я обнаруживаю, что начинаю сердиться и обвинять других в отсутствии собственной удовлетворенности. А воспоминание о тех, которым я причинил на этом пути боль, приносит чувство вины и депрессию.

4) Приключения: Если этого не могут сделать деньги и власть, то, возможно, это сделают рафтинг или парасейлинг. Быть может, это придет, если научишься водить спортивный автомобиль или просто посетишь какую-нибудь экзотическую страну. Но и на сей раз счастье и изумление мимолетны, а я обнаруживаю, что «подсел» на этот «кайф» и что нуждаюсь в следующей «дозе», чтобы положить конец моим удлиняющимся периодам скуки. Вскоре то, что я считал захватывающим, становится обыденным и хорошо знакомым, и я вновь вынужден искать что-то еще.

5) Удовлетворенность: И вот я беззастенчиво устремляюсь напрямик к удовлетворенности. Я покупаю удобную мебель и комфортабельную машину. Я стремлюсь к балансу – не слишком много того,

не слишком много этого. Я занимаюсь йогой и техниками расслабления, слушаю успокаивающую музыку, принимаю горячие ванны и глотаю антидепрессанты. Я ищу покой, но мне удастся обрести лишь притупления чувств. Неужели нет пути к счастью? Неужели жизнь – бессмысленная ловушка?

б) Бессмертие: Я начинаю задумываться, хочу ли я жить отведенный мне срок. Возможно, счастье можно найти не в этой жизни, а в загробной, или, быть может, в следующей, или в той, что последует за тем? Но дело в том, что я боюсь смерти, но устал от жизни, и не могу представить себе Творца, который мог породить эту неразбериху. Если Бог и существует, размышляю я, то, должно быть, Он бог недоразумения или, быть может, бог плоских шуток. Я хочу жить вечно, но только если Он возьмет Себя в Свои божественные руки!

* * *

Несомненно, что, как человек со средней продолжительностью жизни, я до той или иной степени испытываю практически все, и если мне повезет, то найду хотя бы немного счастья – или, по крайней мере, того, что я считаю счастьем. А если не повезет, то буду отвлекаться по мере возможностей с помощью алкоголя, наркотиков, секса, азартных игр, шопинга и религии – и, возможно, мне удастся прорваться, а может быть, и нет. Но если мне исключительно повезет, если на меня снизойдет истинное благословение, то в конце всех этих ошибочных стремлений станет ясным одно: если долговечное счастье и можно найти, то не в качестве человека и не посредством человеческих усилий. Как однажды выразилась Лили Томлин, проблема со всей этой «крысиной гонкой» – в том, что даже если ты в ней победишь, то все еще будешь крысой.

А я не хочу быть крысой и даже просто человеком; меня вообще не устраивает ничего, кроме правды о моей истинной природе. Ответ на вопрос о том, как обрести то, что я хочу, оказывается гораздо более радикальным, чем я мог бы предположить. Ответ таков: у меня уже есть то, что я хочу, и оно у меня есть, потому что я не только человек, но что-то гораздо большее (и гораздо меньшее). Я это понимаю, когда смотрю *Сюда*, где нахожусь, когда разворачиваю свое внимание и *вижу*, что я – пустое Осознание, абсолютное *Ничто*, и в качестве этого – чистая вместимость для мира, который меня заполняет. И союз *Всего* с *Ничем* столь полон, столь всеобъемлющ, что я *вижу*, что являюсь и тем и другим, и хотя их два, их не разделяет даже самая малость. Это и есть *То*, Кто Я в реальности. Включая это *видение* в свою человеческую жизнь (или, скорее, включая свою человеческую жизнь в это *Видение*), я выхожу за рамки счастья и удовлетворенности и вместо этого пребываю в покое, радости и благодарности.

Вновь просматривая написанное, я обнаруживаю следующее:

1) Истинная любовь.

Это не эмоция. Истинная любовь – моя природа, ибо я вижу, что я исчезаю в вашу пользу. Не предъявляя никакого лица вашему взору, Я принимаю ваше лицо в Себя – это близость, которую нельзя познать никак иначе. Я – пространство для вас. Я не могу противостоять вам, потому что Я и есть вы. Истинная любовь безусловная, так как что бы вы собой ни являли, у Меня нет иного выбора, кроме как принять вас. Истинная любовь не претенциозна и не сентиментальна – она просто есть. Истинная любовь не приходит и не уходит. Она всегда *Здесь*, независимо от того,

обращаю я на нее внимание или нет, ибо она вечная и непреходящая. Это То, кто и есть Я.

2) Истинное богатство.

Как человек, как тот, кем я себя считаю, я никогда не могу быть богатым, ведь я – индивидуальная «вещь» в мире индивидуальных вещей, одна из многих, противопоставленная другим, навсегда от них отдельная. Самое большое, что я могу сделать, – это окружить себя вещами и назвать их «моими» (хотя можно точно так же сказать, что я – «их»), но ведь я никогда по-настоящему их не имею и ими не обладаю, потому что я отделен от них.

Для Того, Кто Я на самом деле, для чистого вместилища, идея «иметь вещи» или «обладать ими» одинаково абсурдна, ибо Я вижу, что и являюсь ими – они здесь, внутри Меня! Все едино с тем, Кто Я такой, ибо Я – вместилище всего. Кто может быть богаче? Но кто вообще может быть, чтобы быть чем-то? Я Один богат, а «меня» вовсе нет.

Я доказываю это, демонстрируя, что хотя Я и воплощаюсь в виде времени и пространства, все это находится здесь и сейчас. Протягиваясь, как веревочка, от предмета к предмету, я измеряю расстояние между ними, как имеющее длину, например, в три фута. Протягивая ту же самую веревочку от предмета *досюда*, где Я нахожусь, Я вижу, что оно равно точке. В конечном счете все мои измерения идут *отсюда* и все, что я измеряю *отсюда*, *Здесь* и находится.

Несколько лет назад я прочитал о человеке, который был слепым на протяжении более чем сорока лет, с раннего детства. Он и его жена были вне себя от радости, узнав о новой медицинской процедуре, которая могла вернуть ему зрение. Однако после операции, хотя у него больше не было никаких проблем

со зрением, этот человек стал закрывать глаза и вновь ходить с тростью, так как то, что он видел с открытыми глазами, приводило его в замешательство и ужас. Он не был знаком с визуальным измерением глубины, не мог справиться с представшим миром, там, где он находился. (Я предполагаю, что этот страх вызывался тем фактом, что он не мог визуальным различить, где заканчивался «он» и начинался «мир», что ставило под угрозу его ощущение «себя»). Хотя исход этой истории оказался болезненно разочаровывающим и для этого человека, и для его жены, я считаю, что ее ценность в том, что она показывает истину, как *Ничто* и *Все* возникают вместе. Зная это, человек может осознать иллюзии расстояния и разделения и тем самым осознать свою истинную природу, сулящую несравненные богатства.

3) Истинная власть.

Любого, кто может изобрести Вселенную и управлять ею, я бы назвал всемогущим. Таков Тот, которого я вижу *Здесь*, каждый раз, когда я *смотрю*. Не говоря уже о том, что в качестве Того, Кто Я в реальности, я совершаю бесчисленные ежедневные чудеса, перемещая горы, поднимая и опуская здания, сужая и расширяя дверные проемы и комнаты и заставляя исчезнуть (или вновь появиться) любые предметы, когда бы я того ни захотел (вы скажете, что я двигаю головой, подхожу к двери или моргаю, но для меня, в качестве Первого лица-Единственного числа, все совершенно иначе).

И, наконец, Я являюсь Единственным, Одним! Кто еще существует, чтобы Мне противостоять? Вся воля – это Моя воля, и за всю нее, за власть, которая является только Моей властью, Я несу полную ответственность. Все это возникает внутри Меня.

4) Истинное приключение.

Что может быть более захватывающим, чем видеть мир вверх ногами, поставив Землю на «не-голову» Бога? Что может быть более увлекательным, чем наблюдать, как сценка за сценкой проходит через эту *Пустоту*, как будто смотришь самое последнее панорамное кино с лучшего места в кинотеатре? Видение собственной *Пустоты*, смотрение вовнутрь вместе с тем пока смотришь наружу – все оживляет и превращает самое скучное событие в приключение. Может ли быть что-нибудь более захватывающим, чем смотрение в *Бездну*, из которой постоянно выливается эта Вселенная? Порождая Самоё Себя *Здесь* и сейчас, не имея никакого понятия, как Оно это делает, Единственное восхищается собственным творением. Это и есть Тот, Кто Я. *Видя*, я заморожен своим собственным *Неведением*. *Видя*, я вижу, что Тот, Кто Я есть, – наивысшее приключение.

5) Истинная удовлетворенность.

Ее можно обрести, разобравшись опять-таки с тем, кто же я такой. Я – не вещь, не предмет, не человек с умом-телом, с именем и визиткой, утверждающий, что он отделен от остальных людей и вещей. Вера в мою принадлежность к третьему лицу и есть корень моей неудовлетворенности – тем более что она ложна. Однако это вопрос не устранения моей принадлежности к третьему лицу (как будто кто-то может это сделать), а помещения ее туда, где ей место, – туда, вместе с остальными вещами этого мира. Ответ – в двунаправленном Видении, в том, чтобы обращать внимание на *Пустоту* в моей сердцевине, одновременно обращая внимание и на то, что происходит вокруг. Они определенно разные и вместе с тем совершенно едины. *Здесь*, в Серцевине, я всегда свободен

от неудовлетворенности, тогда как неудовлетворенность – все мысли и чувства, все возможные переживания – привязывается к объектам мира. Там я всегда вижу боль, а Здесь боль отсутствует. Хотя это правда, что мир – это Я сам, это так же правда, что он – отличен от Меня; Я являюсь одновременно Ничем и Всем, одним целым и вместе с тем всем разнообразием вещей, собой и другим в качестве Себя. Ключ к этому – в правильном местонахождении. Мыслям и чувствам не место Здесь, в Сердцевине, где им явно не к чему привязываться. Им место с тем, о чем они думаются и чувствуются, там, в мире (и в качестве мира). И поэтому я освобождаю их, позволяя им пребывать там, где им место, тогда как Здесь, в качестве Чистого Осознания, я остаюсь от них свободным. В конечном счете, все это и есть Тот, Кто Я в реальности в качестве Первого лица-Единственного числа. И не находя ничего кроме этого, никаких сил вне того, Кто Я, я вижу, что нет никаких причин для неудовлетворенности.

6) Истинное бессмертие.

Другие стареют и умирают. Я вижу, как это происходит. Но опять же, вопрос в том, похож ли я на других? Я вновь *смотрю*, чтобы ответить на этот вопрос. И Здесь я *вижу*, что не похож на других. Я вообще ни на что не похож. Здесь Я осознаю лишь осознание – осознание, осознающее осознание. Иначе говоря, осознаю, что являюсь *ничем* и что только вещи этого мира подвержены рождению и смерти, творению и разрушению. Я *смотрю* и *вижу*, что Здесь нет абсолютно ничего, что могло бы быть этому подвержено. Видеть, являюсь Я смертным или нет, – это разница между тем, чтобы смотреть на себя в качестве объекта и смотреть из Себя в качестве Субъекта. Мое тело – Вселенная, и от кварка до галактики, все,

что составляет Вселенную, непостоянно. Но Я не есть это тело; Я – непреходящая и неизменная *Пустота*, в которой возникает мое тело, – время и пространство. Зачем носить с собой концептуальный багаж «жизни после смерти», когда Тот, Кто Я на самом деле, вовсе не «жизнь»? Я предшествую жизни. Я – вместимость для нее. Мне нужно лишь посмотреть, чтобы увидеть, что Я – Пространство для жизни и смерти и всего, что может произойти до, после и между ними. И Я – это всегда сейчас, и сейчас, и сейчас. Такого рода радикальная «смерть» – видение того, что Я предшествую жизни и смерти, – позволяет мне открыться всему тому, что живет и умирает внутри Меня, полнотью быть тем, что Я воплощаю.

* * *

Видя, наблюдая за тем, что находится *Здесь*, я обнаруживаю ответ на вопрос, что же я хочу. Разобравшись с тем, кто я такой, я вижу, где совершил ошибку. А также вижу, что всю свою жизнь получал множество знаков – от деликатных намеков до недвусмысленных затрепчин, – которые говорили мне: «Просыпайся! – ты не являешься тем или этим или чем-либо вообще и у тебя уже есть все то, что ты хочешь!» Пока наконец при помощи *видящих* друзей в данном моменте не пробивается Свет, всегда совершенно по-новому.

Или, наверное, вернее было бы сказать, что этот великий дар дается мне от Меня Самого, находящегося во множестве Моих проявлений и исходящего от них.

РАЗГОВОР 3

А: Как так получается, что мы будто бы Едины и вместе с тем у нас у всех разные мысли, разные переживания и опыт, разные воспоминания? Это наводит на мысль, что мы – отдельные индивиды, которые живут отдельными жизнями.

Б: Все это видимость, все это логика относительного мышления. Вы думаете, что внешний мир действительно вне вас. Это не так. Ответ на ваш вопрос таков: образумьтесь и рассуждайте здраво. Оглянитесь и посмотрите на То, Что Вы такое. Видите ли вы то, что видите Здесь, где-нибудь еще? Видите ли вы Осознание где-нибудь еще, кроме как там, где Вы находитесь? Вы когда-нибудь видели Осознание где-нибудь еще?

А: Ну... нет, наверное, нет.

Б: Это потому, что его больше нигде и нет. Обыщите всю Вселенную, но вы никогда не найдете Осознание где-либо, кроме как там, где находитесь. Не существует такого монстра, как «миллиарды разных осознаний», есть только Одно. Все кажущиеся разными переживания находятся внутри этого Единства и, таким образом, им и являются, поэтому независимо от того, какими бы различными они ни казались, все они – Единство, переживающее Само Себя.

А: Тем не менее у нас разная внутренняя жизнь. Например, мой мозг хранит и восстанавливает в памяти другие образы воспоминаний, чем ваш мозг.

Б: Мысли, образы, воспоминания беслично появляются как часть так называемого «внешнего мира». Они не «ваши», они связаны с объектами мира. Так как вы настаиваете на том, что у вас есть мозг, я хотел бы напомнить вам, что мозг также является частью «внешнего мира». На самом деле мысли и воспоминания и есть появляющийся мир. Но То, чем являетесь Вы в качестве Чистого Осознания, находится у истоков этой деятельности. Вы осознаете мысли, воспоминания и мнимый мир. Все это появляется внутри Вас, внутри Осознания, или Единства.

А: Но откуда происходит этот внешний мир? Он же кажется таким реальным.

Б: Я думаю, что вы знаете откуда, конечно, он кажется реальным – это единственная реальность, которая есть. А теперь вы мне скажите, как проявляется *Осознающее Ничто*?

А: Посредством трех измерений пространства и одного измерения времени?

Б: Да. И в результате появляется этот обширный комплекс мнимых различий, как если бы существовали миллиарды индивидуальных историй, каждая созданная для того, чтобы привести Единое домой к Единому, каждая представляющая собой приглашение, гласящее: «Иди сюда. Смотри. Будь Тем, Кто Ты Есть на самом деле».

А: Но почему? Почему что-либо вообще появляется? Почему не просто безначальное и бесконечное темное ничто?

Б: А это действительно удивительно, не так ли? Почему кажется, что мир появляется? Как вы думаете?

А: Я появляется, чтобы познать Себя? Единое появляется в качестве Другого, чтобы узнать Себя как Единое?

Б: Я тоже так считаю. И, безусловно, это *Единое*, о котором вы говорите, – и есть Вы, Тот, Кто Вы на самом деле.

А: И Тот, Кто Я на самом деле, появляется лишь ради изумления и радости Самоузнавания?

Б: Можно и так сказать.

А: А как бы вы сказали?

Б: Бог обожает танцевать с Самим Собой.

Вся эта живность

Прямо напротив двойного забора с тремя рядами колючей проволоки живут ястребы, совы, вороны, орлы, утки, гуси, ласточки, голуби, зяблики, черные дрозды, сороки, олени, медведи, койоты, змеи, зайцы, белки, лошади, коровы, кошки и собаки. Из них только собаки находятся под замком – так же, как и мы. Обученные вынюхивать наркотики или выслеживать беглецов, они заключены в здании через дорогу от тюрьмы. Летом, когда окно моей камеры открыто, я слышу их лай, продолжающийся полночи.

Однажды я увидел белоголового орлана. Мы с приятелем гуляли по двору, когда он пикировал прямо над нашими головами. Затем он уловил восходящий поток воздуха и пошел спиралью вверх, по крайней мере, на тысячу футов. Все это время мы стояли завороженные в наших зеленых тюремных робах, будто растения, посаженные на этом поле.

Птицы, конечно, частенько появляются на территории тюрьмы, особенно вороны. Их любимое место – мусорные баки у столовой. Но они могут поймать и голубя, сидящего на крыше тюрьмы. А как-то я видел, как они выгнали зайчонка из его норы. Большие чайки с соседнего озера гоняют взрослых зайцев, но зайцы для них слишком быстроногие. Но они не столь быстрые для молчаливых филинов, которые хорошо питаются ими каждую ночь. Это виргинские филины, элегантные и мужественные,

сидящие на телеграфных столбах в сиянии огней, зажженных по внешней границе тюрьмы. Иногда они ждут часами, двигая головами с торчащими перьями вверх-вниз и из стороны в сторону, приглядываясь и прислушиваясь к тому, что может находиться даже на расстоянии мили от них. Однажды дождливым вечером одна из этих великолепных птиц приземлилась на заборе прямо у моего окна, расправила свои массивные крылья и стала трястись – я предположил, что она принимает душ после тяжелой ночи, проведенной на работе.

В округе полно койотов. Вой начинается с наступлением темноты. Я уверен в том, что они дразнят собак. Я видел, как они прогуливаются по дороге вдоль внешней границы тюрьмы так, будто она принадлежит им. Почему бы и нет? Так оно и есть!

Однако больше всего мы, заключенные, любим именно близкий контакт с живностью. Осенью, пока тарантулы еще не нашли себе жилье на зиму, они позволяют нам носить их на руках или на футболках. Весна вновь приносит ласточек, которые строят свои глиняные гнезда под карнизами на стене корпуса с камерами – там, докуда мы не можем дотянуться, а затем все лето терпят наши непрерывные хождения туда-сюда. Здесь также останавливаются одиночные летучие мыши, повисая вниз головой с трещины на стене рядом с ласточкиным гнездом или даже с нижней части самого гнезда. Эти посетители с весьма странной внешностью вызывают у ласточек любопытство, однако они никогда не кажутся потревоженными ими.

Каждый год бывают случаи спасения зайцев. Весть об этом быстро распространяется по зданию тюрьмы, и какой-то заключенный становится героем дня. Дело в том, что зайцы постоянно забираются в дырку

в задней части автомата, продающего газировку, прячутся там и иногда оказываются плененными или даже ранеными вентилятором. А после сильного ливня зайчата часто тонут в своих затопленных норах – если мы вовремя к ним не подоспеем. Однажды заключенный вытащил из-под автомата шестифутовую сосновую змею, где она, несомненно, ждала случая подкрепиться.

Возможно, некоторым может показаться странным, что заключенные проявляют такую искреннюю заботу об этих тварях, тогда как зачастую с таким пренебрежением относятся к другим людям. Но в тюрьме мировоззрение меняется. Здесь койоты и олени занимаются своими делами по ту сторону заборов; зайцы, змеи и белки с легкостью их преодолевают, а птицы, самые свободные из свободных, вообще летят куда хотят. Какой заключенный не мечтал бы стать птицей? Пусть даже на минуту!

Когда-то давно я отбывал срок в мексиканской тюрьме и все время своего пребывания там был одержим мыслью о побеге. Был готов даже рисковать жизнью, чтобы только выбраться из той дыры. Когда же я вышел оттуда, то после первичной быстро схлынувшей радости обнаружил не свободу, а постоянное ощущение разочарования. И не то чтобы я раньше не испытывал подобного разочарования, но тот раз, наверное, был первым, когда я явно ощутил, что свобода – это не место, не что-то, к чему я мог бы стремиться или с чем я мог бы столкнуться «где-то там». Но я продолжал упорствовать в своих разрушительных привычках.

Сегодня в этой тюрьме происходит то же самое. Здесь нет человека, который не считал бы, что ему будет лучше где-нибудь еще. Мне кажется, это и есть причина того, что дикие животные так очаровывают

нас и вызывают такую нежность. Свободные от всех пут, непредсказуемые, они так от нас отличаются. Конечно, и у них разыгрываются драмы. Посмотрите, например, как несколько пар ласточек соперничают за место для гнезда или за право на воздушное пространство. Но в этом, кажется, нет никаких страстей, никакого стремления быть где-либо, кроме как там, где они сейчас; или чем-либо, кроме как тем, кто они сейчас.

Один друг рассказал мне, как однажды, во время весьма удачного периода его жизни (он был классическим музыкантом), он взял и все бросил – просто взял и бросил. Ушел из своей квартиры в обеспеченном жилом квартале Манхэттена, наполненной дорогими вещами, среди которых были рояль, книги, одежда, кредитки, наличные – все, что у него было, – и ушел, понятия не имея, куда он идет и как он будет жить. Он сказал, что у него было такое чувство, будто он сбросил огромный груз, который постоянно на себе таскал. Не испытывая никакого страха перед тем, что принесет ему будущее, он внезапно ожил, гуляя вдоль Риверсайд-Драйв, чувствуя мир вокруг с остротой, которую уже давно забыл.

Подобное случилось и с моей дочерью. Она посещала Школу для Работы Байрон Кэти, десятидневный интенсивный семинар, на котором участники учились расставаться с убеждениями, которые приковывают человека к жизни, наполненной разделенностью и неудовлетворенностью. Однажды утром ее отвезли в какой-то район Лос-Анджелеса и там и оставили, без денег и документов. Все, что у нее было, – одежда, которая была на ней. По инструкции ей нельзя было говорить (можно было произнести одну или две заранее подготовленные фразы типа «Я голодна» или «Нет, спасибо») и вечером следовало достичь места встречи.

Она рассказывала потом, что больше всего ощущала свободу от обязательств, личной «истории», забот. Радуюсь только тому, что давалось ей минута за минутой, и зная, что это все, что ей нужно.

Мораль этих двух историй – не призывать к бродяжничеству, как к пропуску в свободу, а указать на тот факт, что свобода – это не что-то, что может быть приобретено, больше того или больше этого; или найдено где-то в другом месте. Она не имеет никакого отношения к этому миру. Отсутствие свободы – это наслаивание, все больше связывающее накопление идей, убеждений и «историй» с целью защитить или увеличить то ложное «я», которым мы себя считаем. Отрежьте часть этой «истории» и сразу же почувствуете себя свободнее. Отрежьте всю «историю» полностью и станьте по-детски непосредственными – как тот ястреб, летящий над нами, или как тот заяц в поле.

Невозможно, скажете вы. Верно. К счастью, нет нужды избавляться от «истории» собственного эго (как будто это возможно). Просто предоставьте ему свободу обосноваться там, где ему место, со всеми другими вещами и явлениями этого мира. Это становится очевидным, когда вы видите То, Что Вы Есть на самом деле, смотря Сюда – то есть на то, откуда вы смотрите, – и сознательно становитесь своей Светящейся пустой Природой Здесь, где нет ничего, что могло бы быть связанным, и в Которой все, что появляется, возникает и уходит в точности так, как Она желает. Это зрелость Видящего и *единственная свобода*, которая существует. И ирония в том, что за этой свободой не надо никуда идти (куда бы вы ни направились, вы уже там – иными словами, Вы никогда не сходили с места), и ради этой свободы не нужно ни от чего отказываться (все появляется в Вас, поэтому

в любом случае все Ваше). Все дело в том, чтобы *смотреть Сюда* и позволять быть тому, что *там*. И, таким образом, *видеть*, что никто и ничто не делает ни того ни другого.

Уже дважды сообщали, что на парковке для тюремного персонала видели медведей, которые бродили вокруг машин. А однажды в овраге рядом с восточной вышкой охраны видели пуму. Вся эта живность завораживает. Каждый день напоминает мне о множестве форм, которые я принимаю, при этом всегда оставаясь этой великолепной Пустотой. Это такая радость, смотреть, как эти черные вороны творят свою черную магию! Какая честь, эти визиты зайцев и белок!

Сегодня свирепый ветер. Он взбивает облака оранжевой пыли с окрестных полей. И прямо в гуще грозного порыва – голуби, огромная стая, ныряющие, выписывающие виражи и парящие в поразительной демонстрации синхронизированной акробатики. Кто бы мог подумать, голуби! И не по какой-то там причине, просто так, ради забавы.

Вся эта живность! Разве это не любовный роман впечатляющих масштабов?

ГОРЫ И РЕКИ

Такое ощущение, что чем больше открытий делает наука о мире, тем меньше места для загадки и благоговения перед ним, так что на своем самом фундаментальном уровне он превратился в своего рода космический суп из неразумных частиц и бессмысленной энергии; в неодушевленную машину, по большей части непостижимую, которую, однако, необходимо понять, но в результате лишенную звуков, красок и красоты – лишь немногие из тех качеств, которые сегодня приписываются мозгу наблюдателя.

Чем глубже в своих исследованиях проникает наука в великой попытке понять материальный мир, тем абсурднее становятся ее версии. Несмотря на «Большой взрыв» и «черные дыры» (не говоря уже о квантовой механике), на личностном уровне остается, к примеру, смущающая ум (как может подтвердить невролог) проблема доказательства того, что внешний мир вообще существует.

Попросту говоря, версия науки звучит так: мозг постоянно получает множество сигналов от клеток-рецепторов по всему телу. Эти сигналы появляются в виде химических «вспышек», превращаются в электрические заряды и посредством нервных клеток достигают мозга, где превращаются в более сложные конфигурации электрохимической активности – я «вижу» свою пишущую машинку, «слышу» стук по клавишам, «ощущаю» клавиатуру. Но как это

возможно? Нигде во всей этой мозговой активности нет электрохимических «зажиганий» в форме пишущей машинки. Мозг каким-то образом создал пишущую машинку из всего сложного (и, по-видимому, случайного) расположения явлений, происходящих в нем, как если бы мне снился сон. Фактически все, что можно сказать, – вспышка электрохимической активности сообщает о вспышке электрохимической активности. Согласно версии самой же науки, нет никаких доказательств внешнего мира, так как все происходит в мозге!

Или давайте рассмотрим другую точку зрения, предположив, что наука права и мир все-таки существует. Согласно науке, вся материя состоит из субатомных частиц, в равной степени определенных как энергия, вибрирующая в пустом пространстве. Учитывая, что мой мозг также является частью «всей этой материи», где же находится это «я» и где находится этот «мир», и что поддерживает связь между ними? В своей основе мы имеем энергию, вибрирующую в пространстве и взаимодействующую посредством энергии, вибрирующей в пространстве, от энергии, вибрирующей в пространстве. Разве не было бы столь же верным заявить, что никто ни с чем не взаимодействует, и признаться, что «энергия, вибрирующая в пространстве» – это часть всей этой «истории», сон, приводящий к неполной (если не сказать неудачной) попытке объяснить «материальный мир»?

Любопытно, что, несмотря на огромные достижения в области технологий и стремительное развитие неврологии, никто еще не предложил жизнеспособного объяснения того, как мозг вырабатывает осознание. Никто даже не знает, что такое осознание. Все, что может сделать наука, – это его свидетельствовать. Более того, как так получилось, что эти

субатомные частицы, эта вибрирующая в пространстве энергия только что придумала это предложение о самой себе? Смешно ведь, что редуционная наука, флагман материализма, время от времени проявляет какой-нибудь очень не материалистичный аспект самой себя, стучась в дверь своего дома и обнаруживая, что она уже внутри!

Как выясняется, в неспособности науки объяснить осознание или то, где оно зарождается, вовсе нет ничего странного. Наука – это изучение «вещей», а осознание – не вещь, и не производится вещью. Также нет ничего странного в неспособности обнаружить наблюдателя. Столкнувшись с проблемой постоянства скорости света, Эйнштейн перевернул научный мир с ног на голову, заявив, что время и пространство относительны. Дело также не в том, что осознание можно найти в материальном, а материальное – все материальное – можно найти в осознании (о чем на протяжении тысячелетий говорили разные мудрецы). В реальности нет такой вещи, как «восприятие», ибо это не что-то, что находится здесь, что получает сигналы от чего-то, находящегося там. Все, что есть, является осознанием, и все, что появляется, появляется в нем просто как функция осознания.

Также вовсе не трудно проверить эту радикальную смену парадигмы на собственном опыте. Это можно увидеть. *Смотря сюда*, смотря вовнутрь, я не вижу ничего, что стояло бы на пути у происходящего, окружающей обстановки, которая немедленно и полностью меня захватывает. Я не вижу *Здесь* никакого человека, никакой вещи, только Пустоту, которая шире всего мира, которая присутствует и осознает сама себя. Это, несомненно, тот, кто и есть Я. И так как Я на сто процентов пустой, у Меня нет выбора,

кроме как стать на сто процентов наполненным. Поэтому Я являюсь *Пустотой-Наполненностью, Ничем-Всем, Небытием-Бытием*.

Это истинное видение; видение вещей такими, какие они есть, ибо вопреки тому, что наука говорит мне о мире объектов (о мире, в котором наука преуспевает), Я, который являюсь Субъектом, вижу только Субъект (и его мир). Здесь нет рецепторов и нет ничего, что бы принималось; нет никакого мозга и нечего перерабатывать; нет ни наблюдателя, ни наблюдаемого объекта; нет ничего, что стояло бы на пути этих красок, звуков, вкусов и запахов, а также сопутствующих им мыслей и чувств. И это не вопрос видения, слышания, обоняния или ощущения на вкус. Кто *Здесь* есть, кто мог бы видеть и слышать, что есть *там*, что можно было бы понюхать или попробовать на вкус? Все возникает мгновенно, в точности таким, как оно есть, это просто данность. Нет никаких посредников. Ничто не стоит на пути, даже время и пространство. Поэтому не Я в мире, а мир – во Мне. Поэтому осознание не найти в материи, а материю – в осознании. Никогда не было иначе. Так было всегда.

В «Алмазной Сутре» Будда предлагает несколько вариантов того, что называли «формулой Будды». По сути она звучит так: «Все вещи существуют; их не существует; таким образом, они существуют». Эта мысль отражается и в трех уровнях понимания в буддизме. На пути к просветлению человек проходит три этапа.

1) Он видит горы и реки как горы и реки (мир воспринимается как реальный; субъект видит объекты).

2) Затем, когда он увидел пустоту и, таким образом, иллюзорную природу всех вещей, он уже больше

не видит горы и реки как горы и реки (объекты воспринимаются лишь как внешности субъекта).

3) И, наконец, наступает просветление – он вновь видит горы и реки как горы и реки (непосредственное восприятие; субъект и объект видятся как необособленные).

Именно последняя стадия* описывает пробужденное *видение*, ибо больше нет двойственности видящего и того, что он видит. Все просто есть так, как есть. Нет никакой другой реальности вне того, что проявляется. Поэтому нет никакой разницы между нирваной и самсарой, и на место нашего «я» приходит мир во всем его буйном великолепии, точно таким, как он предстает. Я и есть этот мир, и я также *ничто*. Это «чистое» восприятие вызвало следующие строки переживших его на собственном опыте:

«Ни в коем случае не делайте разницы между миром абсолютным и миром чувств».

Хуанбо

«Явления реальны, когда воспринимаются как Я, но иллюзорны, когда воспринимаются отдельными от Я.

Рамана Махарши

«Если мы достигли просветления, то иллюзорное становится реальностью, так что никакой другой реальности не остается».

Фацзан

«Весь путь в Рай и есть Рай».

Екатерина Сиенская

* Конечная стадия – это не процесс, требующий времени. Она мгновенна, абсолютно безвременна; ее сравнивают с прыжком в пропасть. Но я думаю, дело тут не в пропасти; скорее, это вновь «горы и реки», которые теперь видятся как ум Будды, Брахман, Абсолют, Бог, Я.

ПРОЩЕНИЕ

Большую часть своей взрослой жизни на свободе я был преступником – и не таким, которых идеализируют голливудские фильмы. Порой я был худшим из худших. У меня нет оправдания такого рода поведению. Мне бы хотелось, чтобы оно у меня было, тогда эта ложь могла бы помочь мне смириться с самим собой. Мне трудно вообразить, сколько горя я принес людям. Все, на что я могу надеяться, – это хоть как-то уменьшить свои муки раскаяния. Но, не смотря ни на что, вот оно, осмысление моего прошлого, которое требует, по крайней мере (вдобавок к наказанию и общественному презрению и от них независимо), чтобы я взял за него ответственность.

Как это принять? Как нести груз собственного позора или груз страданий, которые я принес другим? Я вовсе не ожидаю, что кто-нибудь простит меня. Но за все эти годы одно стало понятно: чтобы положить конец циклу преступлений, которые я совершил по отношению к другим, я должен найти способ простить себя.

Вэй У Вэй однажды написал: «Винить человека за то, что он „делает“, – по логике то же самое, что винить дверь, если она хлопает, или предмет, если он падает вам на ногу». Тони Парсонс описывает это так: «Это не вопрос того, что хорошо, а что плохо. Мы видим, что мнимая сущность – всего лишь персонаж из сна в романе, который проживается божественной

энергией, которая и есть все, что есть. У этой мнимой сущности есть определенные предрасположенности и характеристики, и те решения, которые она принимает, вызываются обусловленностью и историей этого персонажа». И опять же он заявляет: «Вы никоим образом не несете ответственность за кого-либо или что-либо. Там нет никого – и никогда не было никого, – кто мог бы взять на себя ответственность».

Это кажется слишком легкомысленным? Сомневаюсь, что на планете найдется больше горстки людей, которые, прочитав мое досье преступника, согласятся с Вэй У Вэем или Тони Парсонсом. И несмотря на то что я хотел бы включить себя в эту горстку и избавиться от этого изнуряющего чувства вины, я нахожу, что поверить в это трудно. Но следует себе напоминать, что истинное прощение не всегда имеет отношение к тому, что социально приемлемо, и если я ищущу Истину, мне следует идти дальше.

Случаются и пробы. Например, я обнаружил, что чувство вины и стыда, с их спутниками гневом и деспотичностью, весьма способствуют укоренению моего чувства «я» – как четыре всадника, одержимые разрушением, они несутся вместе под знаменем «маленького я». Кем бы я был без стыда или его компенсирующего спутника, гнева? Как бы я выжил без этих защитных масок?

Даже когда я делаю что-то хорошее для других, у меня есть ощущение того, что что-то не так; мои мотивы кажутся запятнанными эгоизмом. Как часто хотелось оставить позади всю эту фальшь! Просто спрыгнуть с этой скалы эгоизма и покончить с этим! Но что потом?

Слышал, что индийский мудрец Баба Муктананда сказал: «Не бойтесь потерять самого себя, я вас поймаю». И практически все пробужденные говорят, что

моя истинная природа – это радость и внутренний покой и что выход за пределы обусловленных моделей разделения ведет не к гибели, а к вечной жизни. Отлично – я, бесспорно, предпочту радость и внутренний покой стыду. Но как отбросить одно и взять другое? Я, конечно, все уже перепробовал. Или я полностью потерян для себя и для мира, или сделать это просто невозможно.

Соглашусь с последним. Как бы мне ни нравилось думать, что главный здесь я (хотя и проваливаю это дело), придется нехотя согласиться с Вэй У Вэем и Тони Парсонсом (и со многими другими) и признать, что я – продукт собственной обусловленности. Если я чему-то и научился за эти 20 лет, так это тому, что я не могу радикально изменить это «маленькое я» – по крайней мере, не с позиции «маленького я». Но остается проблема: я не могу просто так отбросить свою ответственность. Я виноват и признаю это. Я ответствен за весь этот бедлам, в котором нахожусь, и за беды бог знает скольких людей. Кажется, я застрял в своей человечности с львиной долей человеческих недостатков!

Но не все потеряно. Вновь вернусь к вопросу, кто же я такой. Кто же я на самом деле? Являюсь ли я тем, что видят другие, этим человеком с недостатками, которых хватит больше чем на одного, этим человеком с преступным прошлым и сомнительным будущим? В качестве третьего лица-множественного числа (множественного, ибо, как и большинство людей, в разных ситуациях я бывал разными личностями), я согласился с тем, что то, что появляется, – продукт не только «моего» прошлого, но также прошлого всей Вселенной. Ибо эта конкретная человеческая форма с именем и определенными характеристиками – всего лишь частная внешность в бесконечной

сети внешностей и как таковая не имеет и никогда не имела никакого выбора. «Мое» обусловленное поведение видится как результат бесчисленного числа причин – субатомных, атомных, молекулярных, клеточных, социальных, планетарных, солнечных и галактических, возникающих взаимозависимо и берущих свое начало в начале времен. На самом деле никого нет – никакой отдельной сущности, – поэтому некого прощать. Нет никакого «я», кроме скопления мыслей, некоей «истории». Если и можно приписать какой-то смысл явлениям, окружающим предположительное существование этого «я», которое я называю собой, то можно сказать, что этот смысл состоит в призыве вернуться Домой, пробудиться и глубоко осознать, Кто или Что Я Есть на самом деле.

Тони Парсонс цитирует книгу Мориса Николла «Новый человек». Автор (Николл) объясняет, что слово «раскаиваться» не означает «проявлять сожаление из-за своих грехов и клясться больше никогда не грешить». На родном языке Христа это слово означает «повернуться на 180° и увидеть все заново».

И что же я вижу, когда поворачиваю свое внимание на 180° в том месте, откуда я обычно смотрю? Я вижу, что ничем не похож на то, чем являюсь по мнению других. Обращая внимание на *прямо Здесь*, я не вижу ничего, но это *ничего* не похоже на то, что я видел раньше. Это *Ничто* осознающе, безгранично, всегда *Здесь* и бесспорно является Тем, Кто Я Есть. Однако оно не является никакой сущностью, ничем, чему я мог бы приписать какое-то имя или прошлое. Проще говоря, Я – Пустота, осознающая свою пустотность.

Все это прекрасно, но какое это имеет значение? Ведь разве я уже не разрешил проблему вины? Или у меня теперь есть в два раза больше поводов вздохнуть с облегчением? Как это должно быть

просто – учитывая, что *там* я всего лишь внешность, а *Здесь* я вообще ничто, – в любом случае, кого винить? Так почему бы не снять с себя всю ответственность за прошлое и за все те страдания, которые я доставил другим?

И все же у меня тяжело на сердце. Чего-то не хватает. Я исследовал этот вопрос, но, возможно, недостаточно глубоко.

И вот я снова смотрю... вниз, ниже, ниже, к самому дну мира, и к краю Земли – к скале – прямо у меня под грудью... и дальше, падаю в Бездну, в эту пустую и пробужденную основу моего бытия. Весь мир находится «наверху» и «там», тогда как *Здесь* только тишина и недвижимость. Безусловно, *Здесь* есть покой, и удовлетворенность, и свобода от всего, что там...

Но погодите! Все, что есть *там*, есть и *Здесь*! Оно взрывается вверх, все выше и выше от этого пустого Источника, зарождааясь *Здесь* (и никогда по-настоящему его не покидая). Все в качестве как *Ничто*, так и *Всего*, в качестве Того, Кто Я!

Да, конечно, я опять увидел лишь половину! *Здесь* невозможно «снять с себя всю ответственность» за все это, так как Я всем этим и являюсь, чем бы оно ни было. В качестве этой широкой-широкой Основы всего бытия Я сам все это придумал и, таким образом, несу за все это ответственность, в том числе за радость и печаль, красоту и ужас, свет и тьму, верх и низ, без суммы которых не было бы никакого мира! Это то, чем является мир, и он появляется *Отсюда* и, что самое удивительное, без кого-либо, кто бы это делал! Нет, это не уход от ответственности, это *Ответственность* с большой буквы. В качестве Того, Кто Я – и *Ничто*, и *Все* – Я беру на Себя все насилие, порочность и страдание (а также покой, красоту и радость) творения, ибо Я сам и создаю его в качестве

Того, Кто Я. Ибо эта Сущность не просто пуста, она пуста для того, чтобы быть наполненной. Это, очевиднее всего, пустота, проявляющаяся внутри Себя; *Ничто*, проявляющееся в виде вещей.

И поэтому Я *смотрю*; Я вытягиваю Свои огромные руки и держу весь мир, появляющийся во Мне, весь мир, которым Я являюсь. Поразительным образом Я случился, и Я случился как *Ничто*, наполненное всеми вещами.

То есть в качестве того, кем я думал, что являюсь, – в качестве человека, который никогда не бывает больше чем одним из Моих частных обликов, я прощен. То, что по-настоящему принимается, превосходит-ся. Мой грех состоял в том, что я заменял этим маленьким эгоцентрическим «я» то *ноль-центрическое*, всеобъемлющее Я, которым являюсь в реальности. Таким образом, я вижу, что нужно не избавляться от чувства вины, а помещать его туда, где ему место, а затем полностью позволять ему быть *Здесь*, в свете Любви. То, что я нахожу, когда смотрю *Сюда*, мгновенно объясняет и приветствует чувство стыда, вины и всепроникающее ощущение беспомощности, которыми «маленькое я» слишком долго упивалось. Действительно, тот, кем я себя считал, бессилен, это винтик в огромном колесе самсары. Тот, Кто Я на самом деле, – его полная противоположность и ответствен за все, в том числе и за эти слезы раскаяния, которые текут из этого Источника.

Несколько замечаний:

1. Как человек, которым я себя считал, я искал счастье и избегал боли (даже будучи тем невротиком, которым стал). Как То, Кто Я на самом деле, Я вижу, что все счастье и вся боль находятся внутри Меня. Как я могу искать одного из них и игнорировать другого?

2. Как у человека, мои проблемы бесконечны. Я не могу исправить себя или искупить свою вину на человеческом уровне. Мои проблемы трансформируются только на уровне Того, Кто Я в реальности. И видение этого Источника и пребывание им – не простое решение, учитывая то, какая глубокая приверженность необходима этому делу. *Видеть*, Кто Я на самом деле, – простейшая вещь на Земле; *жить* из Того, Кто Я на самом деле, – совсем другое дело.

3. В этой тюрьме полно разных грустных историй и, несомненно, их еще больше за пределами тюрьмы – это истории жертв преступлений. У меня разрывается сердце, когда я вижу, Кто Я на самом деле, потому что в качестве этого Первого лица-Единственного числа Я не могу это от Себя отогнать – Я исчезаю в пользу всего, что есть. В том числе и в пользу этой криминальной истории третьего лица, на которой стоит мое имя и номер.

4. Как я могу не сочувствовать другим, всем жертвам повсюду, когда я знаю, что они – то же, что и я в своей сердцевине? Это больше чем просто сопереживать кому-то другому; это значит быть им. Разве это не клятва бодхисаттвы «спасти всех живых существ»? Или прощение Христом грехов, всех грехов?

5. По-настоящему видя, Кто Я на самом деле, я вижу огромную разницу между обвинениями и ответственностью. Винить других или себя (и создавать чувство вины) – значит упрочивать невежество в попытке поддерживать ложное «я» и игнорировать истинную природу. Подобным образом, осознание того, что как у личности у меня нет выбора, – лишь частичная точка зрения, и она не оправдание для уклонения от ответственности. Только в полном осознании *Ничто* и *Всего* я прихожу к истине об ответственности –

ПРОЩЕНИЕ

Здесь все концепции остаются позади и сияет только лишь бессловесный Свет прощения.

6. Прошое, мир в том виде, в каком я его знал, не находится где-то во времени или пространстве – он *Здесь*, в Осознавании, и он *здесь* сейчас, чтобы Тот, Кто Я Есть, поприветствовал его и взял за него ответственность и, таким образом, трансформировал его.

ЛЮБОВЬ

Когда родилась моя дочь, я стоял в родильной палате в больничном халате и сходил с ума от обожания, как будто бы Сама Госпожа Богиня родилась в той комнате и унесла мою душу на небеса с самым сладкозвучным из криков.

Однако как часто мы падаем, опять и опять. Большую часть ее жизни меня не было рядом. «Работа» и куча других неизбежных дел – сплошные оправдания – мешали мне быть заботливым отцом, любить ее. Однако она по-своему справилась с этим – сначала медленно, а затем мгновенно, благодаря Видению. Правду сказать, именно она в недавнем письме напомнила мне, как прошлое вбирается в этот Свет Присутствия, раскрывая, что все происходящее было лишь для Любви. Это «знание», как она его называет, и было тем, что исцелило ее от страдания, когда она скучала по умершему брату, и тем, что продолжает до сих пор заживлять раны ее странного и зачастую нелегкого детства.

Сейчас она работает на двух работах, оплачивает ежемесячные счета, после которых мало что остается, и заботится о своей дочери. Иногда она мечтает о будущем и вынашивает планы, которые не осуществляются. Но чаще всего я слышу, как она говорит о том, чтобы пребывать и жить в качестве того, *что есть*. В одном из своих писем она сказала: «Я не являюсь ни своим прошлым, ни своим будущим. Все

это стремление стать богатым и искушенным, идея того, что счастье и удовлетворенность находятся *там* и что их надо завоевать, – такая ерунда. Я просто есть, прямо *Здесь*».

Когда она была маленькой и ей было не больше трех лет, мы сидели летом на крыльце и говорили о жизни. Помню, как я у нее спросил: «Как ты думаешь, что все это такое?» – указывая, как мог, на Вселенную – взмахом руки. Она сразу же ответила: «Коробка!» Я поразился этому, но вскоре добавил: «А что, как ты думаешь, находится за пределами этой коробки?» И она сказала с таким выражением, что, мол, я-то уж должен это знать: «Еще одна коробка!» С тех пор фраза «Больше, чем все коробки» – это наш способ сказать друг другу и «здравствуй» и «до свидания» и все, что можно сказать касательно связи между родителем и ребенком. Однако только недавно до нас дошел истинный смысл – Любовь больше всех коробок, всей иерархии коробок; эта невыразимая Вместимость и все ее содержимое и есть то, что есть мы, – Любовь.

В прошлые выходные я просмотрел стопку ее писем больше чем за два года. Когда я ей об этом сказал, она спросила, не заметил ли я каких-либо изменений. Это любопытное последствие пробуждения к Тому, Кто Вы в реальности, – другим легче заметить изменения, чем вам самому. Ведь то, что находится *Здесь*, с чем мы себя отождествляем, то, что мы есть, – это *Ничто* (неизменное *Ничто*). Тогда как то, проявляющееся *там*, – постоянно меняющийся мир непостоянных форм. Можно говорить об изменениях *там*, однако, скажу вам, *Здесь* ничто не меняется, даже само изменение. Как она изменилась? Вот что она написала: «Все приходит и уходит так стремительно. События. Мысли. Чувства. Настроения. Единственная

константа – *Это*. Я знаю *Это* и нахожу в своей жизни покой, так как несмотря ни на что, *Это* никогда не меняется».

В конце концов, кто мы такие без нашей личной «истории», без нашего прошлого и будущего, без кино, в котором мы думаем, что принимаем участие? Познав себя как *Пустоту-Наполненность*, даже жизнь и смерть мы видим как просто очередную историю.

Однажды, когда она была еще совсем маленькой, с широко раскрытыми от удивления глазами, мы с ней посетили Диснейленд. При входе в дом с привидениями была комната, в которой столпились посетители, ожидая экскурсию. Когда люди вошли и двери закрылись – нас там, наверное, было человек 25 или 30, – стены комнаты начали загадочным образом вытягиваться вверх и наступила зловещая тишина. И вдруг моя дочь спросила так, что слышали все: «Мы здесь умираем, папа?»

Все расхохотались. Настроение изменилось, и внезапно – по крайней мере для меня – дом с привидениями стал домом смеха. Я до сих пор смеюсь, вспоминая тот случай, и смеюсь каждый раз, когда ловлю себя на мысли о смерти. Для Того, Кто никогда не был рожден, смерть – лишь еще одна «история», часть этого удивительного парка чудес, который мы называем жизнью. На прошлой неделе она написала: «Я больше не знаю, к какой категории себя относить. Я деловая женщина или мама? Я преуспевающая или неудачница? Я „вполне себе“ или полный псих? Я не знаю, что к этой истории прибавить и что от нее отнять, так как все это – лишь история».

Прошлым летом она слетала в Англию, чтобы встретиться с Дугласом Хардингом и посетить Собрание Безголовых, на котором она выступила. Когда они встретились впервые, Дуглас открыто плакал,

как, впрочем, и она. Он сказал, что у нее есть «дар слез», и я с ним согласен. Но я бы добавил, что у нее есть дар Любви, дар, преподнесенный и ей, и всему миру Дугласом Хардингом и всеми, кто живет из этого Света *Источника*, из того, Кто Мы на самом деле. Не делиться этим с другими невозможно, так как выясняется, что нет того, кто мог бы этим не делиться. Это просто Любовь, которая протягивает руку и находит только Себя.

Итак, я могу сказать, что она совершила самое важное в жизни путешествие. Она пришла от тюрьмы своих мыслей к свободе *Источника*, от заблуждения того, что она всего лишь человек, к реальности того, что она – *Ничто и Все*. И, тем не менее, она никуда не уходила, ведь даже заблуждения – это игра *Того*, Кто Она на самом деле, *Источника*, который всегда там был. Идея о том, что мы пробуждаемся и пребываем в состоянии полного блаженства, – ерунда. Ограниченность случается. Это не вопрос выбора, – кто существует отдельно от *Источника*, чтобы выбирать? Нет никого, кто мог бы стремиться к какому-либо состоянию, так как сам *Источник* является всеми ими. Возможно, единственная разница между *Видящим* и видящим сон в том, что *Видящий* знает, что видит сон, и именно это играет во сне определяющую роль. Она видит, Кто Она на самом деле, и это включает в себя все, как оно есть и как было всегда.

Когда она недавно навещала меня в тюрьме, я сказал ей, что для меня она всегда останется такой же прекрасной, живой и наивной, какой она была в трехлетнем возрасте, – наверное, каждый родитель в какой-то степени смотрит так на своего ребенка, даже когда ребенок вырос и сам уже стал родителем. И каждый раз, когда я оглядываюсь и *смотрю* на то, из чего я смотрю, я также *вижу*, Кто на самом деле

Она, и внезапно обычное становится поразительно необычным! Она, я, все мы являемся этой светящейся и пробужденной *Пустотой*, в которой и из которой возникает эта великая игра Любви. Индийский мудрец Нисаргадатта Махарадж сказал: «Мудрость видит, что я – ничто; Любовь видит, что я – все». И они навеки едины – только *Это*, только *Это*.

Посмотрите!

Я

Весьма необычайным образом мне удалось проделать путь от себялюбия к Себялюбию, с коротким периодом самоотверженности между. Если точнее, самоотверженность продолжается, однако часто она уходит на задний план, в качестве фундамента для этого бескрайнего пространства, которым, как выяснилось, я являюсь. И как ни странно – как ни удивительно – я вижу связь между этими двумя. Тот, Кто Я в качестве *Ничто* возникает вместе с Тем, Кто Я в качестве *Всего* в виде альянса Любви. Как такое возможно, если я ясно вижу, что в качестве *Ничто* и *Всего* я единичен (и даже не «единичен»); что нет никакого «другого», с которым можно быть в каких-либо отношениях?

У меня нет ответа на этот вопрос. Я могу лишь сказать, что движение очевидно происходит и что это движение определяет то, что я называю «отношениями» между моей недвижимой Сердцевиной и активной Периферией, между тем, Кто Я, и тем, Кто Я такой. Я танцую Сам с Собой и понятия не имею, как и зачем.

Таким образом, я безнадежно Себялюбив. Все, что Я делаю, Я делаю с Собой и для Себя. Я вижу только Себя и разговариваю только с Собой; все, что я слышу, до чего дотрагиваюсь и что я пробую на вкус, есть не кто иной, как Тот, Кто Я. Это нелепо, но куда бы я ни отправился, я путешествую через Себя и возвращаюсь точно туда, откуда и начинал свой путь,

то есть *Сюда*. Может ли что-нибудь еще быть столь же смешным!

Да, будучи добрым малым, я смешу Самого Себя до упаду, увлеченный этой невероятно забавной игрой в прятки, в которой негде прятаться и некого искать. А бывает, я внезапно лью слезы из-за соседа, который о чем-то горюет, или из-за чьей-то трагедии, произошедшей в моих отдаленных областях и принесенной Домой электронными средствами связи. Я двигаюсь, перемещаюсь, Я постоянно являюсь Вместимостью для множества Моих ликов. Я – и представление, и все актеры. Я возникаю в отношениях, ибо Я – Человек и Человечество, Клетка и Жизнь, Молекула и Земля, Атом и Солнце, Кварк и Галактика, вместительное Ничто и Все Всего. Всегда, всегда Я – эта *Пустотность-Наполненность* в их вечном союзе, наивысшая Пара из всех Моих пар, *всегда и никогда*. Я – это вы.

Эпилог. НЕ В ТЮРЬМЕ

Весной 2003 г. я получил статью, написанную человеком, который провел в тюрьме более двадцати лет. Джей Амбершел прочитал эссе одного моего друга, философа и духовного учителя Дугласа Хардинга, и, следуя его инструкциям, увидел, Кто Он Есть на самом деле. (Хардинг, скончавшийся в 2007 г. за месяц до своего 98-летия, – автор многих книг, в том числе и ставшей классикой «Жизни без головы», впервые опубликованной в 1961 г. – книги о его собственном духовном пробуждении.)

Я должен был в том году проводить семинары на тему безголовости недалеко от того места, где находился Амбершел, и мне пришла в голову идея навестить его в тюрьме.

Вслед за этой мыслью пришла другая: «Ты, наверное, спятил, Ричард, – думаешь поехать в эту незнакомую тюрьму в другой стране, чтобы увидеться с человеком, с которым ты не знаком. Оставь эту затею!»

Но через секунду я вспомнил отрывок, написанный Жаном Пьером де Коссадом, французским иезуитом восемнадцатого века, чье собрание писем и эссе «Отдача себя божественному провидению» – одна из моих любимых книг. Дуглас Хардинг впервые познакомил меня с работами Коссада еще в начале 1970-х, и на протяжении всех этих лет мы часто о нем говорили. Я вспомнил абзац, в котором Коссад призывал читателя серьезно относиться к явно необычным

мыслям, которые время от времени приходят в голову, доверять им и действовать в соответствии с ними. Эта мысль как раз такой и казалась. Я почувствовал, что должен ее осуществить.

Я узнал номер телефона «исправительного учреждения» Амбершела в справочной службе и, немного волнуясь, позвонил. Поговорив с несколькими людьми, я наконец связался с нужным инспектором и сообщил ему свой номер паспорта и другие детали – в целях безопасности. Из разговора я узнал, что смогу посетить его только в выходные, и, меняя на ходу свое расписание, назначил дату и время посещения Амбершела.

В конце августа я прилетел в ближайший к месту заключения город, взял напрокат машину, три часа ехал по незнакомой местности и прибыл к приемной тюрьмы после обеда. Меня попросили отнести все содержимое моих карманов обратно в машину. Все, что я мог взять с собой, – это пластиковую карточку, выданную мне в приемной, чтобы я мог купить себе в тюрьме попить; документ, дающий мне право на посещение заключенного, и круглый металлический номерок, на который я обменял ключи от своей машины. После короткого ожидания меня и нескольких других посетителей подвезли на автобусе к одному из тюремных корпусов. Зарегистрировавшись, я прошел две раздвижные двери – первая за мной запиралась, прежде чем открывалась другая, – и оказался в так называемом «кафетерии». Здесь были десятки маленьких столиков, где заключенные – только мужчины, одетые в зеленые одежды, – сидели со своими друзьями или родственниками. Вдоль одной стены стояли автоматы по продаже газировки. Я подошел к столику, за которым сидели две женщины – тюремные надзиратели, наблюдающие за происходящим, –

и представился. Они направили меня к пронумерованному столику, за которым я и стал ждать, пока Джея Амбершела вызовут из камеры.

Я ждал около четверти часа. Вокруг было странное зрелище – по крайней мере, для меня. Заключенные сидели вместе со своими женами, подругами, матерями, отцами, детьми; болтали, пили газировку, играли в карты. Я смотрел и не мог представить себе, какие чувства бушуют у них внутри. Там находилось около тридцати или более человек. В дальнем конце комнаты была металлическая дверь, которая, как я понял, вела в другую часть тюрьмы. Время от времени через эту дверь в «кафетерий» входил заключенный, и я присматривался, не это ли Джей Амбершел? Несколько раз это оказывался не он, – эти мужчины не обращали на меня никакого внимания и направлялись к другим посетителям за другими столиками. Должен признаться, что пару раз я испытал облегчение, убедившись, что это не Амбершел, чувствуя между этими людьми и собой серьезные расхождения во взглядах. Но кто знает? Это были поверхностные первые впечатления. Я осознал, что осуждаю других, и попытался расслабиться, готовясь к тому, чтобы встретиться с кем угодно, с тем, кто сядет рядом со мной. И тут вошел еще один человек, переговорил с двумя тюремными надзирателями, посмотрел в направлении моего столика и подошел ко мне. Это был Джей.

Он мне сразу понравился. Ему было около шестидесяти лет, у него были седые волосы и доброе, открытое лицо. Я встал, пожал ему руку, и мы сели за маленький квадратный столик.

Сначала поболтали о том о сем, но уже скоро перешли к тому, что действительно интересовало нас обоих, – к Тому, Кто Мы на самом деле.

Я спросил, как долго он пробудет в тюрьме. «Наверное, до конца своей жизни», – ответил он. Однако на протяжении всей нашей встречи я не заметил в нем ни намека на жалость к себе. На самом деле было верно прямо противоположное – я ощущал в нем тихую радость и покой.

Когда я прочитал его заметки, было такое ощущение, что Бог – который на самом глубинном уровне является мною самим и вместе с тем абсолютно отдельным от меня и выше моего понимания – таинственным образом позвал меня из этой тюрьмы. Я ощущал, что меня позвал кто-то другой, который одновременно является мною, и я хотел познакомиться с той частью меня в этом человеке. Мне было любопытно посмотреть, каков он. И я хотел поговорить с ним о том, что было, как я догадывался, одинаково дорого нам обоим.

Я также знаю, как замечательно иметь друзей, которые ценят этот прямой путь *Домой* – «путь Хардинга», как Джей назвал его в своей заметке, – и хотел не только еще одного *видящего* друга, но чтобы и у него он тоже появился – в моем лице. Дружба *видящих* глубже того, что можно выразить словами. Вы сознательно делитесь неделимым бытием. Это прекрасно и изумительно. Вас двое, но вы – Одно. Какая загадка! Когда же вас разделяет расстояние, вы все еще можете видеть бытие другого – и быть им – прямо здесь, где находитесь.

И когда мы готовы смотреть и слушать, друзья часто могут вдохновлять и учить нас. Наверное, это одна из причин, по которой Бог создал «других», – исследовать как можно большими путями удивительное чудо Бытия. И когда есть «другие», которые в то же время являются *Нами Самими*, становится возможной

такая любовь, которая не была бы возможна, если бы всегда оставался только один.

Во время нашей встречи я заметил, что два-три раза глаза Джея наполнялись слезами. Он был тронут моим присутствием в этой комнате – тем фактом, что я проехал столько миль, чтобы увидеться с ним. Но его тронуло не только то, что я взял на себя труд его навестить, но красота и бездонная глубина того, что мы с ним разделяли. И он был изумлен, как и я, тем, как просто *видеть* свое «не-лицо». «Это так просто! – воскликнул он. Наверное, оно и должно быть таким простым!»

Мне кажется замечательным иметь возможность описать *видение* Того, Кто Мы в реальности, простым «физическим» языком. Сидя за столиком, мы с легкостью говорили о том, как быть «лицом к „не-лицу“», каково это смотреть из нашего «единственного глаза», быть «вместимостью» для тюрьмы, быть недвижимым, в то время как места и люди появляются и исчезают в нашей недвижимости. И мы оба согласились, что это удивительно – иметь возможность указывать пальцем на То, Кто Мы на самом деле. Кто бы мог подумать, что можно указать прямо на Бога!

Мы также восхищались загадкой и невозможностью Бытия, создающего само Себя, и немели от удивления, когда осознали, что само-создание Источника – это Наше достижение *Здесь* и сейчас. Создавать себя из чего-то, что меньше, чем ничто, понятия не имея о том, как мы это делаем! Без каких-либо приготовлений или намерений! И все происходившее в тюремном «кафетерии» было разворачиванием нашего собственного бытия! Сколь творческие мы натуры! С точки зрения всех остальных в «кафетерии», мы были двумя мужчинами, беседующими друг с другом. И вместе с тем каждый из нас осознанно вмещал

в себя «кафетерий» и всех людей в нем. Мы обнаружили, что мы – *Источник* всего этого. И из этого неделимого Источника мы исследовали две уникальные точки зрения на эту комнату и на этот мир – и наслаждались этим.

Джей упомянул, что его заметка «Путь Хардинга» появилась спонтанно, когда он однажды сел и стал просто писать. Однако из этого непреднамеренного действия последовал контакт со мной. Затем я разослал его заметку многим людям и разместил на нашем веб-сайте. Благодаря такому ходу событий он соприкоснулся со многими людьми в мире, о которых даже не знал. И вот, как следствие всего этого, я сижу здесь перед ним. Мы никогда не знаем, что будет дальше, не правда ли? Лично мы ничем не управляем.

Или, возможно, как сказала индийская святая Анандамайи Ма: «*Отсюда* все хорошо управляется».

Еще как хорошо! И при этом само Руководство понятия не имеет о том, как оно со всем этим справляется!

В половине четвертого по громкоговорителям сообщили, что посетителям пора уходить. После нескольких прощальных слов мы с Джейем встали и пожали друг другу руки. А затем обнялись.

Я присоединился к другим посетителям. Мы столпились в маленькой комнатке между раздвижными дверями. Через окошко мы могли видеть, как заключенные, теперь оставшиеся в «кафетерии» одни, сидели в ожидании, пока им разрешат уйти, но не через ту дверь, в которую вошли мы, а через ту металлическую в другом конце помещения. Это было душераздирающее зрелище для их жен и родственников... и для меня тоже. И вдруг я увидел Джейа. Хотя он сидел среди остальных заключенных, он был один, безмятежно смотря вниз перед собой. Я был уверен,

что в тот момент он видел, Кто Он на самом деле. Как и я. Я думаю, наша встреча тронула нас обоих.

Я вышел из тюрьмы, сел в автобус вместе с другими посетителями, забрал ключи от своей машины в приемной и уехал...

Я был волен уйти.

А Джей – нет.

Однако мы оба осознавали свободу того, Кем на самом деле являлись.

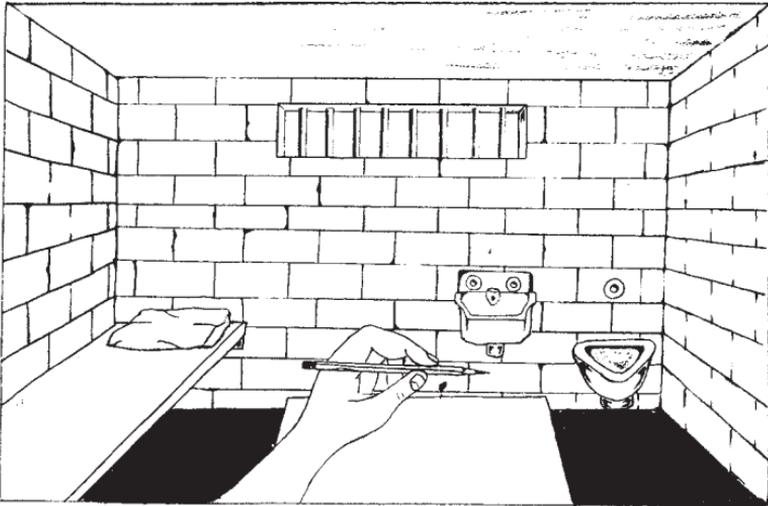
После той встречи с Джем я посещал многие города и страны, продолжая проводить семинары на тему Видения Того, Кто Вы на самом деле. Этим я занимался и в течение того месяца, перед тем как посетить Джея. Время от времени я делился с друзьями и участниками семинаров историей о том, как я прочел статью Джея, и о нашем последующем знакомстве. Я рассказывал людям о том, как Джей вдохновил меня, какая у него была тяжелая жизнь, какой тяжелой она остается до сих пор! И, однако, он *видит*, Кто Он на самом деле. Кто бы мог подумать, что он придет к *Этому* после всех взлетов и падений его жизни? Что он прорвется к этой Свободе и Блаженству! Придет к пониманию того, что это не он в тюрьме, а тюрьма в Нем!

Не думаю, что Джей мог бы представить себе, что он найдет эту свободу до того, как ее нашел. А кто мог бы? Как можно представить себе *Это*? Эту безграничность невозможно предвосхитить – ее возможно лишь увидеть, *Здесь* и сейчас. Наверное, даже сейчас ему это кажется невероятным. Но я сам в таком же положении – *видеть* Того, Кто Я на самом деле, кажется по-прежнему удивительным.

Вскоре после моего возвращения домой в Лондон из своего путешествия по миру я получил от Джея письмо. Вот первые два абзаца:

«Дорогой Ригард!

Во-первых, хочу сказать, что было огромным удовольствием с Вами познакомиться! Ваш визит укоренил меня в практике *Видения*. Я знаю, что в этом я Один, но вместе с тем так приятно быть не одному – а Вы сидели прямо передо мной и сияли *Видением*. Непередаваемо!

С тех пор как Вы меня навестили, я поделился экспериментом с указыванием с еще одним другом, и до него мгновенно „дошло“. Не знаю, что он будет с этим делать, но это несомненно его поразило. Скорее, даже ошарашило! Я постоянно думаю о том, что Вы сказали про Бога, который пробуждается...».

В своей книге «Суд над человеком, который считал себя Богом» Дуглас Хардинг писал о вымышленном персонаже, которого посадили в тюрьму, предъявив обвинение в богохульстве. Во времена, описанные в романе, богохульство считалось тяжким преступлением. Своим обвинителям обвиняемый, конечно,

кажется всего лишь человеком – человеком, ошибочно мнящим себя Богом. Но обвиняемый указывает на тот факт, что когда он смотрит на то, чем он является сам для Себя – Первым лицом-Единственным числом-Настоящим временем – Он вовсе не человек, Он – Бог. Среди многих свидетелей, вызванных в суд, есть и его тюремщик, который подтверждает адвокату обвинения, что видел обвиняемого в тюрьме. Если бы обвиняемый действительно был Богом, тогда – и тюремщик с этим согласен – никто не смог бы заключить его в четыре стены камеры. Ибо Бог безграничен. Очевидно, что – в качестве третьего лица – обвиняемый действительно заключен в камере. Однако в свою защиту обвиняемый показывает суду рисунок, чтобы доказать, что в качестве Того, Кто Он на самом деле, – в качестве Первого лица-Единственного числа-Настоящего времени, – Он вовсе не находится в тюремной камере, но камера находится в Нем. Как видно из рисунка, обвиняемый не заключен в камере – ближайшая стена отсутствует. Обширный, Прозрачный, Безграничный в этом конце камеры в тюрьме не сидит. Не поддающийся ограничениям, Он сбежал еще до того, как был заключен в тюрьму. Он – и только Он – абсолютно и безусловно свободен.

Ричард Ланг

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЭКСПЕРИМЕНТЫ «БЕЗГОЛОВОГО ПУТИ»

Напоминание: чтобы пережить на собственном опыте *Пустоту-Наполненность*, нужно сделать эксперименты. Просто читать о них – бесполезно. Попробуйте делать их так, как делал бы их маленький ребенок – играючи и вместе с тем серьезно; без обусловленных «взрослых» представлений о том, что является глупым, несерьезным, неприличным. На карту поставлено ни много ни мало Царство Божие, которое может оказаться ближе, чем вы думаете.

1. УКАЗЫВАНИЕ

НА ВАШУ СОБСТВЕННУЮ ПРОЗРАЧНОСТЬ

Укажите на какой-нибудь предмет в комнате. Сфокусируйтесь на нем, отмечая его форму, цвет и фактуру. Увидьте, что это *вещь*, находящаяся от вас на определенном расстоянии. Теперь укажите на пол. Вновь заметьте присущие ему свойства, к примеру, его матовость. Укажите на вашу ступню. Увидьте, что это тоже *вещь*, которая находится *там*, в мире. Теперь по порядку укажите на ваше колено, живот, грудь, каждый раз отмечая их форму, плотность и вещественность.

А теперь укажите на то, откуда вы смотрите, на это место, где другие видят ваше лицо (действительно сделайте это). Разверните ваше внимание на 180° и посмотрите на самого себя. Основываясь только на доказательствах, имеющих в данный момент, а не на ваших верованиях, не на том, чему вас учили

или что вы воображаете, смотря на себя совершенно свежим взглядом, на нулевом расстоянии от себя что вы видите? Вы видите еще одну вещь? Вы видите какой-нибудь цвет, фактуру, плотность? Видите ли вы вообще какую-нибудь форму? Полагайтесь только на то, что вы *видите*, а не на то, что вы ожидаете. Видите ли вы свое лицо?

Я почти не сомневаюсь, что вы видите то же самое, что видел Дуглас Хардинг и многие тысячи других людей: никакого лица, никакой головы, вообще ничего. Только пространство, ясное, безграничное и пробужденное. Светящаяся прозрачность, полностью наполненная происходящим. Это пустое и осознающее *вместилище* и есть То, Что Вы Есть на самом деле.

2. ВАШ ЕДИНСТВЕННЫЙ ГЛАЗ

Держите ваши очки перед собой на расстоянии вытянутой руки. Если у вас нет ни обычных очков, ни солнечных, изобразите пару очков руками. Теперь очень медленно подносите их к себе, внимательно за ними наблюдая, и наденьте их. Заметьте, как у очков, у которых сначала было два стекла, теперь только одно. Согласно вашему собственному опыту, вы теперь смотрите через очки или это уже монокль? Не поддавайтесь влиянию ваших предположений или того, что вы видите, когда смотрите в зеркало. Вместо этого полагайтесь на то, что видите *оттуда*, где вы находитесь,

откуда никто, кроме вас, ничего не может сказать. Разве вы на самом деле смотрите не из одного глаза?

Теперь снимите очки, но продолжайте смотреть *туда*, откуда вы смотрите. Может быть, это тот самый «третий глаз», о котором говорят древние традиции, – один из способов сказать, что только Осознание видит, а не глаза? Обратите внимание, сколь велик ваш единственный глаз: широко раскиньте руки до тех пор, пока они практически не пропадут из виду, и держите свой огромный, овальный глаз без стекол и краев. Увидьте, что все аккуратно помещается в нем, и заметьте, что в этой вместительной пустоте нет ни малейшего напряжения. Наблюдая своим «третьим глазом», вы можете заметить, что не только из него смотрите, но и являетесь им. Этот эксперимент можно делать в любом месте, в любое время. Это отличный способ расслабиться и сознательно быть Тем, Кто Вы в реальности.

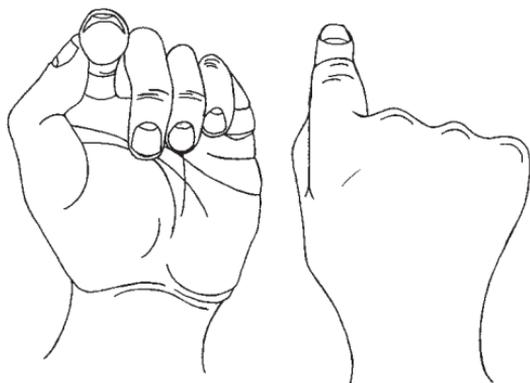
3. ЗЕРКАЛО

Посмотрите в зеркало. Заметьте: то, что вы видите *там*, и то что вы видите *Здесь*, кардинально отличается одно от другого. *Там* – сложности формы. *Здесь* – простота осознающего пустого пространства. Зачем предполагать, что у вас *Здесь* есть то, что другие видят *оттуда*, где находятся они? Ваше лицо явно находится *там*, в зеркале, где его видят другие (и фотокамеры). *Здесь* же вы – прозрачное, лишенное рамы окно для мира.

Чтобы убедиться, что лицо в зеркале находится не *Здесь*, где находитесь вы, ориентируйтесь только на то, что вы видите. Отметьте, что оно находится на расстоянии около трех футов от вас; что оно слишком маленькое, чтобы быть вам «впору» *Здесь*; что оно вывернуто наизнанку и, более того, что это

нечто, *на что* вы смотрите, а не *из чего* вы смотрите. Вам еще в детстве сказали, где находится это лицо, и вы всю жизнь воображали, что оно здесь, даже приписывали ему различные ощущения и по ходу дела забыли то прозрачное осознание, которым являетесь на самом деле. Зачем продолжать принимать то, что очевидная для вас неправда? Увидьте, что вы находитесь прямо *Здесь*, увидя в зеркале, где на самом деле находится ваше лицо.

4. ДВУНАПРАВЛЕННОЕ ВИДЕНИЕ

Укажите рукой на какой-нибудь предмет. Другой рукой – на то, из чего вы смотрите. Это двунаправленное видение: одновременно в двух направлениях. Это можно делать где угодно. Отпустите себя в двунаправленном видении на работе или во время медитации. Отпустите себя в двунаправленном видении, когда вы находитесь лицом к лицу с другом. Посмотрите вовне на то лицо и одновременно вовнутрь на *не-лицо*. Посмотрите вовне – на цвет, форму и движение; и вовнутрь – на ясную пустую недвижимость. Заметьте, что ваше видение мира вовне неполно: вы видите только часть вещей – внешнюю, но не внутреннюю; переднюю, но не заднюю; ближнюю, но не дальнюю.

А взгляд вовнутрь не таков. Посмотрите *Сюда* и увидите все это сразу. Посмотрите *Сюда* и увидите, что нет ничего, что могло бы отличаться от того, как кто-либо еще видит *Здесь*. Никто не видит осознающую пустоту более отчетливо, чем вы, и никто, независимо от того, сколько бы лет он это ни практиковал, не может сделать это лучше вас. Каждый раз, когда вы видите эту вместительную *Пустоту*, которой являетесь, вы видите ее совершенным образом. *Здесь* вы целостны в качестве *Ничто*.

5. КАРТОНКА. (Часть 1)

Вырежьте отверстие размером с голову в большом листе картона. Держите лист перед собой и смотрите на отверстие. Заметьте, что отверстие пустое, совершенно прозрачное. Внимательно наблюдая за отверстием, медленно приблизьте картонку и поместите лицо в отверстие, как будто вы надеваете маску. Обращайте внимание на то, что происходит: отверстие становится больше и больше, пока границы не исчезнут и оно не станет безграничным. Вы надели пустое пространство. Вы и есть это пустое пространство. Сначала вы смотрели *на* него, теперь вы смотрите *из* него.

(Часть 2)

Держите картонку как раньше. Смотрите на пространство в отверстии, и в этот раз заметьте, что оно также наполнено происходящим, окружающей обстановкой. По мере того как вы медленно приближаете лист картона к себе, отмечайте, что все больше и больше происходящего включается в это пространство, пока наконец, когда вы «наденете» это пространство, вы также не «наденете» и окружающую обстановку! Заметьте, что пространство и окружающая обстановка

столь полно слились, что стали единым целым. Это то, чем вы являетесь, *Ничто и Все*. Пустота, которой вы являетесь, и есть та окружающая обстановка, которой вы наполнены. Для других в комнате вы – человек с картонкой на голове. Для вас самих в качестве Первого лица-Единственного числа, вы – пустое пространство, заполненное этой комнатой. Обычно мы обращаем внимание только на людей и вещи, которые находятся *там*. Этот же эксперимент помогает нам увидеть то, что так очевидно дано (и что так легко не заметить) прямо *Здесь*.

6 Лицо к не-лицу

Отрежьте дно бумажного пакета среднего размера или найдите большой лист бумаги, сверните его в трубу, убедитесь, что диаметр трубы достаточно большой для того, чтобы в оба ее конца поместилось лицо, и скрепите ее клейкой лентой. Попросите друга поместить лицо в один конец пакета-трубы, а сами поместите свое лицо в другой конец. Еще одного друга попросите зачитать следующее:

А. Основываясь только на доказательствах, имеющих в данный момент, ответьте, сколько лиц находится в пакете? Вы там находитесь лицом к лицу, или на том конце находится лицо, а на этом – пространство?

Б. Изучите лицо на том конце. Рассмотрите его контуры, цвет, фактуру, отметьте многосложность, непрозрачность. Сравнимо ли это с тем, что вы видите на своем конце? Можете ли вы найти хоть какое-то сходство? Разве вы на своем конце не полностью прозрачны и не полностью свободны от какой-либо материи?

В. Основываясь только на том, что вы видите, ответьте, на каком конце трубы вы обнаруживаете

пробужденность, сознание? Можете ли вы найти какое-либо сознание на том конце или какую-либо материю на вашем конце? И как так получилось, что большую часть своей жизни вы считали наоборот? Может ли это быть причиной ваших проблем с взаимоотношениями?

Цель этого эксперимента – продемонстрировать, что вы никогда ни с кем не находились лицом к лицу, что на самом деле вы никогда не были в конфронтации. Лицо было там, пространство – *Здесь*. Вы можете этого не понимать и не одобрять, но так уж вы устроены – исчезать в пользу других, «умирать» для них. Вы – Вместилище и в этом качестве принимаете других как самого себя; они находятся внутри вас. Разве не это основа безусловной любви?

7. ВАШ НЕДВИЖИМЫЙ ЦЕНТР

Стоя в помещении или на открытом воздухе, укажите на ваше пустое осознание – как вы это делали в эксперименте 1. Теперь медленно повернитесь на 360°, продолжая указывать на свой Центр. Заметьте, что это окружающая обстановка движется, тогда как вы, в качестве *Ничто*, остаетесь совершенно недвижимым.

Или держите зеркало на расстоянии вытянутой руки и смотрите в него. Теперь подвигайте рукой – так чтобы лицо по-прежнему оставалось в зеркале – наверх по стене, по потолку, вниз по противоположной стене и обратно. Пусть это лицо, этот объект в третьем лице двигается, тогда как вы остаетесь *Здесь*. Теперь посмотрите, сможете ли вы заставить двигаться то, что *Здесь*, на этом конце вытянутой руки. Попробуйте пройти с этим на другую сторону комнаты и отметьте, что вы этого сделать не можете, что комната движется.

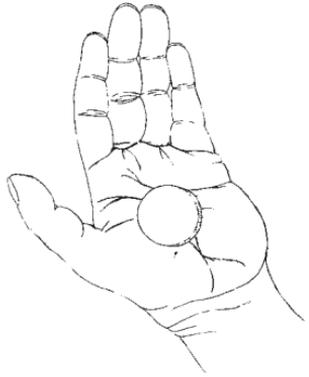
Или пройдитесь куда-нибудь (или пробегитесь) и понаблюдайте, как движется пейзаж, как тротуар и здания исчезают в пустоте вашего единственного глаза. Или в следующий раз, когда вы будете за рулем, посмотрите, как пролетают мимо телеграфные столбы. Когда будете лететь куда-нибудь на самолете, посмотрите, как под вами движется мир и как ваше место назначения прибывает в вас без какого-либо усилия с вашей стороны. Как бы сильно вы ни верили в обратное (будучи обусловленными с самого рождения), вы в качестве Чистого Осознания действительно недвижимы. Это мир, который вы воплощаете, движется как функция вашего воплощения. Вы – не ваше тело.

Когда вы ходите, вы остаетесь недвижимым, это ступни и ноги движутся внутри Вас, это руки движутся внутри вас, это тротуар скользит мимо, внутри вас. Все они относительно по отношению друг к другу, но не по отношению к тому, кто есть Вы, вне времени и пространства. Если вы – *Ничто*, то что может двигаться? В своем воплощении Вы являетесь Всем – где же находится то отдельное «я», которое бы двигалось через «не-я»?

8. ВЛАДЕЯ ВСЕМ

Возьмите в руку монету и посмотрите на нее. Заметьте, что есть два предмета: рука и монета. Что чему принадлежит? Монета принадлежит руке или рука принадлежит монете? Какую роль здесь играете «вы»? Разве это скорее не один предмет, который взаимодействует с другим предметом, а вовсе не вопрос «обладания»? Рука – это «вещь», монета – это вещь, обе имеют форму, фактуру и плотность, и обе умудряются не сливаться друг с другом. Так ведут себя «вещи».

А теперь посмотрите на то, что находится *Здесь*, на ближнем крае вашей руки, на *Пустоту*, наполненную этой рукой, кистью и монетой. Разве

не правда, что в качестве Того, Что Вы на самом деле, вы ни с чем не взаимодействуете – и никогда не взаимодействовали? Посмотрите на эту руку и монету, одновременно смотря назад на то, из чего вы смотрите. Увидьте, что рука и монета находятся внутри Осознавания, внутри Вас. Того, кем вы себя считали, заменила эта рука и эта монета. Это *истинное* владение. Поэтому вам принадлежит весь мир.

9. ПОДЕРЖИТЕ СВОИ НЕ-УШИ

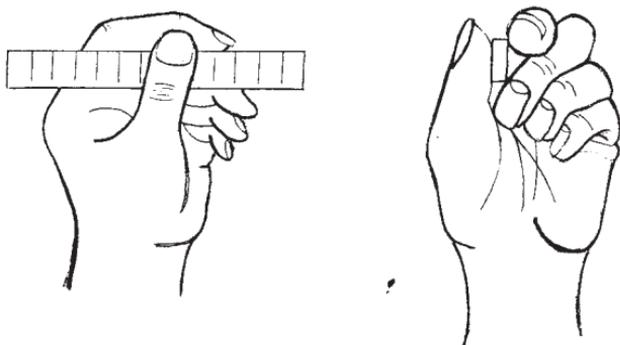
Вот что я обнаруживаю, когда держу то, что вы считаете моими ушами (другие видят, как я держу себя за уши, но *Отсюда* все выглядит совершенно иначе). *Здесь*, где я нахожусь, я вместо своей головы обнаруживаю ощущения прикосновений и давления с правой и левой стороны. Расстояние между этими ощущениями огромно, как весь мир – мир, который так легко его заполняет, включая все образы, звуки и запахи, а также сопутствующие им мысли и чувства. Я это не воображаю, я это *вижу*. Так проявляется мир – здесь и сейчас, осознающий себя.

Попробуйте подержаться за свои уши и посмотрите, так ли это для вас. Если да, то вы можете сказать вместе с Хуанбо: «Эта дорожная шляпа может показаться маленькой, но когда я ее надеваю, она покрывает собой всю Вселенную».

Ю. ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ, ВСЕВЕДЕНИЕ, ВСЕМОГУЩЕСТВО

Чтобы встретиться с Богом, объединиться с Богом, жить с Богом в центре своего бытия, сначала ощутите Его вездесущность:

Линейкой или веревочкой измерьте расстояние между любыми двумя предметами в комнате. Теперь измерьте расстояние между любым из этих

предметов и вами и заметьте, что линейка или веревочка, направленная одним из концов вперед от вас, превратилась в точку. Между вами и чем-либо нет никакого расстояния! Бог повсюду, потому что все *Здесь!* Это видение из Первого лица-Единственного числа, с перспективы Бога. Выйдите на улицу ночью и сравните расстояние между любыми двумя звездами с «не-расстоянием» между ними и вами. Если вы сомневаетесь, где же на самом деле находятся эти звезды, спросите у нейробиолога или фотографа и посмотрите, станут ли они отрицать, что эти

звезды на самом деле находятся *Здесь*, в наблюдателе (или на фотопленке).

Затем ощутите Его всеведение:

В качестве этого Сияющего Осознавания Бог знает суть всех существ, всех вещей, потому что Он и есть эта суть. Все является Осознаванием и коренится в Осознавании. От мельчайшей и самой скоротечной из субатомных частиц до самой большой и самой сложной из галактик, все в своей основе объединены. Укажите на вашу *Сердцевину* и сами увидите Ее безграничную Ясность, ту самую Ясность всех существ, которая есть повсюду. Видеть То, Что Вы на самом деле, — значит видеть то, что есть *все*. А как лучше узнать, как не увидеть?

Затем ощутите Его всемогущество:

Моргните!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДАННОСТЬ – вообще *ничто*, что остро осознает себя как полное *ничто* и, таким образом, является вместимостью для *всего*. Давайте назовем это Дугласом Хардингом.

ДАННОСТЬ – вообще *ничто*, что остро осознает себя как еще одно полное *ничто* и что является вместимостью для *всего*. Давайте назовем это Джей Амбершелом.

А теперь давайте сложим вместе эти два полных *ничто*.

На самом деле они сами складываются и являются абсолютно одним и тем же.

Нет предела числу этих *ничто*, которые сами складываются.

И что может мне помешать назвать это проявлением безграничной божественной любви, в которой я навсегда, до бесконечности являюсь Вами, Джей, а вы – Мною?

Дуглас Э. Хардинг
Нэктон, Саффолк, Англия
Январь, 2006

Ричард Ланг – координатор The Sholland Trust, некоммерческой организации в Великобритании, созданной, чтобы сделать Безголовый Путь, разработанный Дугласом Хардингом, более доступным. Он автор книги «Кто ты на самом деле?» и редактор книги «Откройся источнику». Широко путешествуя по миру, он проводит семинары по Безголовому Пути.

**Координаты The Sholland Trust
и англоязычный сайт о «Безголовом Пути»
Дугласа Хардинга:**

The Sholland Trust
87B Cazenove Road
London N16 6BB UK
Тел.: 020 8806 3710
e-mail: headexchange@gn.apc.org
www.headless.org

На русском языке информация о «Безголовом Пути» и проводимых в России семинарах по безголовому *видению* размещена на сайте **www.ne-2.ru**

Приобрести DVD Дугласа Хардинга и Ричарда Ланга и их книги на русском языке можно через интернет-магазин **www.omstore.ru**, где они всегда в наличии в полном ассортименте.

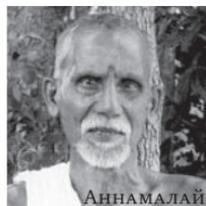
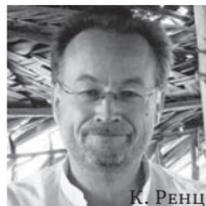
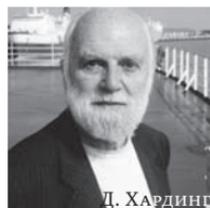

В СЕРИИ «НЕ-2»
издательство «Ганга» выпустило в свет
следующие книги:

(Подробно о серии смотрите на сайте www.ne-2.ru)

- ✦ Дуглас Хардинг
«МАЛЕНЬКАЯ КНИГА ЖИЗНИ И СМЕРТИ»
- ✦ Дуглас Хардинг, Ричард Ланг
«ОТКРОЙСЯ ИСТОЧНИКУ»
- ✦ Дуглас Хардинг «ЖИЗНЬ БЕЗ ГОЛОВЫ.
Дзэн или переоткрытие Очевидного»
- ✦ Дуглас Хардинг
«БЫТЬ И НЕ БЫТЬ: вот в чем ответ»
- ✦ Ричард Ланг «КТО ТЫ НА САМОМ ДЕЛЕ»
- ✦ Карл Ренц
«ПРОСВЕТЛЕНИЕ И ДРУГИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ»
- ✦ Карл Ренц «ПРОСТО ГЛОТОК КОФЕ»
- ✦ Карл Ренц «ДАО ДЭ НЕГЛИЖЕ»
- ✦ Рам Цзы «К ЧЕРТУ УМ!»
- ✦ Рам Цзы «ПРИЯТИЕ ТОГО, ЧТО ЕСТЬ»
- ✦ Рам Цзы
«НЕТ ПУТИ ДЛЯ ДУХОВНО ПРОДВИНУТЫХ»
- ✦ Тони Парсонс «ВСЁ СУТЬ НИЧТО СУТЬ ВСЁ...»
- ✦ Дэвид Керс
«СОВЕРШЕННОЕ СИЯНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ»
- ✦ Вэй У Вэй «НЕИСКУШЕННО МУДРЫЕ,
или говорила сова кролику...»

- ✦✦ Рамеш Балсекар «СОЗНАНИЕ ПИШЕТ»
- ✦✦ Рамеш Балсекар «УКАЗАТЕЛИ
ОТ НИСАРГАДАТТЫ МАХАРАДЖА»
- ✦✦ Рамеш Балсекар «ПОКОЙ И ГАРМОНИЯ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ»
- ✦✦ Дэвид Годмен «НИЧТО НИКОГДА НЕ СЛУЧАЛОСЬ».
Том 1 и 2
- ✦✦ Муджи «ПРОБУЖДЕНИЕ К СВОБОДЕ»
- ✦✦ Стивен Волински «Я ЕСТЬ ТО, ЧТО Я ЕСТЬ»
- ✦✦ У.Г. Кришнамурти «ОШИБКА ПРОСВЕТЛЕНИЯ»
- ✦✦ У.Г. Кришнамурти «УМ – ЭТО МИФ»
- ✦✦ Аннамалай Свами
«ЖИЗНЬ С РАМАНОЙ МАХАРШИ»
- ✦✦ «СВЕТ АРУНАЧАЛЫ». Беседы с Раманой Махарши
и Аннамалаем Свами

omstore

ТОВАРЫ ДЛ Я РАЗВИТИЯ

www.omstore.ru

Интернет-магазин "ОМСТОР",

где вы всегда найдете:

весь ассортимент книг издательства "Ганга",

книги, аудио- и видео-материалы,
связанные с духовно-просветительской, обучающей,
познавательной и оздоровительной тематиками.

Также в категорию наших товаров входят
благовония, чай, талисманы, масла, бальзамы,
сувениры стран Востока и Запада.

Мы работаем 24 часа в день, 7 дней в неделю, круглый год
без выходных.

Доставка книг по всему миру!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГАНГА»

Мы специализируемся на выпуске книг по восточному и западному мистицизму и его прикладным аспектам. Наши темы: адвайта, йога, тантра, кашмирский шиваизм, буддизм, бон, даосизм, дзэн, цигун, боевые искусства, магические искусства, мистическое христианство, русское и западно-европейское язычество и др.

Наши издания включают качественные переводы с санскрита, тибетского, древнекитайского, китайского, немецкого и английского языков, а также труды отечественных авторов. Мы стараемся избегать «эзотерического попкорна» и предлагаем читателю наиболее интересных с нашей точки зрения авторов.

Наше издательство также оказывает следующие услуги: макетирование и оформление книг, буклетов и т.п.; верстка и подготовка к печати.

Наш сайт: www.ganga.ru
Эл. адрес: ganga@ganga.ru

Оптовые продажи:

Каширский пр-д, д. 27

(м. «Варшавская», последний вагон из центра, из стеклянных дверей налево, затем направо вниз по переходу, на выходе из перехода направо вдоль торгового центра в сторону здания с числом 1975 на кирпичной кладке, пройти вдоль всего здания, в конце здания – проходная)

тел./факс (499) 613-9418,
E-mail отдела продаж: real@ganga.ru

В розницу:
Интернет-магазин OmStore www.omstore.ru

Джей Амбершел
Жить из Основы Бытия

Перевод: *М. Русакова*
Редактор *К. Кравчук*
Корректор *Ю. Жаркова*
Макет и оформление: *И. Горцевич*

ООО «Издательство Ганга»
www.ganga.ru
117574, Москва, ул. Голубинская, 17/9 - 501
E-mail: ganga@ganga.ru.
Адрес сайта в интернете: www.ganga.ru

Подписано в печать 30.11.2010. Формат 84х108/32
Гарнитура Charter OSC. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7. Тираж 1000 экз. Заказ №